

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал
Издается с октября 2006 г.
Выходит четыре раза в год

E-mail: editor62@yandex.ru
<https://pl.editorum.ru/>

ISSN 2072-2427
e-ISSN 2687-122X
2021
Т. 16(1–4)
№ 2

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2021. Т. 16(1–4), № 2

ISSN 2072-2427
e-ISSN 2687-122X

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019](#).

Главный редактор – [А. П. Скиба](#).

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://pl.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 05.07.2021. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 71616.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий,](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: apskiba@mail.ru.

Грушин Федор Владимирович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Букалерова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: bukalerovala@rudn.university.

Горазд Мешко, доктор (PhD), профессор криминологии, директор Института уголовной юстиции и безопасности, Мариборский университет, г. Любляна, Словения, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: uglaw@yandex.ru.

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru.

Grushin Fedor Vladimirovich, deputy editor-in-chief, DSc (Law), professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Bukalerovala Lyudmila Aleksandrovna, DSc (Law), Professor, head of criminal law, criminal procedure and criminology department, Peoples' friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: bukalerovala@rudn.university.

Gorazd Meshko, PhD, Professor of criminology, Director of the Institute of criminal justice and security, University of Maribor, Ljubljana, Slovenia, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Associate Professor, head of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Kashuba Yuriy Anatol'evich, DSc (Law), Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan YAKovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: uglaw@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Наваан Гантулга, доктор (PhD), профессор, начальник Института по подготовке сотрудников учреждений, исполняющих судебные решения, Университет правоохранительной службы при Министерстве юстиции и внутренних дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Орлов Владислав Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовной политики, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vis_home@list.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Navaan Gantulga, PhD, Professor, Deputy of the Training Institute for personnel executing court judgments, Law enforcement service University under the Ministry of Justice and Internal Affairs of Mongolia, Ulan Bator, Mongolia, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Orlov Vladislav Nikolaevich, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal policy department, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, professor of criminal law and criminology department, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vis_home@list.ru.

Skripchenko Nina Yur'evna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Tereshchenko Tat'yana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важное значение для функционирования правоохранительной системы России, а также для обеспечения целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

- 140** *Карabanов А. Л.* Эффективность исполнения, отбывания уголовного наказания и киберосновы уголовно-исполнительного процесса

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

- 147** *Ефремова И. А., Скиба А. П.* Условно-досрочное освобождение осужденного: проблемы реализации в условиях чрезвычайного положения

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 154** *Добряков Д. А.* Некоторые вопросы реализации общественного воздействия при исполнении наказания в виде лишения свободы

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

- 160** *Белик В. Н., Искра М. А.* К вопросу реализации права на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях
- 166** *Сирякова Е. О.* Права человека в уголовно-исполнительной системе

ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ

- 176** *Кашуба Ю. А., Соколов А. А.* Ретроспективный анализ некоторых оснований освобождения от отбывания наказания

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

- 182** *Орлов В. Н.* Наказание в виде исправительных работ: отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 192** *Абзалова Х. М., Малолеткина Н. С.* Уголовно-исполнительная политика Республики Узбекистан и Российской Федерации: некоторые аспекты совершенствования
- 199** *Давыдова И. А.* Влияние международных факторов на расширение средств правовой защиты осужденных в России
- 205** *Слепцов И. В.* Смертная казнь по законодательству Республики Казахстан: история и современность
- 215** *Терещенко Т. Г.* Об оценках коррупционных рисков в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 221** *Хабибуллин Л. Р.* Зарубежные концепции уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 227** *Санташов А. Л.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Руслана Рафиковича Халилова «Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Казань, 2020. 222 с.)
- 234** *Скиба А. П., Никитин Д. А.* Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (17–18 мая 2021 года)

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ- ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

- 242** *Грушин Ф. В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором Владимиром Александровичем Уткиным

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

THEORY OF PENAL LAW

- 252** *Karabanov A. L.* Efficiency of execution, serving of a criminal sentence and cyberbasis of the penal process

PENAL LAW IN THE CONTEXT OF A NATURAL DISASTER, STATE OF EMERGENCY OR MARTIAL LAW

- 253** *Efremova I. A., Skiba A. P.* Parole of a convicted person: problems of implementation in a state of emergency

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

- 254** *Dobryakov D. A.* Some issues of implementing public influence in the execution of penalties in the form of imprisonment

LEGAL STATUS OF CONVICTS

- 255** *Belik V. N., Iskra M. A.* The implementation of the right to compensation for violations of the detention conditions of suspects and accused persons and the conditions of convicted persons detention in correctional institutions

- 256** *Siryakova E. O.* Human rights in the penal system

EARLY PAROLE FROM PUNISHMENT

- 258** *Kashuba Yu. A., Sokolov A. A.* Retrospective analysis of some grounds for release from serving a sentence

EXECUTION OF NON-CUSTODIAL SENTENCE

- 260** *Orlov V. N.* Punishment in the form of correctional labor: separate criminal-legal and penal aspects

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF SENTENCES EXECUTION

- 262** *Abzalova Kh. M., Maloletkina N. S.* Penal policy of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation: some aspects of improvement
- 264** *Davydova I. A.* The influence of international factors on the expansion of legal remedies for convicts in Russia
- 265** *Sleptsov I. V.* The death penalty under the legislation of the Republic of Kazakhstan: history and modernity
- 267** *Tereshchenko T. G.* The assessment of corruption risks in the institutions of the penal system of the Republic of Belarus

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

- 268** *Khabibullin L. R.* Foreign concepts of criminal law counteraction to mass riots

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

- 269** *Santashov A. L.* The review of the official opponent on Ruslan Rafikovich Khalilov's thesis "Measures of criminal and legal encouragement of positive behavior of convicts serving imprisonment", submitted for the degree of PhD (Law) in the specialty 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law (Kazan, 2020. 222 p.)
- 270** *Skiba A. P., Nikitin D. A.* International scientific and practical conference "Ensuring human rights in the penal system of the Russian Federation" (May 17–18, 2021)

INTERVIEWS WITH LEADING PENITENTIARY SCIENTISTS

- 271** *Grushin F. V.* Interview with Sc.D (Law), Professor Vladimir Alexandrovich Utkin

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.140-146

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ КАРАБАНОВ,

кандидат юридических наук, адвокат,

председатель Московской коллегии адвокатов «Карабанов и партнеры»,
ответственный секретарь журнала «Российский криминологический взгляд»,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: info@karabanoff.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ, ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И КИБЕРОСНОВЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Для цитирования

Карабанов, А. Л. Эффективность исполнения, отбывания уголовного наказания и киберосновы уголовно-исполнительного процесса / А. Л. Карабанов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 140–146. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.140-146.

Аннотация. Под эффективностью исполнения, отбывания уголовного наказания автор понимает достижение поставленных перед уголовным наказанием целей, выполнение задач, реализацию функций, правового положения соответствующих субъектов и иную результативность в процессе оптимального взаимодействия и развития элементов исполнения, отбывания уголовного наказания при условии целесообразного использования ресурсов, применения уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с современными требованиями и реалиями жизни общества. К киберосновам уголовно-исполнительного процесса относятся элементы киберпространства в различных сферах: а) исполнение уголовного наказания; б) отбывание уголовного наказания; в) исправительное воздействие на осужденного, отбывающего тот или иной вид наказания. Отдельные элементы киберпространства классифицированы на общие и специфические.

Ключевые слова: эффективность исполнения, отбывания уголовного наказания, кибероснова, уголовно-исполнительный процесс, программное обеспечение уголовно-исполнительного процесса.

В течение ряда лет уголовно-исполнительные и иные проблемы эффективности применения, отбывания уголовного наказания в той или иной мере являлись предметом исследования как в диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук, так и в докторских диссертациях, а также в различных монографических изданиях. Особый вклад в разработку концептуальных, межотраслевых представле-

© Карабанов А. Л., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ний об эффективности уголовного наказания внесли ученые-юристы: Б. С. Бикситова (Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы: по материалам Оренбургской области. Бишкек, 2006), С. Ю. Бытко (Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты. Саратов, 2018), Г. А. Груничева (Эффективность наказания в виде лишения свободы. М., 2004), Д. М. Нартымов (Проблемы повышения эффективности наказания. Н. Новгород, 2010), В. А. Никонов (Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теоретико-методологическое исследование. Тюмень, 1994), П. Г. Пономарев (Эффективность правовых норм, регулирующих применение основных средств исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы. М., 1990), Ф. Р. Сундуков (Проблемы эффективности исполнения лишения свободы в отношении рецидивистов: правовые и социально-психологические аспекты. М., 1980), И. В. Шмаров (Основные проблемы изучения и повышения эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1969), Э. Н. Яхшибекян (Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ. М., 2012) и др. Вместе с тем понятие данной категории продолжает оставаться дискуссионным.

В Толковом словаре русского языка слово «эффект» определяется в трех значениях: 1) впечатление, производимое кем-чем-нибудь на кого-нибудь; 2) действие как результат чего-нибудь, следствие чего-нибудь; 3) средство, с помощью которого создается какое-нибудь впечатление [1, с. 914]. В Современном словаре иностранных слов указывается, что слово «эффективный» (от лат. *effectivus* – производительный) означает приводящий к необходимым результатам, действенный [2, с. 842].

Проблема изучения эффективности наказания имеет ряд аспектов. А. Е. Наташев определял следующие из них: 1) установление роли и места наказания в системе мер, направленных на борьбу с преступностью; 2) эффективность системы наказания в целом и отдельных его видов; 3) эффективность уголовно-правового запрета тех или иных общественно опасных деяний; 4) эффективность наказания в стадии его назначения и исполнения; 5) эффективность мероприятий по закреплению результатов исправления и перевоспитания осужденных после отбытия или досрочного освобождения от наказания. Автор полагал, что «исследование указанного круга проблем неразрывно связано с изучением объективных возможностей наказания, его целей и «механизма» воздействия наказания на психику человека с учетом условий, в которых применяется наказание, и всей общественной практики» [3, с. 164]. К перечисленным А. Е. Наташевым аспектам следовало бы добавить еще один – эффективность наказания в процессе его отбывания.

Эффективность отбывания уголовного наказания, безусловно, заслуживает особого внимания. Традиционно в уголовном и уголовно-исполнительном праве наибольшим признанием пользуется так называемая целевая концепция эффективности. Ее сущность сводится к тому, что эффективность правовой нормы или иные аспекты соответствующей деятельности должны определяться соотношением между целью и полученным результатом. Так, по мнению Г. А. Злобина и А. Е. Наташевой, в общем виде понятие эффективности наказания можно определить как реальное достижение (степень достижения) целей наказания в результате его воздействия на общественное сознание и на осужденного [3, с. 164].

А. Е. Наташев полагал, что «наказание следует считать максимально эффективным, когда уголовное, исправительно-трудовое и уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения в борьбе с преступностью в наибольшей мере соответствует объективным закономерностям развития общества и всей совокупности общественных

отношений. Из этого следует, что правовое регулирование поведения людей и его эффективность имеют материальный, объективный критерий, что в определенной мере должно предупреждать волюнтаризм и субъективизм в разработке мероприятий, направленных на борьбу с преступностью» [3, с. 164–165].

На наш взгляд, при определении эффективности исполнения и отбывания уголовного наказания ориентироваться на полученные результаты и цели в принципе верно. Однако данная ориентация не позволяет рассмотреть весь комплекс отношений детально и в совокупности. Если какая-то цель достигнута частично или вообще не достигнута, то нередко весьма сложно определить причины и условия сложившейся негативной ситуации. Правильнее было бы учитывать не только цели исполнения и отбывания уголовного наказания (хотя они, в сущности, и являются главными в этом процессе), но и задачи, функции, правовое положение соответствующих субъектов, а также иную результативность. Более широкий подход, то есть комплексная концепция эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания, позволяет соотносить полученные результаты как с целями, так и с другими категориями и институтами: задачами, функциями, реализацией правового положения соответствующих субъектов, а также с иной результативностью, имеющей значение в контексте рассматриваемой проблемы (например, последствия исполнения, отбывания уголовного наказания).

Таким образом, под эффективностью исполнения, отбывания уголовного наказания следует понимать достижение поставленных перед уголовным наказанием целей, выполнение задач, реализацию функций, правового положения соответствующих субъектов и иную результативность в процессе оптимального взаимодействия и развития элементов исполнения, отбывания уголовного наказания при условии целесообразного использования ресурсов, применения уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с современными требованиями и реалиями жизни общества.

Сегодняшнее состояние киберпространства и влияние его на общество, в том числе на уголовно-исполнительный процесс, позволяет сформулировать и обозначить некоторые киберосновы последнего. Отметим, что 16 апреля 2020 г. Международный союз электросвязи (МСЭ) опубликовал отчет «Глобальные регуляторные перспективы в области ИКТ, 2020 год». В докладе указывались новейшие тенденции в сфере регулирования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), новый инструмент под названием «опорный показатель совместного регулирования пятого поколения» или «опорный показатель G5», который позволяет реализовать возможность совместного и межотраслевого регулирования в области ИКТ [4]. Нельзя не отметить, что в России в 2008 г. была принята Стратегия развития информационного общества, а позднее – государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». В 2017 г. была подготовлена новая программа «Цифровая экономика Российской Федерации», основной целью которой являлось предоставление населению современных услуг ИКТ и создание новой цифровой среды. В соответствии с программой «Цифровая экономика Российской Федерации» к 2024 г. общая доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет со скоростью 100 Мбит/с должна достигнуть 97 %.

Усиление влияния киберпространства на уголовно-исполнительный процесс происходит буквально на глазах. При этом нет никаких сомнений в том, что эффективность исполнения, отбывания наказания напрямую зависит от данного влияния. В самом общем виде к киберосновам уголовно-исполнительного процесса следует отнести элементы киберпространства в различных сферах: исполнение уголовного наказания; отбывание

уголовного наказания; исправительное воздействие на осужденного, отбывающего тот или иной вид наказания.

Отдельные элементы киберпространства могут иметь общий характер, то есть затрагивать все указанные три сферы. Некоторые элементы имеют специфический характер и относятся именно к конкретной сфере уголовно-исполнительного процесса.

К *элементам общего характера* относятся: 1) разработка отдельного сайта в зависимости от субъекта исполнения уголовного наказания и сферы его деятельности; 2) разработка дополнительного программного обеспечения, позволяющего контролировать поведение осужденного, оказывать исправительное воздействие на него и т. д.

Специфическими элементами являются: 1) разработка программ, позволяющих отслеживать отдельные аспекты исполнения уголовного наказания, развивать, улучшать процедуру исполнения того или иного вида наказания; 2) разработка и создание программ «Безопасное исправительное учреждение», «Безопасная уголовно-исполнительная инспекция» и т. д. исходя из положительного опыта реализации Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р); 3) создание программного обеспечения, использование иных киберинструментов, направленных на совершенствование отбывания уголовного наказания, реализацию элементов правового положения осужденного и т. д.

Рассмотрим отдельные элементы киберпространства, оказывающие воздействие на уголовно-исполнительный процесс сквозь призму эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания.

Разработка коммуникационной платформы для учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. С учетом опыта деятельности ряда государственных органов в киберпространстве возможно под эгидой Федеральной службы исполнения наказаний или иного ведомства, субъекта, исполняющего уголовное наказание, разработать самостоятельную коммуникационную платформу (отдельный сайт и т. д.) для учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Безусловно, на этом сайте должна быть не только регистрация осужденного в своем личном кабинете, но и доступные страницы должностных лиц, как исполняющих тот или иной вид уголовного наказания, так и оказывающих исправительное воздействие на осужденного и участвующих в нем. Важно обеспечить информационный обмен между всеми участниками уголовно-исполнительного процесса через единое информационное пространство. При этом необходимо обеспечить ограниченный доступ к информации разного характера. Здесь могут быть видеолекции, нормативно-правовая база, ответы на часто задаваемые осужденными вопросы, а также иная информация, представляющая интерес как для осужденного, так и для субъектов, исполняющих тот или иной вид уголовного наказания. Возможно обеспечение информационного обмена на различных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Разработка дополнительного программного обеспечения, позволяющего контролировать поведение осужденного. Было бы идеально, если бы единая система видеонаблюдения в том или ином месте отбывания уголовного наказания была бы подключена к единой системе контроля за поведением осужденного. В таком случае деятельность субъекта, исполняющего уголовное наказание, была бы намного эффективнее. Представляется, что в скором будущем этот объем деятельности будет контролироваться с участием искусственного интеллекта. Необходимо также построить и развивать киберсистему анализа причин нарушения осужденным порядка и условий отбывания того или

иного вида наказания, прогнозирования существующих и потенциальных угроз уголовно-исполнительному процессу и т. д. В обязательном порядке следует предусмотреть ряд мероприятий: осуществление видеонаблюдения и видеофиксации; анализ видео- и аудиопотоков. Представляется, что в целях безопасности уголовно-исполнительного процесса все-таки следует дополнительно исследовать вопрос о необходимости чипирования субъектов исполнения и отбывания уголовного наказания.

Разработка дополнительного программного обеспечения, позволяющего оказывать исправительное воздействие на осужденного. Нельзя не обратить внимания на то, что вопросы исправительного воздействия на осужденного, безусловно, имеют наиважнейшее значение. В настоящее время воспитательная работа, общественно полезный труд, получение образования и иные аспекты исправительного воздействия на осужденного возможно реализовать онлайн. Следует использовать положительный опыт проведения подобных мероприятий в зарубежных странах. Справедливо отмечается, что «преимуществами дистанционного образования для осужденных являются:

- осуществление образования без отрыва от работы;
- возможность обучения по индивидуальному графику;
- осуществление выбора элективных курсов;
- приобретение навыков самостоятельного поиска информации и работы с ней;
- непрерывный контроль (мониторинг) качества усвоения знаний;
- адаптивность используемых в процессе обучения учебных продуктов (слайд-лекций, обучающих компьютерных программ и пр.) к индивидуальному темпу усвоения знаний» [5, с. 28].

Разработка программ, позволяющих отслеживать отдельные аспекты исполнения уголовного наказания. С учетом современных возможностей передачи информации в киберпространстве вполне реально разработать программное обеспечение по отслеживанию исполнения отдельных карательных элементов того или иного вида уголовного наказания. Например, предоставлен ли администрацией организации, в которой работает осужденный к исправительным работам, ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней (ч. 6 ст. 40 УИК РФ), имеются ли факты неявки осужденного к исправительным работам на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции (п. «а» ч. 1 ст. 46 УИК РФ), были ли случаи прогула или появления осужденного к исправительным работам на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения (п. «г» ч. 1 ст. 46 УИК РФ).

Разработка и создание программ «Безопасное исправительное учреждение», «Безопасная уголовно-исполнительная инспекция» исходя из положительного опыта реализации Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р), безусловно, потребуют значительного материального вложения, но это необходимо, поскольку все системы, программы и иные киберинструменты должны применяться в безопасной среде.

Создание программного обеспечения, использование иных киберинструментов, направленных на совершенствование отбывания уголовного наказания, реализацию элементов правового положения осужденного. Вполне осуществимо разработать программное обеспечение по отслеживанию реализации отдельных элементов правового положения осужденного. Например, осужденный к обязательным работам через сайт может ставить в известность уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места

жительства (ч. 1 ст. 26 УИК РФ). Если осужденный к обязательным или исправительным работам работает в киберпространстве, то вполне реально отследить, добросовестно ли относится он к труду или нет (ч. 1 ст. 26, ч. 1 ст. 40 УИК РФ).

В заключение отметим, что внедрение информационных технологий в процесс исполнения уголовных наказаний, кроме ожидаемого положительного эффекта, создает и ряд проблем. Справедливо отмечается, что «решением некоторых возникающих трудностей... могут выступить следующие мероприятия:

– подготовка (переподготовка, повышение квалификации) сотрудников учреждений по программе «Информационные технологии» и другим программам, позволяющим повысить уровень компьютерной грамотности;

– применение мер по предотвращению несанкционированного доступа осужденных к запрещенным сайтам, повышению безопасности доступа к служебным программам, сетевым ресурсам посредством программ фильтрации интернета и сетевого трафика, средств политики безопасности операционной системы, путем закрытия определенных портов на компьютерах;

– заключение договоров на предоставление образовательных услуг с учреждениями, имеющими лицензию на право предоставления данных услуг, с учетом особенности – отбывания обучаемыми наказания в виде лишения или ограничения свободы и возможности пролонгирования договоров после освобождения» [6, с. 35].

В целом возможности киберпространства и современного программного обеспечения реализованы в уголовно-исполнительном процессе лишь отчасти и очень незначительно. Конечно, есть субъекты более технически оснащенные, есть менее, но сейчас важно не только начать двигаться в этом направлении, но и всячески стимулировать любую подобную деятельность на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, следует сделать ряд основных выводов:

1) под эффективностью исполнения, отбывания уголовного наказания следует понимать достижение поставленных перед уголовным наказанием целей, выполнение задач, реализацию функций, правового положения соответствующих субъектов и иную результативность в процессе оптимального взаимодействия и развития элементов исполнения, отбывания уголовного наказания при условии целесообразного использования ресурсов, применения уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с современными требованиями и реалиями жизни общества;

2) к киберосновам уголовно-исполнительного процесса следует отнести элементы киберпространства в различных сферах: исполнение уголовного наказания; отбывание уголовного наказания; исправительное воздействие на осужденного, отбывающего тот или иной вид наказания;

3) отдельные элементы киберпространства могут иметь общий характер, то есть затрагивать все три указанные сферы; некоторые элементы имеют специфический характер и относятся именно к отдельной сфере уголовно-исполнительного процесса;

4) к элементам общего характера относятся: разработка коммуникационной платформы для учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; разработка дополнительного программного обеспечения, позволяющего контролировать поведение осужденного, оказывать исправительное воздействие на него и т. д.;

5) специфическими элементами являются: разработка программ, позволяющих отслеживать отдельные аспекты исполнения уголовного наказания, развивать, улучшать процедуру исполнения того или иного вида наказания; разработка и создание программ «Безопасное исправительное учреждение», «Безопасная уголовно-исполнительная

инспекция» и т. д.; создание программного обеспечения, использования иных киберинструментов, направленных на совершенствование отбывания уголовного наказания, реализацию элементов правового положения осужденного и т. д.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1998. 938 с.
2. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. М. : Мартин, 2004. 846 с.
3. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М. : Юрид. лит., 1967. 191 с.
4. МСЭ представляет «опорный показатель G5» – «золотой стандарт» сотрудничества регуляторных и директивных органов. URL : <https://www.itu.int/ru/mediacentre/pages/pr06-2020-global-ict-regulatory-outlook-g5-benchmark.aspx> (дата обращения: 31.05.2021).
5. Потапов А. М., Храброва Е. В. О практике получения осужденными к лишению свободы среднего профессионального и высшего образования с использованием дистанционных технологий // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 6. С. 27–30.
6. Шахов О. А., Бабкин А. А., Крюкова Д. Ю. Проблемы и перспективы применения современных компьютерных средств в учреждениях УИС в период реформирования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 6. С. 31–35.

УДК 343.846

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.147-153

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ЕФРЕМОВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: efremova005@yandex.ru;

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННОГО: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Для цитирования

Ефремова, И. А. Условно-досрочное освобождение осужденного: проблемы реализации в условиях чрезвычайного положения / И. А. Ефремова, А. П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 147–153. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.147-153.

Аннотация. На основе анализа положений Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов выявляется ряд недостатков регулирования института условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания в условиях чрезвычайного положения. Делается вывод о необходимости комплексного межотраслевого подхода к совершенствованию института условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, чрезвычайное положение, режим особых условий в исправительном учреждении, ходатайство осужденного, ограничение прав осужденных.

Статья 56 Конституции РФ предусматривает возможность введения режима чрезвычайного положения и его влияния на правовой статус граждан посредством реализации особой системы законодательства – чрезвычайного законодательства РФ. Особенности такого режима связаны с определенной степенью жесткости правового регулирования (ограничения правового статуса граждан), особым порядком действий правоохрани-

© Ефремова И. А., Скиба А. П., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

тельных органов, изменением условий работы и перераспределением компетенции государственных органов [1, с. 186; 2, с. 12; 3, с. 197].

Чрезвычайное положение – специальные правила, вводимые по отношению к гражданам при каких-нибудь особых обстоятельствах [4, с. 884]. Ограничения правового статуса граждан возможны с указанием пределов и срока их действия. Как правило, чрезвычайное положение может вводиться как на всей территории Российской Федерации, так и в отдельных местностях при наличии определенных обстоятельств и в рамках правового поля. Не распространяются ограничения на следующие конституционные права граждан: на жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, свободу совести и свободу вероисповедания, на жилище, судебную защиту, получение квалифицированной юридической помощи, презумпцию невиновности, обратную силу уголовного закона и др.

Согласно Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение означает вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные данным Законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. При этом согласно ст. 3 указанного Закона обстоятельствами введения чрезвычайного положения являются, помимо прочего, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ. В этом случае коронавирусная инфекция (COVID-19), существенным образом повлиявшая за последний год как на жизнь отдельных людей, так и в целом на общество и государство, в принципе также может быть обстоятельством введения чрезвычайного положения.

В соответствии со ст. 11, 13 Закона о чрезвычайном положении при введении чрезвычайного положения возможно применение различных мер и временных ограничений: установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение; полное или частичное приостановление на территории, на которой введено чрезвычайное положение, полномочий органов исполнительной власти субъекта (субъектов) Российской Федерации, а также органов местного самоуправления; усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; временное отселение жителей в безопасные районы; введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, мобилизация трудоспособного населения и привлечение транспортных средств граждан для проведения указанных работ и т. д. В этом случае жизнедеятельность в целом населения, а также функционирование государственных и иных органов может быть существенно скорректировано.

Чрезвычайное положение – это временная мера, направленная на обеспечение безопасности граждан и защиту конституционного строя Российской Федерации. Целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации.

УИК РФ содержит институт режима особых условий в исправительных учреждениях. Статья 85 УИК РФ закрепляет, что в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий. Распространяется режим особых условий только на наказание в виде лишения свободы.

В период действия режима особых условий в исправительном учреждении могут быть введены усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных. Во время режима особых условий могут быть ограничены права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, свидания, получение посылок, передач и бандеролей, переписку, переводы денежных средств, телефонные разговоры, прогулки, просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач, приобретение и хранение литературы и письменных принадлежностей, условия и порядок передвижения без конвоя или сопровождения, выезды за пределы исправительных учреждений.

Между тем ограничение некоторых прав осужденных в условиях наступления чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или чрезвычайных экологических ситуаций необоснованно по следующим причинам, в частности: поскольку ограничение возможности поддерживать осужденному связь с близкими родственниками влечет за собой отсутствие информации об их жизни и здоровье, это может негативно влиять на его поведение, а запрет доступа к получению информации о чрезвычайной ситуации из официальных источников СМИ – вообще отрицательно влиять на оперативную обстановку в исправительном учреждении [5, с. 245–246].

Режим особых условий вводится на срок до 30 суток по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, либо начальника территориального органа уголовно-исполнительной системы субъекта Российской Федерации, согласованному с Генеральным прокурором Российской Федерации либо соответствующим прокурором. В исключительных случаях время действия режима особых условий может быть продлено указанными должностными лицами дополнительно на 30 суток по основаниям, определенным ч. 1 ст. 85 УИК РФ.

В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник исправительного учреждения может вводить ограничительные меры, предусмотренные действующим законодательством, самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение. В этом случае указанное должностное лицо в течение трех суток с момента получения уведомления принимает решение о введении режима особых условий или об отмене введенных мер.

Таким образом, по УИК РФ фактически применение режима особых условий и учет особенностей введения чрезвычайного положения возможны только в рамках испол-

нения лишения свободы, но не других уголовных наказаний, что вряд ли обоснованно. Следует также учитывать, что применение условно-досрочного освобождения возможно при исполнении не любого наказания, а только отдельных из них: содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ и лишения свободы.

Нормы об условно-досрочном освобождении носят межотраслевой характер в связи с наличием ряда пробелов, что критикуется в юридической литературе [6, с. 82–91; 7, с. 292–297; 8, с. 99–103], поскольку закрепляются в ст. 79 УК РФ, а процедура реализации условно-досрочного освобождения – в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 175 УИК РФ и ст. 399 УПК РФ). Однако особенности правил принятия решения об условно-досрочном освобождении и действий участников соответствующих правоотношений (суда, администрации исправительного учреждения, осужденного и пр.) в условиях чрезвычайного положения отсутствуют.

Можно было бы предположить, что с учетом ст. 85 УИК РФ в период действия режима особых условий при корректировке правового положения осужденных к лишению свободы право на подачу ходатайства по поводу условно-досрочного освобождения также приостанавливается. Однако в указанной норме уголовно-исполнительного закона это прямо не предусмотрено. Кроме того, можно выделить ряд проблем в этой области, обусловленных отсутствием соответствующих положений в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве:

– в уголовном (ст. 79 УК РФ) и уголовно-исполнительном (в частности, ст. 175 УИК РФ) законодательстве четко не закреплены критерии, по которым осужденного следует считать исправившимся для его условно-досрочного освобождения, в том числе его возможное участие в аварийно-спасательных и других неотложных работах при чрезвычайном положении;

– в ч. 1 ст. 175 УИК РФ не предусмотрен порядок подачи осужденным или его адвокатом ходатайства об условно-досрочном освобождении в форме электронного документа, создаваемого посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда;

– из-за чрезвычайного положения могут быть трудности с извещением осужденного, потерпевшего и иных лиц о дате, времени и месте судебного заседания, а также с обеспечением их участия в нем (ст. 399 УПК РФ);

– отсутствует возможность приостановления рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного по ст. 399 УПК РФ в случае возникновения различных экстремальных условий (данный термин является обобщающим и включающим стихийные бедствия, массовые беспорядки осужденных и иные подобного рода явления и негативные действия [9]) и т. п.

Прогрессивным решением российского правоприменителя явилось пояснение, что осужденный, к которому может быть применено условно-досрочное освобождение, а также его адвокат в условиях, когда суды фактически приостановили свою работу в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), все же вправе обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении, в соответствии с Обзором Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 30 апреля 2020 г. № 2. По мнению Верховного Суда РФ, данное ходатайство осужденных или их адвокатов подлежит безотлагательному рассмотрению судом. И хотя данный акт частично разъясняет вопросы рассмотрения судами ходатайств осужденных и

их защитников об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российского государства в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) он не теряет своей актуальности и для реализации условно-досрочного освобождения во время действия чрезвычайного положения. Так, в период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российского государства в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) так же, как и в период введения режима чрезвычайного положения, имеет место ограничение правового статуса граждан (в частности, права на свободу передвижения) и изменение условий работы правоохранительных и иных государственных органов.

Между тем в связи с угрозой распространения на территории Российского государства коронавирусной инфекции (COVID-19) постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» деятельность судов была фактически приостановлена. В частности, были приостановлены личный прием граждан, производство по гражданским, административным и уголовным делам, за исключением дел безотлагательного характера, а также категории дел, которые подлежат рассмотрению в порядке приказного и упрощенного производства. Кроме того, в сложившихся условиях суды приостановили свою работу не только по защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов человека, гражданина, юридических лиц, субъектов РФ и иных лиц, по некоторым категориям дел, но и по рассмотрению ходатайств осужденных или их адвокатов об условно-досрочном освобождении (до принятия Президиумом Верховного Суда РФ Обзора № 2). Исключение составила, по всей видимости, лишь Свердловская область, которая стала единственным субъектом Российской Федерации, где суды продолжали рассматривать ходатайства об условно-досрочном освобождении в обычном режиме.

Представляется, что приостановление деятельности судов по рассмотрению ходатайств об условно-досрочном освобождении являлось существенным нарушением прав, свобод и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ, лишения свободы, в том числе права, гарантированного ч. 3 ст. 50 Конституции РФ, а также права на обращение с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами. Как верно отметил Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре № 2, право осужденных, гарантированное ч. 3 ст. 50 Конституции РФ, охватывает решение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и не может быть ограничено какими-либо обстоятельствами. Полагаем, что данное положение должно распространяться и на режим чрезвычайного положения, и на режим особых условий в исправительном учреждении, которые не должны таким образом дополнительно ограничивать права осужденных.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время регламентация особенностей реализации условно-досрочного освобождения фактически осуществляется не на уровне уголовно-исполнительного закона или иного нормативного правового акта, а на уровне акта правоприменения. Думается, что подобная ситуация является неприемлемой, поскольку в данном случае пробельность действующего законодательства купируется посредством действий правоприменителя.

Полагаем, что регламентация особенностей принятия решения об условно-досрочном освобождении на территории Российского государства в экстремальных условиях (в частности, в период обеспечения санитарно-эпидемиологического бла-

гополучия населения, в условиях чрезвычайного положения или режима особых условий) должна быть определена не правоприменителем, а законодателем, прежде всего в УИК РФ.

Отсутствие регламентации особенностей применения условно-досрочного освобождения при чрезвычайном положении или при режиме особых условий в УИК РФ, безусловно, является недостатком уголовно-исполнительного законодательства и нарушает конституционные права и свободы осужденных, отбывающих наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы.

Согласно ч. 6 ст. 396 УПК РФ вопросы, связанные с исполнением приговора, к которым относится и вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ, судья разрешает единолично в судебном заседании. В связи с этим, возможно, целесообразно предусмотреть, что во время чрезвычайного положения (или режима особых условий) для соблюдения и реализации прав осужденных при рассмотрении судом ходатайства об условно-досрочном освобождении следует более активно использовать системы видеоконференцсвязи с участием осужденного или его адвоката. Думается, что суды должны адаптироваться к сложившимся обстоятельствам посредством применения современных цифровых технологий для решения задач правосудия. Это, на наш взгляд, будет способствовать нормализации процесса исполнения наказания в период действия режима чрезвычайного положения и не позволит нарушать права, свободы и законные интересы осужденных.

Примечательно то обстоятельство, что если сравнивать статистику поступления в суд ходатайств осужденных или их адвокатов об условно-досрочном освобождении и их рассмотрении судами в первом полугодии 2020 г., на которое пришелся период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), с иными аналогичными временными отрезками, то разница не является существенной. В частности, в I полугодии 2020 г. поступило 41 676 ходатайств об условно-досрочном освобождении от наказания, окончено производством – 38 556, в то время как в I полугодии 2019 г. – 45 321 (44 315), а в I полугодии 2018 г. окончено производством 47 999 материалов, в I полугодии 2017 г. – 54 930 и в I полугодии 2016 г. – 59 040.

Таким образом, очевидно наличие неиспользованного потенциала для развития уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в части реализации условно-досрочного освобождения осужденных в условиях чрезвычайного положения.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 286 с.
2. Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М. : Госюриздат, 1960. 200 с.
3. Кропачева А. В. О некоторых вопросах процедуры введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5. С. 196–201.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1991. 915 с.

5. Дергачев А. В., Скиба А. П. Чрезвычайное положение как основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях: проблемы регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 3. С. 244–248.

6. Ефремова И. А. Материальное основание условно-досрочного освобождения от наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 82–91.

7. Мяханова А. Н., Синьков Д. В. К вопросу о коррупции при условно-досрочном освобождении // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 3. С. 292–297.

8. Скорик Е. Н. О некоторых проблемах определения критериев оценки достижения целей наказания // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2(31). С. 99–103.

9. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : Криминол. б-ка, 2020. 360 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.154-159

ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ ДОБРЯКОВ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Добряков, Д. А. Некоторые вопросы реализации общественного воздействия при исполнении наказания в виде лишения свободы / Д. А. Добряков // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 154–159. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.154-159.

Аннотация. В статье анализируются отдельные вопросы общественного воздействия как одного из основных средств исправления при исполнении наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что общественное воздействие на осужденных в Российской Федерации может оказываться в первую очередь в форме общественного контроля за соблюдением прав осужденных, осуществляемого региональными общественными наблюдательными комиссиями и их членами, а также в рамках деятельности попечительских советов при исправительных учреждениях. Вместе с тем закрепленные в действующем законодательстве статус и полномочия этих субъектов не позволяют в полной мере реализовать потенциал общественного воздействия на осужденных и вследствие этого нуждаются в совершенствовании, которое может проводиться, кроме прочего, посредством расширения круга соответствующих субъектов, а также повышения роли принимаемых ими актов (заключений, рекомендаций и пр.).

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, общественное воздействие, общественный контроль, гражданское общество.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации определяет общественное воздействие в качестве одного из основных средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Это воздействие должно способствовать приобретению

© Добряков Д. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

либо восстановлению осужденными социальных связей (связи, формируемые в среде осужденных, разумеется, сюда не относятся – это связи потенциально асоциальные), привитию навыков социально полезного или хотя бы приемлемого поведения и участия в жизни общества [1]. Реализация общественного воздействия наравне с другими средствами исправления обусловлена необходимостью ресоциализации осужденных, их полноценного возвращения в общество после отбытия наказания. Этот процесс предполагает взаимодействие осужденного в том числе с представителями гражданского общества в целях получения необходимой помощи (юридической, медицинской, психологической и пр.), поиск возможностей для последующего трудоустройства и обустройства быта, а также стимулирование правопослушного поведения [2, с. 65].

В настоящее время наиболее распространенным видом наказания в Российской Федерации остается лишение свободы – в первом полугодии 2020 г. на лишение свободы на определенный срок пришлось 27,6 % всех назначенных наказаний (не считая условного осуждения к лишению свободы – 27,8 %); на втором месте находятся обязательные работы (17,3 %)¹. Лишение свободы, с одной стороны, вызывает достаточно острую реакцию общества, поскольку оно в том или ином виде (то есть на определенный срок или пожизненно) является самым строгим наказанием из числа предусмотренных российским уголовным законодательством, причем основания его назначения, порядок и условия исполнения, а также прочие сопутствующие обстоятельства оказываются далеко не всегда очевидны для населения (в особенности при отсутствии специальных юридических знаний); с другой стороны, допускает широкое вовлечение граждан, организаций и в целом гражданского общества в исполнение этого наказания, которое отчасти реализуется в виде общественного контроля и некоторых иных форм общественного воздействия.

Исполнение лишения свободы позволяет применить все предусмотренные законом средства исправления, тогда как в случае некоторых других наказаний (например, штрафа, ограничения свободы) уместно говорить только о режиме как установленном порядке исполнения и (или) отбывания наказания. В полной мере это касается и общественного воздействия – лишение свободы не только является мерой, потенциально опасной для осужденного (с точки зрения дальнейшей криминализации личности, утраты социальных связей и способности к законопослушной жизни в обществе в силу длительной изоляции в весьма специфической криминогенной среде), но и допускает достаточно интенсивное и последовательное оказание на него общественного воздействия (в сочетании с воспитанием, обучением и пр.).

Действующее российское законодательство предусматривает возможность осуществления общественного воздействия в первую очередь в форме общественного контроля, реализуемого специальными субъектами в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, имеющих отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об основах общественного контроля)].

¹ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 1-е полугодие 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/K4-svod_vse_sudy-1-2020.xls (дата обращения: 27.04.2021).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона об основах общественного контроля субъектами общественного контроля являются общественные палаты различных уровней, общественные советы при федеральных и региональных органах государственной власти, а также в случаях и порядке, специально предусмотренных законодательством, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры, осуществляющие общественный контроль. Отдельно в ч. 1 ст. 3 рассматриваемого Федерального закона установлено, что граждане Российской Федерации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля как индивидуально в качестве общественных экспертов или инспекторов, так и в составе общественных объединений и некоммерческих негосударственных организаций общественного контроля (это уже упомянутые палаты, советы и пр.). Однако в действительности индивидуальное осуществление общественного контроля гражданами фактически не предусмотрено, оно в любом случае должно быть опосредовано членством в соответствующей организации общественного контроля.

Субъекты общественного контроля осуществляют свою деятельность в определенных законом формах, к числу которых относятся общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза и пр. (ч. 1 ст. 18 Федерального закона об основах общественного контроля). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что результаты проведения мероприятий общественного контроля в любой из названных форм не имеют обязательного значения – субъекты общественного контроля вправе лишь формулировать предложения и рекомендации, которые вносятся ими на рассмотрение в подконтрольный орган или организацию. При этом закон провозглашает установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности субъектов общественного контроля, необоснованное вмешательство в их деятельность и оказание на них неправомерного воздействия (ч. 2 ст. 27 Федерального закона об основах общественного контроля). Следует подчеркнуть, что закон именно провозглашает установление такой ответственности, поскольку какие-либо конкретные нормы, содержащие санкции за совершение названных нарушений, ни в уголовном законодательстве, ни в законодательстве об административных правонарушениях не предусмотрены [3], что в совокупности с рекомендательным характером результатов осуществления общественного контроля (подконтрольные органы и организации могут не только невозбранно вмешиваться в деятельность субъектов общественного контроля, но и без каких-либо разъяснений игнорировать их предложения и рекомендации [4, с. 1398–1399]), как представляется, нивелирует его значение.

Общественный контроль за исполнением наказания в виде лишения свободы является одним из направлений общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»). Это специальная разновидность общественного контроля, как такового, в настоящее время осуществляется исключительно региональными общественными наблюдательными комиссиями и их членами. Одна из основных особенностей данного направления общественного контроля – установление конкретных мер ответственности за воспрепятствование его осуществлению, хотя нельзя не отметить, что эти меры по большей части символические – предупреждение либо наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятисот до одной тысячи рублей (ч. 1 ст. 19.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). В то же вре-

мя заключения и обращения общественных наблюдательных комиссий, направляемые по итогам проведения ими контрольных мероприятий на рассмотрение компетентным государственным органам, также носят исключительно рекомендательный характер.

Кроме общественных наблюдательных комиссий, представлять гражданское общество в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации могут попечительские советы, которые факультативно создаются (то есть могут создаваться) при исправительных учреждениях для оказания содействия администрации этих учреждений в совершенствовании их материально-технической базы, решении вопросов социальной защиты осужденных, организации трудового и бытового устройства освобождающихся лиц, а также оказания помощи в организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях (ч. 4 ст. 23 УИК РФ). В компетенцию попечительских советов входят организация привлечения дополнительных финансовых и материальных ресурсов для обеспечения деятельности и развития соответствующего исправительного учреждения, улучшение условий отбывания наказания и труда осужденных (в том числе путем содействия в создании для них новых рабочих мест), участие в поддержании и укреплении социально полезных связей между осужденными и их родственниками, содействие в совершенствовании материально-технической базы исправительного учреждения, благоустройстве его помещений и территории, оказание помощи администрации исправительного учреждения в вопросах организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях, а также оказание содействия в помощи освобожденным осужденным в их трудовом и бытовом устройстве. При этом решения и прочие акты рассматриваемых советов, как и в случае всех остальных субъектов общественного воздействия, носят рекомендательный и консультативный характер².

Существуют и иные формы участия общества в исполнении наказаний – это, например, деятельность религиозных организаций, направленная на обеспечение свободы совести и вероисповедания осужденных (ст. 14 УИК РФ). Следует отметить, что, несмотря на возможность привлечения религиозных организаций к оказанию исправительного воздействия на осужденных (то есть возможность сочетания реализации осужденным права на свободу совести и вероисповедания с оказанием на него общественного воздействия со стороны религиозных организаций как элемента соответствующего средства исправления), закон никак не связывает деятельность религиозных организаций с исправлением осужденных и вследствие этого не ориентирует эту деятельность на предупреждение совершения осужденным новых преступлений ни во время отбывания наказания, ни после освобождения [5, с. 90]. Впрочем, религиозные организации и их представители вправе вступать в попечительские советы при исправительных учреждениях и участвовать в деятельности общественных наблюдательных комиссий, по мере сил содействуя решению стоящих перед ними задач.

В целом, как представляется, возможности существующих институтов гражданского общества, наделенных полномочиями по реализации общественного воздействия, недостаточны для обеспечения эффективности такого воздействия, вследствие чего регламентация их деятельности нуждается в совершенствовании. Общественный контроль при условии обязательного соблюдения определенных требований, представля-

² См.: Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета : приказ Минюста России от 19 марта 2015 г. № 62 // СПС «ГАРАНТ». URL : <https://internet.garant.ru/#/document/70938010/paragraph/1> (дата обращения: 27.04.2021).

емых к осуществляющим его субъектам (которые предстоит сформулировать отдельно), должен иметь действенные механизмы воздействия на подконтрольные органы и организации – целесообразно закрепить на уровне федерального законодательства требование к администрации исправительных учреждений (если говорить только об исполнении наказания в виде лишения свободы) в обязательном порядке рассматривать обращения и другие акты общественных наблюдательных комиссий и представлять по итогам их рассмотрения мотивированные ответы, которые должны допускать возможность обжалования в судебном или ином порядке (например, в вышестоящий орган в рамках уголовно-исполнительной системы), если в обращениях (актах) субъектов общественного контроля указывается на конкретные нарушения, допущенные в процессе исполнения наказаний или организации деятельности исправительного учреждения.

Концепция демократизма и конституционное провозглашение народа единственным источником власти в Российской Федерации позволяет (теоретически) пойти дальше и предложить не только обеспечить большую автономию субъектов общественного воздействия, но и наделить их властными полномочиями в части общественного контроля за деятельностью исправительных учреждений и соблюдением прав и свобод осужденных. Однако это смешало бы компетенцию рассматриваемых субъектов и органов государственной власти, осуществляющих контроль и надзор в соответствующей области (в первую очередь речь идет об органах прокуратуры), что представляется недопустимым. В связи с этим следует лишь более подробно регламентировать порядок взаимодействия администрации исправительных учреждений и субъектов общественного воздействия, придав большее (но не императивное) значение обращениям (актам) последних, о чем в общих чертах было сказано выше.

Кроме того, целесообразным видится расширение круга субъектов, которые могут участвовать в реализации общественного воздействия при исполнении наказания в виде лишения свободы. Кроме ранее упоминавшихся субъектов, общественное воздействие на осужденных могут оказывать политические партии, различные правозащитные и иные общественные объединения, средства массовой информации, а также иные организации и отдельные граждане, что (и это важно) находит отражение в проектах обновления уголовно-исполнительного законодательства [6, с. 114–115].

С учетом относительно стабильного масштаба применения лишения свободы, значительного числа отбывающих это наказание осужденных (по состоянию на 1 января 2021 г. это почти 483 тыс. чел.³), организационных и прочих трудностей уместно было бы предусмотреть в уголовно-исполнительном законодательстве право принимать участие в исправлении осужденных всех желающих при условии соответствия этого неопределенного круга лиц базовым входным цензам – требованиям к возрасту, уровню образования, занятости, гражданству, репутации (отсутствие судимости, наличие рекомендаций от тех или иных органов или организаций и др.) и, возможно, специальной правовой подготовки с получением разрешения на соответствующий вид правозащитной деятельности (такая подготовка может быть организована, например, в виде прохождения программ повышения квалификации или дополнительного профессионального образования, сертифицированных компетентными государственными органами). Это позволило бы преодолеть бюрократизацию деятельности существующих ор-

³ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 27.04.2021).

ганизаций, реализующих общественное воздействие на осужденных, и связанные с ней риски (в частности, исключить ситуации, когда председатели некоторых общественных наблюдательных комиссий запрещают членам этих комиссий посещать определенные места принудительного содержания, препятствуют их нормальной деятельности, фактически злоупотребляя полномочиями [7]), сохранить независимость и беспристрастность общественного воздействия в системе средств исправления. Предложенные изменения дали бы возможность всем небезразличным гражданам принимать участие в деятельности уголовно-исполнительной системы, сделали бы данную систему более открытой для общества и снизили бы связанные с ней социальную напряженность и предубеждение со стороны населения. При этом участие граждан и их объединений в осуществлении общественного воздействия может быть организовано в форме патронажа – указанные субъекты могли бы во взаимодействии с администрацией исправительных учреждений оказывать конкретным осужденным помощь в ресоциализации и исправлении, реализуя не только общественное воздействие, но и воспитательную работу, а возможно, и иные средства исправления.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010.
2. Скиба А. П., Харитонович Е. Д. Религиозные организации как субъект общественного воздействия в отношении осужденных: к вопросу о концепции взаимодействия с учреждениями и органами, исполняющими наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 65–74.
3. Дементьев А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL : <https://internet.garant.ru/#/document/57247248/paragraph/596> (дата обращения: 27.04.2021).
4. Савченко М. С., Грибанова А. С. Правовое обеспечение общественного контроля: проблемы и перспективы развития // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 1396–1408.
5. Скиба А. П. Направления развития сотрудничества уголовно-исполнительной системы и традиционных конфессий при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 87–91.
6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
7. Минстер М. В. Общественный контроль за обеспечением прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы: законодательство и практика реализации // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 6. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(6).18.

УДК 343.81

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.160-165

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛИК,

кандидат юридических наук, доцент,

почетный адвокат России,

заслуженный юрист Московской области,

ведущий научный сотрудник департамента политологии,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: avrpost@bk.ru

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСКРА,

адвокат, Адвокатская палата Московской области,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: advokat.iskra@yandex.ru

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ И УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Для цитирования

Белик, В. Н. К вопросу реализации права на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях / В. Н. Белик, М. А. Искра // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 160–165. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.160-165.

Аннотация. Федеральным законом от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставлено право на компенсацию лицам, содержащимся под стражей и отбывающим наказания в исправительных учреждениях, в случае нарушения условий их содержания, предусмотренных национальным законодательством и международными договорами Российской Федерации. При этом компенсация может быть получена в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. Данное обстоятельство является позитивным моментом в области правозащитной деятельности и реализации прав лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Вместе с тем судебная практика применения нововведений в закон еще не сложилась и требует совершенствования, субъекты уголовно-исполнительных правоотношений и признаки, создающие условия для получения права на компенсацию, являют-

© Белик В. Н., Искра М. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ся ограниченными. Например, российским законодательством не предусмотрена бесспорная обязанность компенсации, несмотря на установление нарушений условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Заинтересованному лицу для получения компенсации необходимо доказать не только факт нарушений, но и наличие прямой причинно-следственной связи между установленными нарушениями и причиненным вредом.

Ключевые слова: право на компенсацию, условия содержания, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, содержание под стражей, содержание в исправительном учреждении, международные договоры.

Статьей 2 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) закреплены положения, характеризующие материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия содержания под стражей и исполнения наказания в виде лишения свободы. К ним можно отнести требования, которые касаются: размеров окон; искусственного освещения; личной гигиены заключенных; чистоты зданий и помещений мест лишения свободы; обеспечения заключенных одеждой установленного образца; обеспечения осужденных спальным местом; питания заключенных; физических упражнений и спорта. Отдельное внимание уделяется предоставлению медико-санитарного обслуживания. Кроме того, ряд международных правовых актов, например Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), Европейские пенитенциарные правила (приняты 11 января 2006 г.), содержат различные требования к содержанию лиц, находящихся в местах изоляции от общества.

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о компенсации) были внесены изменения в три законодательных акта: в Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Закон о содержании под стражей), Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Так, ст. 17 Закона о содержании под стражей была дополнена ч. 4, где закреплено, что подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей, имеют право на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания под стражей, предусмотренных законодательством РФ и международными договорами РФ. Кроме того, Закон о содержании под стражей был дополнен ст. 17.1, где было регламентировано право на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей. Подозреваемый, обвиняемый в случае нарушения условий их содержания под стражей, предусмотренных законодательством РФ и международными договорами РФ, имеют право в порядке, установленном КАС РФ, обратиться в суд с административным иском с заявлением о присуждении за счет казны РФ компенсации, которая назначается исходя из требований истца с учетом фактических обстоятельств и допущенных нарушений, продолжительности и их последствий и не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Она не зависит от наличия либо отсутствия вины органа государственной власти, уч-

реждения, их должностных лиц, государственных служащих и не дает права истцу на компенсацию морального вреда за нарушение условий содержания под стражей.

УИК РФ был дополнен ст. 12.1, в соответствии с которой осужденный к лишению свободы, отбывающий наказание в исправительном учреждении, в случае нарушения условий его содержания, предусмотренных законодательством РФ и международными договорами РФ, имеет право обратиться в суд в порядке, установленном КАС РФ, с административным иском о присуждении за счет казны РФ компенсации за такое нарушение, которая присуждается исходя из требований истца с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, продолжительности и их последствий и не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ. Она не зависит от наличия либо отсутствия вины органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц, государственных служащих и не дает право истцу на компенсацию морального вреда за нарушение условий содержания в исправительном учреждении.

В КАС РФ была внесена ст. 227.1, в которой закреплены право подозреваемых, обвиняемых на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях и процессуальные гарантии ее получения, выраженные в возможности заявить требование о присуждении компенсации за нарушение установленных законодательством РФ и международными договорами РФ условий содержания под стражей или содержания в исправительном учреждении, а также в порядке подачи и рассмотрения такого административного искового заявления.

К проекту закона о компенсации, направленному в Государственную Думу Правительством РФ, прилагалась пояснительная записка. В качестве довода в пользу принятия указанного Закона о компенсации в пояснительной записке прямо делалась ссылка на прецедентную практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). В ней было отмечено, что при анализе российского законодательства Европейский суд по правам человека констатировал неэффективность российских правозащитных механизмов восстановления нарушенных прав в результате ненадлежащих условий содержания под стражей, в исправительных учреждениях, в том числе возмещения причиненного вреда [1]. Данные изменения позволяют создать порядок, в соответствии с которым защита прав осужденных, а также лиц, содержащихся под стражей, может осуществляться в российских судах, что, безусловно, будет способствовать реализации эффективных мер правовой защиты.

Изложенное согласуется и с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П, о том, что институциональные и процедурные условия осуществления права на доступ к механизмам правосудия должны не только предотвращать неоправданные задержки при рассмотрении дел, но и отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения. Таким образом, российский законодатель:

- признал недостаточную эффективность отечественного законодательства в указанной сфере;

- при принятии мер по снижению уровня неэффективности применил критерии, отраженные в практике ЕСПЧ, в том числе в части определения условий и критериев назначения компенсации с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий.

В свою очередь, ЕСПЧ пришел к заключению о том, что Закон о компенсации в принципе представляет собой надлежащий и эффективный механизм получения компенсации в случаях, когда возникают вопросы о неудовлетворительных условиях содержания под стражей. ЕСПЧ установил, что такой механизм доступен непосредственно заинтересованным лицам, предусматривает необходимые процессуальные гарантии, присущие состязательному судебному процессу, что отсутствуют основания полагать, что подобные иски не будут рассмотрены в разумный срок или что компенсация не будет выплачена своевременно. ЕСПЧ также пришел к выводу о том, что введенная система предлагает заявителям разумные перспективы в отношении компенсационных выплат. ЕСПЧ признает, что у российских судов еще не сложилась устойчивая практика реализации Закона о компенсации. Вместе с тем ЕСПЧ установил, что сомнения в отношении перспектив применения средства правовой защиты, которое, как представляется, предполагает разумную возможность получения компенсации, не являются достаточным основанием для отказа от нее.

При более внимательном изучении указанных нововведений просматриваются недостаточная определенность и даже нелогичность отдельных положений. В частности, в юридической литературе обращается внимание на то, что при применении Закона о компенсации для российских судов было бы полезным разработать методику определения размера компенсации в зависимости от тяжести и продолжительности нарушения [1]. Кроме того, было бы разумным предусмотреть для заявителя возможность обращения в суд не только по месту нахождения места содержания, но и по месту его жительства. В соответствии с разъяснениями пленума Верховного Суда РФ (п. 5 постановления от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания») правовое значение при определении подсудности административного дела по требованиям административного истца имеет расположение места содержания под стражей (исправительного учреждения), условия содержания в котором оспаривает заявитель и в связи с которыми просит о присуждении соответствующей компенсации.

Другой недоработкой Закона о компенсации является то, что отмеченные положения Закона о содержании, УИК РФ и КАС РФ содержат крайне ограниченный перечень обстоятельств, учитываемых при определении компенсации, тогда как положения ГК РФ позволяют индивидуально подойти к каждому случаю нарушения неимущественных прав, в связи чем заявитель может склониться к обращению за компенсацией морального вреда в соответствии с нормой, гарантированной ГК РФ, а не КАС РФ, лишившись при этом гарантий и преимуществ, предусмотренных КАС РФ (постановление пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

Несмотря на то что ЕСПЧ счел, что практика применения Закона о компенсации у отечественных судов еще не сложилась, некоторые ее примеры (выводы, доводы) на уровне кассационных судов, судов апелляционной инстанции привести все же следует:

– суды, делая вывод о недоказанности нарушения прав осужденного, нередко ссылаются на то, что осужденный в период отбывания наказания не жаловался на нарушение условий содержания (например, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2021 г. по делу № 88а-323/2021; апелляционное определение Московского городского суда от 2 февраля 2021 г. по делу N 33а-0307/2021);

– размер компенсации порой носит символический характер, несмотря на объективно ощутимые нарушения прав, например, кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 февраля 2021 г. № 88а-2127/2021 по делу № 2а-625/2020. Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, а также следует из материалов указанного административного дела, П. с 10 сентября 2019 г. отбывает в ФКУ ИК-6 наказание в виде пожизненного лишения свободы, назначенное ему по приговору Верховного Суда Республики Хакасия от 18 апреля 2018 г. Горячее водоснабжение в камерах, где отбывают наказание осужденные, отсутствует по причине незавершения работ по строительству и вводу в эксплуатацию газовой котельной. Помывка осужденных осуществляется еженедельно в душевых помещениях горячей водой, нагретой в электрических бойлерах. Принимая решение о частичном удовлетворении административного искового заявления П., суд первой инстанции, с выводами которого согласилась судебная коллегия по административным делам Хабаровского краевого суда, указал, что отсутствие горячего водоснабжения в камере административного истца, связанное с нерабочим состоянием газовой котельной, которая должна питать ФКУ ИК-6, следует признать нарушением условий его содержания в исправительном учреждении. При снижении размера взыскиваемой в пользу П. компенсации с заявленных 500 000 руб. до 5 000 руб. судебные инстанции исходили из принципов разумности и справедливости, учитывая, что ФКУ ИК-6 принимаются меры, направленные на устранение имеющихся недостатков и на организацию горячего водоснабжения в исправительном учреждении по временным схемам, что у казенного учреждения отсутствуют собственные средства, необходимые для завершения строительства и запуска газовой котельной в эксплуатацию либо для оборудования каждой камеры отдельным водонагревательным прибором.

В 2017 г. М. приговорили к трем с половиной годам колонии по делу о «золотых парашютах» для уволенных высокопоставленных чиновников МВД России. Условия, в которых М. содержали под стражей в СИЗО-4 г. Москвы, оказались крайне негативными. Из-за переполненности камер ему приходилось долгое время спать на полу, постельные принадлежности были грязными и плохого качества, вывод в душ осуществлялся раз в неделю на 15–20 мин. После того как у М. начались проблемы со здоровьем, необходимую медицинскую помощь он так и не получил. Для производства следственных действий его переносили на носилках. По мнению М., условия перевозок осуществлялись также с нарушениями, в автозаках было тесно, летом жарко, зимой холодно, перевозили вместе с «общуголовными элементами», что, по его мнению, нарушало его право на личную безопасность. Пребывание в ходе судебных заседаний в металлической клетке М. посчитал унижительным. М. оценил свои страдания в размере 2 млн руб. и обратился в Колпинский районный суд г. Санкт-Петербурга с административным иском. Суд своим решением признал нарушения, но не стал удовлетворять претензии в полном объеме. При этом выплатил М. компенсацию – 600 000 руб. от ФСИН России и 100 000 руб. от МВД России (https://secretmag.ru/news/rossiiskomu-polkovniku-prisudili-700-tysyach-rublei-za-mucheniya-pod-strazhei.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

В завершение следует отметить, что обозначенные в ч. 1 ст. 12.1 УИК РФ субъекты уголовно-исполнительных правоотношений и признаки, создающие условия для получения права на компенсацию, являются ограниченными. В частности, не учтены иные категории осужденных, к которым, например, можно отнести осужденных к пожизненному лишению свободы. Кроме того, российским законодательством не предусмотрена бесспорная обязанность компенсации морального вреда, несмотря на установление

нарушений условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Заинтересованному лицу для получения компенсации необходимо доказать не только факт нарушения личных неимущественных прав или принадлежащих ему нематериальных благ, но и наличие прямой причинно-следственной связи между установленными нарушениями и причиненным вредом, который выразился в причинении нравственных и физических страданий, а также доказать, что причинителем вреда является ответчик, который обязан его возместить. Например, с учетом судебной практики превышение установленного лимита в местах принудительного содержания «не свидетельствует о том, что истец содержался в очевидно неприемлемых условиях, наличие которых указывает на причинение ему нравственных и физических страданий» (решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 1 февраля 2019 г. по делу № 2-121/2019).

Вместе с тем рассмотренные изменения в российском уголовно-исполнительном законодательстве, касающиеся компенсации за нарушение условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания, предусматривают в качестве одной из целей гуманизацию условий содержания указанных лиц, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами.

Библиографический список

1. Филатова М. А., Бутко А. В. Условия содержания под стражей: новый российский механизм защиты и практика европейских стран. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Шмелев и другие против России» // Международное правосудие. 2020. № 2. С. 27–46.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.166-175

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА СИРЯКОВА,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры административного права и административной деятельности,

Рязанский филиал Московского университета

МВД России имени В. Я. Кикотя,

г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: 643351@mail.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Для цитирования

Сирякова, Е. О. Права человека в уголовно-исполнительной системе / Е. О. Сирякова // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 166–175. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.166-175.

Аннотация. В статье изложены результаты изучения официальной статистической отчетности, документов Совета по правам человека Организации Объединенных Наций, Европейского комитета против пыток, решений Европейского суда по правам человека, сайтов правозащитных организаций, монографических исследований. Российская Федерация занимает лидирующие позиции по численности лишенных свободы в Европе и является объектом пристального внимания со стороны зарубежных и отечественных правозащитных институтов. Традиционные претензии, предъявляемые к России международным сообществом в вопросе обеспечения прав лиц, находящихся в уголовно-исполнительной системе: условия содержания, применение физической силы, пытки, медицинская помощь, устаревшая инфраструктура конвоирования. В самой России представители общественности, государственные контрольно-надзорные органы отмечают неправомерные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы, необходимость оказания медицинской помощи, ненадлежащие условия содержания. Делается вывод об актуальности правозащитной повестки дня в уголовно-исполнительной системе. Выделено три группы проблем, которые требуют первостепенного решения: материально-технические, человеческих ресурсов, правовые. Самая сложная из них – средства на обновление основных фондов, а также рациональное территориальное распределение исправительных учреждений. Проблема человеческих ресурсов состоит в особых характеристиках спецконтингента (числа больных, а также поставленных на учет осужденных), и нехватке персонала. Одной из правовых проблем является отсутствие достаточного правового регулирования организации проведения судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи.

© Сирякова Е. О., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденные, подозреваемые, обвиняемые, права человека.

Численность осужденных, отбывающих лишение свободы в России, несмотря на продолжающееся сокращение, остается стабильно высокой. По сведениям Института исследований уголовной политики (ICPR), занимающегося мониторингом пенитенциарной ситуации в мире [1], на каждые 100 тыс. населения в России 336 осужденных находятся в местах принудительного содержания. Это 27-е место среди всех стран планеты, открыто публикующих статистику, первое – в Европе и третье – среди государств бывшего Советского Союза, после Туркменистана и Беларуси. По официальным данным ФСИН России, уголовно-исполнительная система России представлена более 673 исправительными колониями, более 200 следственными изоляторами, 8 тюрьмами, 18 воспитательными колониями и значительным количеством персонала учреждений (около 300 тыс. чел.) [2]. Эти данные свидетельствуют о наличии большей статистической вероятности существования фактов нарушений прав человека в местах принудительного содержания уголовно-исполнительной системы России, чем, например, в Гвинее Бисау, где на 100 тыс. населения приходится 10 осужденных и функционирует три учреждения.

Приверженность России международным нормам, касающимся прав человека, в том числе в условиях изоляции, влечет за собой широкое международное обсуждение пенитенциарных проблем и вынесение в отношении России рекомендаций или обязывающих документов. В докладах рабочих групп Совета по правам человека ООН по универсальным периодическим обзорам (2009, 2013, 2018 гг.), наряду с поощрением проводимой российскими властями реформы уголовно-исполнительной системы, заметными сдвигами в изменении законодательства и практики его применения, отмечается озабоченность состоянием пенитенциарной системы, высказываются предложения по проведению ряда мероприятий. Так, рекомендуется: 1) продолжить работу по улучшению условий содержания подследственных и осужденных в целях приведения их в соответствие с международными стандартами, в том числе отдельных категорий населения (женщины, дети, национальные меньшинства); 2) обратить внимание на незаконность применения физической силы сотрудниками правоохранительных органов; активизировать усилия по борьбе с пытками и жестоким обращением и принять меры по расследованию сообщений о пытках или жестоком обращении, привлечь виновных к ответственности; 3) использовать потенциал неправительственных и религиозных организаций; обеспечить независимость общественных наблюдательных комиссий; 4) содействовать использованию мер, не связанных с изоляцией от общества [3, 4]. В докладе 2013 г., составленном на основе периодических визитов делегации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП), отмечаются положительные усилия по борьбе с переполненностью учреждений и улучшению положения осужденных. Наряду с этим высказывается критическое отношение к содержанию осужденных в условиях общежития; отмечаются случаи применения физической силы и специальных средств, нерегистрации их; задержки в получении доступа к медицинской помощи после применения физической силы и специальных средств. Приводятся примеры приковывания наручниками к проволочной ограде в положении распятия и обливания холодной водой. Рекомендуется изменить подход к взаимодействию сотрудников и осужденных, который характеризуют как милитаристский, называя практику удержания рук за спиной и склоне-

ние головы анахроничной и унижительной. Предлагается пересмотреть использование спецсредств, предпринять меры по совершенствованию подготовки персонала и обратить внимание на незначительный прогресс в разработке программ внекамерной деятельности [5]. Доклады делегации ЕКПП по результатам 2016, 2019 гг. не опубликованы. В публичном заявлении по Российской Федерации относительно Чеченской Республики и других республик Северо-Кавказского региона от 11 марта 2019 г. сообщается, что на территории республик делегации комитета получали информацию о плохом обращении с задержанными лицами, которое могло рассматриваться как пытки: нанесение ударов электрическим током по различным частям тела (по пальцам ног и рук, по ушам, половым органам); сильное избиение и удушение с использованием пластикового пакета или противогаса. В 2021 г. планируется очередное посещение Российской Федерации.

Европейский суд по правам человека регулярно выносит в отношении Российской Федерации решения, в том числе пилотные постановления, в которых признает нарушения Европейской конвенции в отношении лиц, содержащихся под стражей, и осужденных. Так, в постановлении ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. «Дело „Томов и другие (Tomov and Others) против Российской Федерации“» (жалоба № 18255/10 и пять других жалоб) обращено внимание на два обстоятельства: 1) бесчеловечные и унижающие человеческое достоинство условия перевозки осужденных и подследственных. Суд отметил, что при перевозке осужденных законодательство России, по-видимому, не нарушалось, сотрудники не имели намерения унижить или оскорбить перевозимых лиц, однако реальные условия перевозки превысили страдания, которые лица испытывали при содержании под стражей. Это выразилось в санитарной площади на человека менее 0,5 м², отсутствии необходимого количества спальных мест, неработающем отопительном оборудовании, двух посещениях туалета в течение 62 часов; 2) игнорирование альтернативных способов присутствия в судебном заседании (видеоконференцсвязь, выездное заседание) по гражданскому делу, стороной которого являлся заявитель. Суд признал нарушение Россией ст. 3, 13 и п 1 ст. 6 Конвенции. Кроме того, суд обратил внимание на то, что в его производстве находится 680 обоснованных жалоб (540 из них поданы в 2018 г.), в которых в качестве основного или дополнительного требования утверждается о ненадлежащих условиях перевозки. В связи с этим, учитывая повторяющийся и неизменный характер проблемы, большое количество людей, затронутых этой проблемой, суд посчитал себя обязанным оказать властям Российской Федерации помощь в обнаружении подходящих решений. В частности, предложено: ограничить право ФСИН России в вопросе направления осужденных для отбывания наказания; пересмотреть распределение людей по авто- и вагонзакам с целью их равномерного распределения; демонтировать элементы оборудования камер («мосты») в вагонзаках, которые мешают находиться в камере стоя; избегать широкое использование одноместных камер («стаканов») в автозаках; обеспечить перевозку уязвимых категорий (например лиц, имеющих излишний вес), основываясь не на формальной классификации, а на их индивидуальных характеристиках; предоставить общественным наблюдательным комиссиям больше полномочий по защите прав перевозимых и право выносить обязательные к исполнению решения.

Таким образом, международные институты постоянно ставят на повестку дня вопросы, связанные с обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, предадут их огласке и выносят на широкое обсуждение как на международных площадках, так и на внутригосударственном уровне.

В ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации традиционно называются сферы нарушения прав человека: неправомерное применение физической силы, недостатки в медицинском обеспечении, ненадлежащие условия содержания и др. При этом с каждым годом количество обращений возрастает [6].

Проблему соблюдения и защиты прав человека поднимают и специально создаваемые для мониторинга, выявления и информирования граждан и правоохранительных органов о фактах нарушения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, общественные организации (например, «В защиту прав заключенных», «Комитет против пыток», как правило, внесенные Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента), а также средства массовой информации. Например, фондом «В защиту прав заключенных» со ссылкой на различные источники (региональные сайты Следственного комитета России, прокуратуры, правозащитных организаций и т. п.) приводятся сообщения о нарушении прав человека в различных учреждениях и органах УИС России: побои, пытки, случаи смерти, ненадлежащие условия содержания и коррупционное поведение сотрудников. Одна часть этих новостей представлена официальной информацией о возбуждении уголовных дел, постановлении обвинительного приговора в отношении сотрудников, другая – неподтвержденными сообщениями адвокатов, правозащитников, родственников лиц, находящихся в местах принудительного содержания, самими подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными. Отдельно сообщается о различных формах протеста: голодовки, членовредительство, массовые беспорядки. Наряду с распространением новостей о нарушении прав человека в местах принудительного содержания фонд сообщает о том, что по итогам 2019 г. поступило 2229 обращений, большая часть из которых (704) связана с просьбой оказать юридическую помощь или консультацию. Наибольшее число жалоб (274) – о неказании медицинской помощи (отсутствие надлежащего лечения ВИЧ-инфекции, гепатита С, туберкулеза, болезни суставов и др.); об отсутствии лекарственных препаратов; невозможности пройти осмотр профильными специалистами (инфекционист, дерматолог, невролог и т. д.); 37 – о насилии и 9 – о ненадлежащих условиях содержания. Несколько раз в месяц федеральные каналы (Первый канал, Россия 24, RT и др.), как правило, в формате новостей показывают сюжеты о различных происшествиях в учреждениях ФСИН России (пытки, избиения, протесты осужденных, ненадлежащие условия содержания, коррупция сотрудников, нарушения законодательства), тем самым формируют общественное мнение о системе исполнения уголовных наказаний.

Проблема обеспечения прав человека в местах принудительного содержания нередко становится предметом научных и социологических исследований. Так, Автономная некоммерческая организация «Аналитический центр Юрия Левады» летом 2019 г. представила аналитический отчет по результатам исследования «Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме» (исполнители: Л. Д. Гудков, Н. А. Зоркая, Е. В. Кочергина). В исследовании на основании выборки 3400 респондентов в 53 субъектах Российской Федерации отмечается отношение населения к правоохранительным органам. В частности, степень доверия к сотрудникам ФСИН России является одной из самых низких и составляет 46 % («определенно доверяю», «скорее доверяю»), что связано с ассоциациями «тюрьмы» и «лагеря». По мнению опрошенных, пытки чаще всего применяются в полиции (48 %) и в учреждениях ФСИН России (45 %). Подобное общественное мнение сформировалось под влиянием федеральных

телеканалов (62 %); интернета, интернет-изданий (36 %); социальных сетей (26 %), печатных изданий (16 %); независимых телеканалов (12 %). При этом почти половина опрошенных уверена, что информация о пытках не получает должного освещения. Исследователи отметили также, что все указанные данные меняются в сторону усугубления ситуации, когда речь идет о респондентах, имевших конфликты с правоохранительными органами [7].

Н. С. Артемьев, Ю. А. Морозова, В. А. Понкратов провели социологическое исследование и опросили 741 сотрудника в следственных изоляторах Новосибирской, Омской областей и ФКУ СИЗО-7 УФСИН России по г. Москве [8]. Как свидетельствуют его результаты, 15 % подозреваемых, обвиняемых и осужденных следственных изоляторов жалуются на низкий уровень их материально-бытового обеспечения, 30 % – на медицинское обслуживание. Обеспечение безопасности лиц, заключенных под стражу, является одним из основных элементов соблюдения прав человека в следственном изоляторе. Так, на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя в безопасности, находясь в СИЗО?» – 52 % опрошенных ответили, что нет, 31 % – что им ничто не угрожает, 17 % – затруднились дать ответ на этот вопрос. На вопрос, заданный сотрудникам следственных изоляторов: «На какие нарушения законности в основном жалуются подозреваемые, обвиняемые и осужденные?» – они ответили: «На случаи неправомерного применения к подозреваемым, обвиняемым и осужденным физической силы, спецсредств, оружия; произвола, жестокого обращения с ними со стороны сотрудников УИС; угрозы жизни, здоровью со стороны наиболее отрицательных групп заключенных». Эти данные свидетельствуют о том, что в деятельности следственных изоляторов продолжают иметь место серьезные нарушения законности в отношении подозреваемых и обвиняемых, детерминантами которых, как свидетельствуют результаты исследования, являются: низкий профессиональный уровень сотрудников следственных изоляторов (высшее образование имеют лишь 29,3 %); факторы экономического, материально-технического характера (низкая заработная плата сотрудников СИЗО, отсутствие средств на закупку современного оборудования) – 35 %; недобросовестное отношение к служебным обязанностям – 31 %. Сотрудникам СИЗО был задан вопрос: «С чем, по вашему мнению, связана большая часть нарушений законности администрацией СИЗО?» Отвечая на этот важный вопрос, они указали: 1) на низкий профессиональный уровень сотрудников администрации – 17 %; 2) неправильное применение должностными лицами нормативно-правовых актов или незнание их вообще – 12; 3) отсутствие интереса к своей работе и, как следствие, небрежное и халатное отношение к своим должностным обязанностям – 31,9; 4) несовершенство действующего уголовно-исполнительного законодательства – 10; 5) противоправное поведение лиц, содержащихся в СИЗО, – 11; 6) отсутствие должного взаимодействия между отделами и службами СИЗО – 34; 7) недостатки организационно-управленческого характера – 9; 8) неправомерные критерии оценки работы сотрудников – 6 %. Данные об образовательном уровне сотрудников СИЗО вызывают настороженность: высшее образование имели 34 % сотрудников, среднее специальное – 63, среднее общее – 3 %. Практически одна третья часть сотрудников СИЗО имеют стаж работы от 1 до 3 лет – 31 %.

Ведомственная статистическая отчетность по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе (форма УИС ТО СЗПЧ) отражает отдельные аспекты обеспечения прав человека: количество актов прокурорского реагирования, случаев принятия к виновным административных, уголовных и дисциплинарных мер, получения травм, а также число лиц, отказавшихся от организованного приема

пищи. Так, традиционно, в том числе в 2019 г., более всего прокурорами выявляется нарушений в области непринятия надлежащих мер по коммунально-бытовому обеспечению подозреваемых, обвиняемых и осужденных (964); санитарно-гигиенических и противоэпидемиологических мероприятий (818), в том числе норм санитарной площади на одного человека; медицинского обеспечения обвиняемых, подозреваемых и осужденных (648), за несоблюдение пожарной безопасности (476). В 2019 г. в местах принудительного содержания было зарегистрировано 26 024 травмы, что составило 61 на 1000 чел. против 50 в 2015 г. Число случаев отказа от организованного приема пищи в указанный период, наоборот, уменьшилось с 5 на 1000 чел. в 2015 г. до 3 – в 2019 г. Вызывает беспокойство сохранение фактов членовредительства – около 20 на 1000 чел.

Внимание уголовно-исполнительной системы к соблюдению прав человека выражается в наличии должностей помощников начальников территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, а также помощников по делам верующих. Их служебные обязанности направлены на защиту прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Эти и другие обстоятельства не только обозначают, но и актуализируют проблемы функционирования учреждений, исполняющих уголовные наказания, в части соблюдения прав человека, формируют повестку дня, дорожную карту по улучшению положения дел по данному направлению деятельности уголовно-исполнительной системы.

Пролагаем, что имеющиеся проблемы в деятельности УИС, затрагивающие права человека, можно распределить на несколько групп: материально-технические, человеческих ресурсов, правовые.

Основные материально-технические проблемы изложены в постановлении Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе „Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)“». Среди них износ основных фондов и инженерных ограждений охранного назначения, аварийное или технически неисправное оборудование, недостаточное количество мест принудительного содержания, производственного оборудования. Все это приводит к важнейшей проблеме современной уголовно-исполнительной системы – условиям содержания подследственных и осужденных. На балансе учреждений уголовно-исполнительной системы числятся более 50 тысяч зданий и сооружений, из которых значительное количество построены в середине XX в. без соблюдения строительных, санитарных и пожарных правил и норм, многие из них являются деревянными. Анализ технического состояния режимных корпусов следственных изоляторов показывает, что из 654 режимных корпусов 127 имеют срок эксплуатации более 100 лет, 92 корпуса – от 60 до 100 лет, а с учетом длительности эксплуатации в технически неисправном состоянии находится 81 режимный корпус. В 270 режимных корпусах отсутствует система принудительной приточно-вытяжной вентиляции, а 104 корпуса только частично оборудованы вентиляционными системами. 11 общежитий в исправительных учреждениях находятся в аварийном и технически неисправном состоянии, 38,2 % котельных и 58,3 % инженерных сетей требуют срочной реконструкции. Необходимо осуществить в целом по стране строительство 11 новых следственных изоляторов на 11,23 тыс. мест, 14 новых режимных корпусов на 3,42 тыс. мест, реконструкцию 4 режимных корпусов на 0,425 тыс. мест, строительство и реконструкцию 118 объектов вспомогательного назначения в следственных изоляторах. Для приведения условий отбывания наказания в соответствие с законодательством Российской Федерации необходимо дополнительно создать не менее 4,985 тыс. мест в ис-

правительных колониях строгого и особого режимов, 0,32 тыс. мест в исправительных колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, 1,433 тыс. мест для осужденных мужчин в колониях общего режима, 0,412 тыс. мест в колониях-поселениях и лечебно-исправительных учреждениях, 1,403 тыс. мест для осужденных женщин, 11 домов ребенка, а также осуществить строительство и реконструкцию общежитий на 2,295 тыс. мест взамен аварийных и непригодных к эксплуатации зданий общежитий, 32 зданий для помещений камерного типа, единых помещений камерного типа, штрафных изоляторов и 552 объектов вспомогательного назначения (комнаты для длительных свиданий, котельные, бани-санпропускники, медицинские части, инженерные сети, очистные сооружения, охранные сооружения, инженерные средства охраны и надзора и др.) в исправительных учреждениях.

В уголовно-исполнительной системе имеется всего 140 тыс. рабочих мест, на которых трудятся около 177,3 тыс. осужденных, при этом задействовано около 108 тыс. единиц технологического оборудования, основная часть которого приходится на швейное и обувное производство (50,8 тыс. единиц, или 46,8 %), металлообрабатывающее (18,8 тыс. единиц, или 17,3 %) и деревообрабатывающее производство (9,3 тыс. единиц, или 8,6 %). В настоящее время в исправительных учреждениях содержатся 264 тыс. осужденных, не обеспеченных работой, для привлечения к труду которых необходимо дополнительно приобрести более 100 тыс. единиц производственного оборудования. Все это требует существенных расходов государственного бюджета до 2026 г. включительно на общую сумму 54 943,65 млн руб., то есть более 6 млрд рублей в год. Как видим, решение этой проблемы зависит от финансирования.

Территориальное расположение исправительных учреждений не позволяет в полном объеме осуществить законодательно закрепленный принцип отбывания осужденными наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Так, ежегодно этапируются из СИЗО для отбывания наказания в другие субъекты России около 47 тыс. чел., часть которых сталкиваются с проблемами, описанными в указанном ранее решении ЕСПЧ. К тому же только в 12 субъектах Российской Федерации существуют единые помещения камерного типа. Полагаем, что частичным решением проблем могло бы стать расширение практики создания мультирежимных учреждений.

Проблема человеческих ресурсов, влияющая на обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе, состоит в особых характеристиках спецконтингента и персонала. Так, особенностью современной УИС России является специфический состав содержащихся лиц. Многие подозреваемые, обвиняемые и осужденные относятся к социально уязвимым группам населения (например, только инвалидов более 20 тыс., из которых нуждаются в технических средствах реабилитации более 2,5 тыс.), страдают различными заболеваниями, прежде всего социально значимыми: 9,5 % – вирусными гепатитами В и С1 (более 60 тыс.); 7,1 – психическими заболеваниями (более 50 тыс.); 9,4 – ВИЧ-инфекцией (65 тыс.); 6,7 – наркоманией (около 50 тыс.); 3 – алкоголизмом (более 20 тыс.); 2,8 – активным туберкулезом (более 20 тыс.); 0,8 % – сифилисом (более 6 тыс.). Это обстоятельство создает дополнительные проблемы размещения людей в соответствии с уголовно-исполнительными и санитарно-гигиеническими требованиями, организации их лечения, обеспечения медицинскими препаратами и нормальной жизнедеятельности. Например, в исправительных учреждениях отсутствуют специальные книги для слепых, а в штатном расписании – должности специалистов-переводчиков для глухонемых. Еще одна особенность спецконтингента –

это ухудшение его криминологических характеристик. Данные ведомственной отчетности свидетельствуют о постепенном сокращении количества лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных ФСИН России, на 12 % за последние пять лет (с 524 848 до 423 825 чел.). В то же время доля лиц, состоящих на профилактическом учете за этот же промежуток времени, увеличилась более чем в два раза: с 71 профучетника на 1000 осужденных до 159. Произошел рост числа преступлений: если на 1 тыс. осужденных в 2015 г. приходилось 1,8 преступления то в 2019 г. – уже 2,7. Эти данные отражают процесс увеличения в среде осужденных лиц, склонных к совершению правонарушений и дисциплинарных проступков, качественное изменение состава осужденных, привычных к мерам дисциплинарного характера.

Что касается персонала, то наряду с текучкой кадров существенной проблемой на сегодняшний день является престиж службы. Служба в УИС не считается престижной среди населения страны. Необходимо еще на стадии отбора кандидатов на службу в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы и на учебу в образовательных организациях ФСИН России выявлять лиц, которые склонны к насилию. Нельзя не отметить, что в последние годы наметилась тенденция постепенной трансформации ФСИН России в структуру отчасти гражданскую. Подтверждением тому служит Указ Президента РФ от 9 сентября 2019 г. № 434, расширяющий перечень должностей высшего начальствующего состава в центральном аппарате ФСИН России, которые могут замещаться федеральными гражданскими служащими. В их число вошли должности начальника управления исполнения приговоров и специального учета ФСИН России, начальника управления организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России, начальника управления планирования и организационно-аналитического обеспечения ФСИН России, начальника управления инженерно-технического и информационного обеспечения, связи и вооружения ФСИН России.

Гражданско-процессуальное, административно-процессуальное и уголовно-процессуальное законодательство закрепляет право лица, находящегося в местах принудительного содержания, при наличии технической возможности, на участие в судебном заседании с использованием системы видеоконференцсвязи. Правовые нормы обязывают суд обеспечить данное право на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, осуществить мероприятия по проверке технической возможности проведения заседания в режиме видеоконференцсвязи, определить дату, время, место проведения и обеспечить надлежащее информирование всех участников судебного заседания и лиц, ответственных за его исправность. Для этих целей разработан приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции». Однако в нормативно-правовых актах об исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу и лишения свободы действия со стороны учреждений УИС по обеспечению этого права не закреплены. Так, в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в ст. 28 закреплено требование об обеспечении приема подозреваемых и обвиняемых и передачи их конвоем для отправки к месту назначения, а также о предоставлении оборудованных помещений для проведения следственных действий, амбулаторных судебно-психиатрических и других экспертиз.

В ст. 77.1, 77.2 УИК РФ закрепляется только возможность оставления или перевода осужденного в следственный изолятор, определяются сроки нахождения в нем, сроки содержания под стражей, требования содержания осужденных на условиях отбывания ими наказания по приговору суда и особенности предоставления свиданий. В приказах Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы», от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» порядок организации и проведения судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи не прописан. В приказе Минстроя России от 20 октября 2017 г. № 1454/пр «Об утверждении свода правил „Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» (в двух частях)“» комната, помещение, его расположение, площадь и оснащение для проведения судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи не предусматриваются. Для восполнения имеющегося пробела 18 апреля 2014 г. было заключено соглашение о взаимодействии в области использования видеоконференцсвязи между Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и ФСИН России № СД-14ю/36. Однако указанный документ формулирует материально-технические требования к помещениям, в которых устанавливается система видеоконференцсвязи, ряд организационных аспектов обеспечения технического функционирования системы ГАС «Правосудие», инструкцию по технике безопасности при работе с системой и типовой договор безвозмездного пользования оборудованием. В остальном сотрудники УИС оказываются в ситуации, когда необходимость обеспечения права осужденного на непосредственное участие в судебном заседании не регламентирована на уровне законодательства, подзаконных актов. Не разработаны и методические рекомендации для практического использования в деятельности территориальных органов ФСИН России. Это приводит к отсутствию единообразного подхода к организации деятельности сотрудников ИУ по проведению видеоконференцсвязи с судами общей юрисдикции, нарушениям прав человека. Вместе с тем о возможностях альтернативных способов судебных заседаний (видеосвязь и выездные заседания) в очередной раз напомнил Европейский суд по правам человека в своем постановлении от 9 апреля 2019 г., указав на нарушение права на справедливое судебное разбирательство Европейской конвенции.

Библиографический список

1. *The World Prison Brief*, viewed 4 February 2021, <https://www.prisonstudies.org/map/europe>.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 04.02.2021).
3. Универсальный периодический обзор. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Российская Федерация. 2009. URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G09/162/61/PDF/G0916261.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.02.2021).
4. Универсальный периодический обзор. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Российская Федерация. 2013. URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/155/11/PDF/G1315511.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.02.2021).

5. *Report to the Russian Government on the visit to the Russian Federation carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 21 May to 4 June 2012*, viewed 4 February 2021, <https://rm.coe.int/1680697bd6>.

6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. URL : https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 04.02.2021).

7. Аналитический отчет по результатам исследования «Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме». М., 2019. URL : <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskij-otchet-19-SP-01.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).

8. Артемьев Н. С., Морозова Ю. А., Понкратов В. А. Обеспечение принципа законности в следственных изоляторах ФСИН России : монография. Киров : Кировский ИПКР ФСИН России, 2017. 176 с.

УДК 343.846

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.176-181

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАШУБА,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: koshianatol@yandex.ru;

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ СОКОЛОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: sasha_sokol95@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Кашуба, Ю. А. Ретроспективный анализ некоторых оснований освобождения от отбывания наказания / Ю. А. Кашуба, А. А. Соколов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 176–181. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.176-181.

Аннотация. В статье рассматривается генезис института досрочного освобождения от отбывания наказания. Предметом исследования стали нормативно-правовые акты Российского государства со времен Киевской Руси до конца XX века. Указанные источники права исследовались с помощью методов исторического анализа и последующего сравнения. В ходе исследования были выявлены различные основания освобождения от отбывания наказания, существовавшие в правовой действительности. В результате проведенного ретроспективного анализа на научное обсуждение выносятся некоторые возможные изменения в сфере расширения действующих оснований освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: освобождение от отбывания наказания, иные основания освобождения, история уголовно-исполнительной системы, досрочное освобождение, зачет рабочих дней, условное освобождение с обязательным привлечением к труду.

Правоведами, исследовавшими становление института освобождения от отбывания наказания, предлагается значительное количество разнообразных классификаций периодизации его развития [1, 2, 3]. Условно выделим 4 периода: X–XIX вв.; XIX в. – 1917 г.; 1917–1993 гг.; 1993 г. – по настоящее время.

© Кашуба Ю. А., Соколов А. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Прообразом института освобождения от отбывания наказания принято считать право потерпевшего прощать своего обидчика, а также помилование государя. Данные положения были закреплены в договорах Руси с Византией (911, 944, 971 гг.), Русской Правде (1016 г.), Судных грамотах отдельных княжеств и других источниках права того времени. Как отмечает И. А. Ефремова, «законодательство периода феодальной раздробленности характеризуется как полным отсутствием регламентации видов освобождения от наказания, так и наличием их смешения с видами освобождения от уголовной ответственности. В большей мере в нормах права говорится не об освобождении от наказания, а о ненаказуемости какого-либо деяния» [4, с. 34].

Позднее совокупность норм о неприменении наказания расширяется, и впервые в п. 55 Судебника 1550 г. закрепляется возможность «взятия на поруки». Согласно указанному положению предусматривалось освобождение от отбывания дополнительного наказания в виде заключения в тюрьму после уплаты штрафа. В случае отсутствия «крепких поручителей» преступник содержался в остроге до конца назначенного срока, ожидая возможных поручителей. В Судебнике 1589 г. впервые появляется такое основание освобождения от наказания, как давность. В ст. 38 этого документа закреплялось, что сроки давности не распространялись на земских судей. Соборное Уложение 1649 г. предусматривало освобождение от наказания по обстоятельствам, устраняющим вину. К ним Уложение относило необходимую оборону и крайнюю необходимость. Так, в ст. 200 кн. Х указывалось: «А будет тот, к кому они таким умышлением приедут, бороняся от себя, и дом свой обороняя, кого из них убьет до смерти и привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил поневоле, от себя бороняся, и ему того в вину не ставить». Одно из первых упоминаний о действии обратной силы закона содержалось в сенатском Указе Екатерины II «Об освобождении от телесного наказания преступников, осужденных до издания Манифеста 1782 г. к наказанию кнутом и к отдаче на прежние жилища». Таким образом, происходит постепенное развитие института освобождения от отбывания наказания, однако преемственность норм не прослеживается, юридическая техника не позволяет сделать вывод об универсальности этих оснований.

Рассмотренные виды неприменения наказания при дальнейшем развитии права постепенно приобретают признаки освобождения от отбывания наказания (присущие в современной теории права институту освобождения от отбывания наказания), такие как: наличие акта правосудия, освобождающего осужденного от кары, лишений или ограничений прав; прекращение реального отбывания осужденным назначенного наказания [5, с. 12; 6, с. 14]. Институт освобождения от отбывания наказания начинает формироваться в первых кодифицированных источниках права XIX в. Одним из них являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое закрепляло следующие институты права: обстоятельства, исключающие виновность деяния; смягчение наказания; замена вида наказания; освобождение от наказания. Вместе с тем доктрина указанного периода все еще не выделяла понятие «освобождение от отбывания наказания». Лишь указывалось, что «причинами отмены наказания по русскому праву были: 1) неизлечимая болезнь преступника, его смерть; 2) примирение с обиженным; 3) давность; 4) помилование» [7]. Следует отметить, что помилование являлось единственным основанием освобождения от отбывания наказания (ст. 172 Соборного Уложения 1649 г.). В Уставе о ссыльных 1822 г. впервые упоминается прототип условно-досрочного освобождения. Дальнейшее научное осмысление этого правового института, а также положительный опыт зарубежных стран, которые ранее предусмо-

трели такой вид освобождения от отбывания наказания, привели к тому, что в 1908 г. был разработан, а в 1909 г. подписан Закон «Об условно-досрочном освобождении». Современные правоведы, анализируя указанные законодательные акты, отмечали прогресс в развитии института освобождения от отбывания наказания. Как указывал И. Д. Бадамшин, «в XIX в. в России возникли иные различные формы условного и безусловного освобождения от отбывания наказания» [8, с. 13]. Таким образом, появление института досрочного освобождения от отбывания наказания в России в XIX в. связано с развитием общемировых идей гуманизма, справедливости, целесообразности. Вместе с тем следует отметить, что источники права того времени не разграничивали понятия уголовной ответственности и уголовного наказания.

После Октябрьской революции 1917 г. при формировании новой системы права не учитывались прошлые успешные законодательные решения и научные разработки в сфере освобождения от отбывания наказания. Первые источники права советского времени не были кодифицированы и представляли собой совокупность постановлений и декретов Совета народных комиссаров (СНК). Например, в Декрете СНК от 24 ноября 1917 г. № 1 закреплялось, что право на досрочное освобождение от отбывания наказания и помилование принадлежит только суду (ст. 7), а в Декрете СНК ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» предусматривались две формы досрочного освобождения – условное и безусловное (ст. 32).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. также не имел определения уголовной ответственности и оснований освобождения от нее. Однако в ст. 52 предусматривалось условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы или принудительных работ. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., в отличие от УК РСФСР 1922 г., закреплял уже большее количество оснований для досрочного освобождения от отбывания наказания. Следует отметить, что в гл. II ИТК РСФСР 1924 г. предусматривались полномочия распределительных комиссий, которые были вправе ходатайствовать перед судом об условном или безусловном досрочном освобождении (п. 5 ст. 16), а также имели право самостоятельного зачета «двух дней работ за три дня срока лишения свободы» (п. 6 ст. 16). Таким образом, распределительные комиссии могли принимать решение о досрочном освобождении от отбывания наказания, несмотря на наличие приговора суда. В дальнейшем Инструкция по применению зачетов рабочих дней заключенным исправительно-трудовых лагерей ОГПУ от 22 ноября 1931 г. и ИТК РСФСР 1933 г. несколько изменили практику применения данного основания освобождения от отбывания наказания. Например, в ст. 93 ИТК РСФСР 1933 г. закреплялась возможность освобождения от отбывания наказания: «а) на основании постановлений органов расследования и суда; б) по истечении срока приговора; в) вследствие досрочного освобождения; г) по амнистии». В свою очередь, в Инструкции 1931 г. указывалось, что «при выполнении и перевыполнении установленных лагерями трудовых норм производить зачет трех дней работ за четыре дня срока или четырех дней работ за пять дней срока отбывания наказания». Периодичность проведения зачетов составляла два месяца. Такими мерами государство стремилось привлечь осужденных к «трудовому соревнованию и стимулировать ударничество». Затем политика государства обусловила появление в 1939 г. приказа НКВД СССР «Об отмене практики зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения». Законодательные изменения произошли не во всех республиках СССР, что порождало правовую конкуренцию.

Реформы во внутренней политике 1960-х гг. и необходимость восстановления разрушенной послевоенной экономики государства послужили принятию нескольких законо-

дательных актов в сфере исполнения наказания и освобождения от его отбывания, в том числе возвращению практики зачета рабочих дней. Так, были подготовлены и изданы: приказ МВД СССР от 17 июля 1954 г. «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР»; приказ МВД СССР от 10 августа 1954 г. «О введении во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях зачетов рабочих дней для заключенных»; указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения»; указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет»; указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «О досрочном освобождении из исправительно-трудовых лагерей и колоний специалистов сельского хозяйства». Таким образом, перечень оснований освобождения от отбывания наказания расширился, в него включались ранее известные институты, а также видоизмененные основания (например, амнистия по признаку трудовой специализации осужденного), которые были обусловлены потребностями государства и общества данного исторического периода.

Вместе с тем практика зачета рабочих дней серьезно критиковалась и на государственном уровне. На заседании 2-й сессии Верховного Совета СССР V созыва в декабре 1958 г. указывалось, что минимальный срок для такого вида освобождения меньше, чем для предоставления условно-досрочного освобождения; решение об освобождении принимала администрация учреждения, что подрывало авторитет суда; автоматическое действие порядка зачетов – отсутствие анализа поведения и степени исправления. Все это приводило к освобождению неисправившихся лиц, которые в дальнейшем совершали преступления [8, с. 29]. После принятия в 1958 г. Основ уголовного законодательства СССР смягчение и освобождение от наказания могло применяться только судом (кроме помилования и амнистии) (ст. 46 Основ), что снижало полномочия наблюдательных комиссий и фактически привело к отмене освобождения по зачету рабочих дней. Однако переход исправительных учреждений во второй половине 1980-х гг. на самофинансирование снова обусловил возрождение интереса к практике зачета рабочих дней в рамках стимулирования труда осужденных. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1987 г. вновь было предусмотрено введение зачетов рабочих дней осужденным, отбывающим наказание в исправительно-трудовых колониях, но уже в порядке эксперимента (так называемый Чимкентский опыт). Как отмечал С. Н. Овчинников, «проведенный эксперимент не нашел широкого применения в практике исполнения наказаний из-за отсутствия законодательной и иной нормативно-правовой основы для его проведения, а также противоречивости полученных результатов» [9, с. 75]. Вместе с тем представляется вполне перспективным использование указанных разработок советского исправительно-трудового права и науки для решения некоторых экономических задач, поставленных перед уголовно-исполнительной системой. Например, стимулирование труда осужденных позволило бы восстановить инфраструктуру производственных объектов для дальнейшего экономического роста и перехода на самообеспечение учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

В 1977 г. были внесены существенные изменения в УК РСФСР 1960 г. и ИТК РСФСР 1970 г. В институт досрочного освобождения вводилось новое основание – условно-досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду (ст. 532 УК РСФСР 1960 г. в редакции от 1977 г.). Впервые данный вид освобождения был применен в 1964 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, твердо вставших на путь исправления, для

работы на строительстве предприятий народного хозяйства». Представляется, что с помощью этой меры решались вопросы в первую очередь экономического характера. В доктрине также указывалось на эффективность применения данного вида освобождения, которая была доказана низким уровнем рецидива в течение ряда лет [10, с. 8].

Таким образом, советское законодательство предусматривало (в различные годы) следующие основания освобождения от отбывания наказания, которые в настоящее время, с некоторыми оговорками, можно отнести к «иным»:

- помилование судом кассационной инстанции (ст. 5 Декрета 1918 г. № 2 «О суде»);
- условное и безусловное досрочное освобождение (п. 5 ст. 16 ИТК РСФСР 1924 г.);
- зачет рабочих дней с последующим досрочным освобождением (п. 6 ст. 16 ИТК РСФСР 1924 г.);
- отсрочка исполнения приговора с последующим освобождением при проявлении себя стойким защитником родины (ст. 39 Основ уголовного законодательства СССР 1958 г.);
- освобождение при применении обратной силы закона (ст. 6 Основ уголовного законодательства СССР 1958 г.);
- освобождение после отсрочки исполнения приговора (ст. 461 УК РСФСР 1960 г.);
- освобождение после применения отсрочки осужденной с ребенком в возрасте до 3 лет (ст. 462 УК РСФСР 1960 г.);
- досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду (ст. 532 УК РСФСР 1960 г. в редакции от 1977 г.).

Развитие института досрочного освобождения от отбывания наказания с образованием Советского государства было связано, с одной стороны, с революционной необходимостью и коренным изменением принципов права, а с другой – с декларированием гуманизма и справедливости. В последующем освобождение от отбывания наказания зависело от репрессивных идей 1940-х годов; послевоенный период обуславливал необходимость усиленных темпов роста экономики и народного хозяйства. В связи с этим освобождение от отбывания наказания производилось для особо «ценных для государства» категорий осужденных (строители, земледельцы) или при обязательном привлечении к труду на стройках народного хозяйства. Поздний советский период характеризовался расширением оснований досрочного освобождения от отбывания наказания и их научной обоснованностью (появляются научные труды С. И. Зельдова, А. С. Михлина, Ю. М. Ткачевского и др.) [6, 11, 12].

В настоящее время основания освобождения от отбывания наказания закреплены в УК РФ (гл. 12) и УИК РФ (гл. 21). Вместе с тем в п. «ж» ст. 172 УИК РФ предусматривается освобождение от отбывания наказания по иным основаниям. С учетом развития гуманистических идей в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, в частности при применении досрочного освобождения от отбывания наказания, предлагается учитывать (в числе иных оснований) основания освобождения от отбывания наказания, существовавшие ранее в правовой действительности. Научному сообществу, а в дальнейшем и законодателю необходимо дополнительно рассмотреть среди них такие, как:

- досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду;
- зачет рабочих дней осужденным, которые перевыполняют трудовые нормы на производстве, с последующим сокращением срока и освобождением до окончания срока, указанного в приговоре;
- освобождение от отбывания наказания под поручительство (трудовых коллективов или общественных организаций).

Представляется, что указанные положения вполне могут быть использованы в качестве иных оснований освобождения осужденных от отбывания наказания.

Библиографический список

1. Бабаян С. Л. Правовое регулирование поощрительных институтов уголовно-исполнительного права (исторический аспект) // История государства и права. 2012. № 17. С. 37–41.
2. Богданов М. А. Эволюция института условно-досрочного освобождения в российском законодательстве (теоретический и историко-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 29 с.
3. Ефремова И. А. История развития и становления институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания (1917–1960 гг.) // Вестник Академии права и управления. 2012. № 29. С. 128–133.
4. Ефремова И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 456 с.
5. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 194 с.
6. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и его отбывания. М. : Юрид. лит., 1982. 136 с.
7. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. Вып. 1. 425 с. URL : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009401703> (дата обращения: 12.04.2021).
8. Бадамшин И. Д. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 185 с.
9. Овчинников С. Н. Стимулирование труда осужденных в пенитенциарных системах европейских стран // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3(27). С. 72–76.
10. Кашуба Ю. А. Условное осуждение (освобождение) с обязательным привлечением к труду : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018. 167 с.
11. Михлин А. С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. М. : ВНИИ МВД СССР, 1982. 152 с.
12. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М. : Юрид. лит., 1970. 240 с.

УДК 343.847

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.182-191

ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ ОРЛОВ,

доктор юридических наук, доцент,

главный редактор журнала «Российский криминологический взгляд»,

профессор кафедры организации исполнения наказаний,

Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация,

e-mail: vlad-orlov@mail.ru

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ: ОТДЕЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Для цитирования

Орлов, В. Н. Наказание в виде исправительных работ: отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты / В. Н. Орлов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 182–191. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.182-191.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты назначения, исполнения и отбывания уголовно-го наказания в виде исправительных работ. Сделан ряд выводов: 1) карательные элементы по источнику регламентирования возможно классифицировать на два вида: карательные элементы исправительных работ, регламентированные в Уголовном кодексе Российской Федерации; карательные элементы исправительных работ, регламентированные в иных источниках; 2) в целях создания прогрессивной системы отбывания исправительных работ следует условия отбывания исправительных работ классифицировать на три группы: обычные, облегченные, строгие.

Ключевые слова: исправительные работы, содержание исправительных работ, прогрессивная система, исполнение, отбывание наказания в виде исправительных работ.

В течение ряда лет в России эффективно применяется уголовное наказание в виде исправительных работ. Вместе с тем по-прежнему ведутся споры и дискуссии, казалось бы, по абсолютно ясным вопросам. Отметим лишь, что наличие неодинаковых взглядов на тот или иной вопрос свидетельствует о том, что авторы активно стремятся найти пути решения той или иной проблемы.

Особый вклад в разработку научных представлений, идей об уголовном наказании в виде исправительных работ внесли советские и российские ученые-юристы: Г. А. Алексеева (Проблемы совершенствования исправительных работ без лишения свободы.

© Орлов В. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Свердловск, 1977), А. П. Базунов (Вопросы теории и практики исправительных работ без лишения свободы в советском праве. Саратов, 1967), В. Я. Богданов (Исправительные работы как вид уголовного наказания. М., 1974), И. А. Бушуев (Исправительно-трудовые работы без лишения свободы как мера наказания в советском уголовном праве. М., 1955); В. И. Гуськов (Назначение и исполнение исправительных работ как меры уголовного наказания. М., 1966), В. А. Гуськова (Развитие советского законодательства об исправительных работах и пути его дальнейшего совершенствования. М., 1977), Р. С. Данелян (Исправительные работы как вид уголовного наказания в теории и практике. Ставрополь, 2002); В. А. Казакова (Назначение и исполнение наказания в отношении женщин, осужденных к исправительным работам. М., 1984), И. А. Кириллова (Исполнение наказания в виде исправительных работ без лишения свободы. М., 1971), А. В. Корнева (Исправительные работы без лишения свободы как вид уголовного наказания. М., 1986), И. Г. Кыдыяков (Применение уголовного наказания в виде исправительных работ. Чита, 2002), А. М. Маликов (Наказания в виде обязательных и исправительных работ (теоретические и практические проблемы). Махачкала, 2011); Б. З. Маликов (Правовые вопросы прекращения исполнения наказания в виде исправительных работ. М., 1991), Э. С. Рахмаев (Исправительные работы как вид уголовного наказания. Рязань, 2005); Рогова Е. В. (Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним. Иркутск, 2004); Ю. И. Савельева (Исполнение исправительных работ: теория и практика. Иркутск, 2005); Х. А. Тимершин (Исправительные работы: история и современность. Уфа, 1990) и др. В работах перечисленных авторов вопросы, касающиеся назначения, исполнения и отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ, подвергались глубокому и обстоятельному исследованию, однако многие из положений остаются спорными, дискуссионными, требующими дополнительного исследования. Обратим внимание на то, что исследование вопросов, касающихся проблем применения и отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ, настолько масштабно, что осветить все проблемы в рамках статьи вряд ли возможно и, скорее всего, следует продолжить эту работу и в дальнейшем. Отметим, что в перспективе особого специального внимания также заслуживают различные частные уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминопенологические аспекты сравнительно-правового исследования уголовного наказания в виде исправительных работ.

Рассмотрим последние статистические данные о применении данного вида уголовного наказания. Так, статистика числа осужденных к исправительным работам за последние десять лет показывает волнообразную динамику с различной амплитудой: в 2010 г. – 41 282 осужденных, 2011 – 40 037, 2012 – 70 400, 2013 – 75 778, 2014 – 75 120, 2015 – 60 821, 2016 – 51 733, 2017 – 54 784, 2018 – 54 747, 2019 г. – 50 020 [1, 2]. Динамика изменения числа осужденных хорошо видна и на рисунке 1: с 2010 по 2011 год идет снижение, в 2012 и 2013 гг. – резкий рост (почти в два раза). С 2013 по 2016 год количество осужденных к исправительным работам стабильно уменьшается. В 2017 г. – небольшой рост и затем вновь снижение. Наибольшее число осужденных было в 2013 и 2014 гг., а наименьшее – в 2010 и 2011 гг.

При анализе удельного веса осужденных к исправительным работам в общем числе осужденных за последние 10 лет прослеживается несколько иная тенденция. Согласно официальным данным, в 2010 г. – 41 282 осужденных (4,9 % от общего числа осужденных), 2011 – 40 037 (5,1 %), 2012 – 70 400 – (9,6 %), 2013 – 75 778 (10,4 %), 2014 – 75 120 (10,5 %), 2015 – 60 821 (9,5 %), 2016 – 51 733 (7,1 %), 2017 – 54 784 (7,9 %), 2018 – 54 747 (8,4 %), 2019 г. – 50 020 (8,5 %) [3, с. 164; 2, с. 164]. Как мы видим, рост удельного веса

осужденных прослеживается с 2010 по 2014 год, а также с 2016 по 2019 год. Динамика удельного веса осужденных к исправительным работам в общем числе осужденных отражена на рисунке 2.

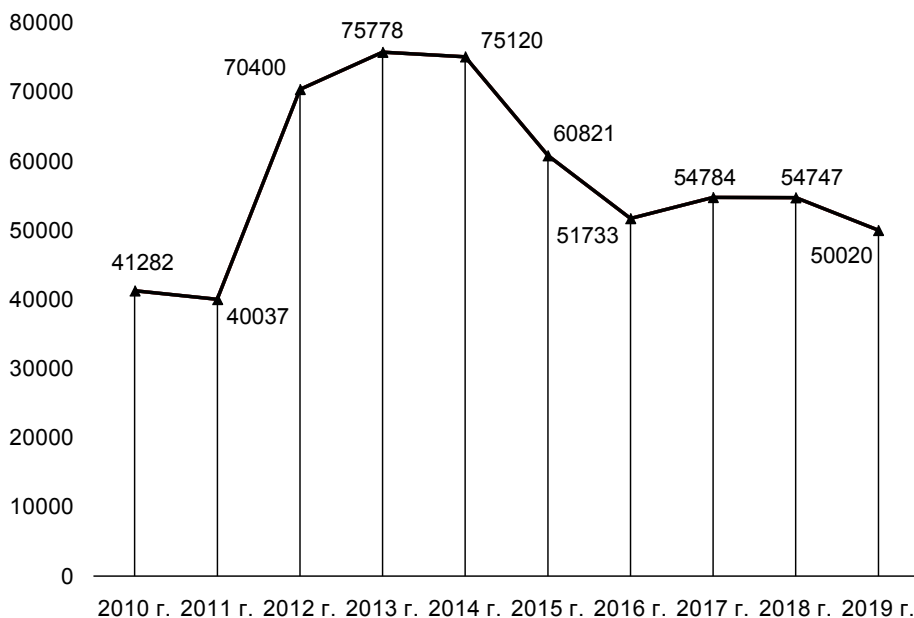

Рис. 1. Число осужденных к исправительным работам (2010–2019 гг.)

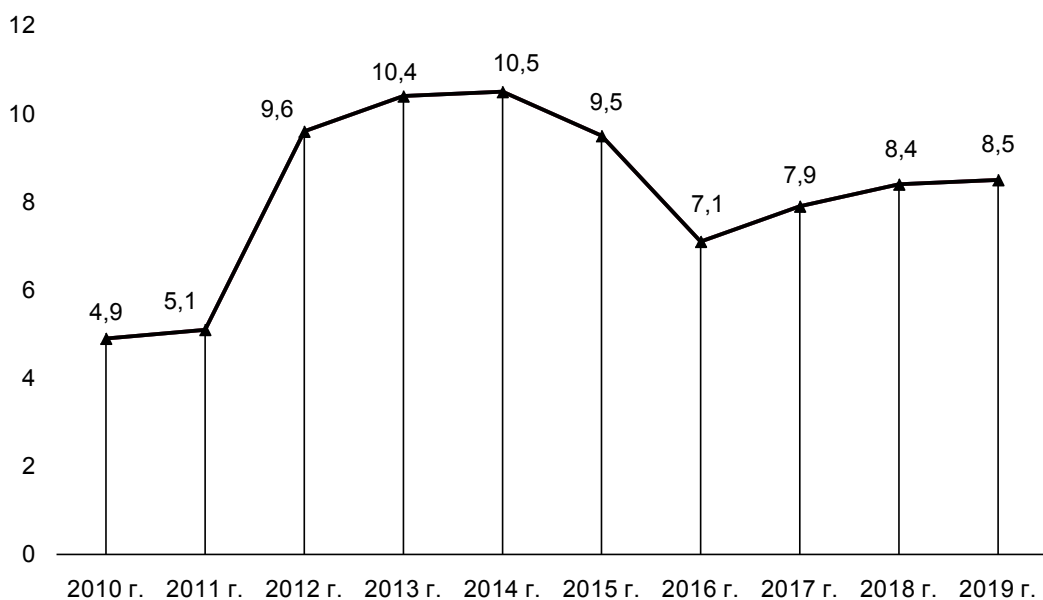

Рис. 2. Удельный вес осужденных к исправительным работам в общем числе осужденных (2010–2019 гг.)

В целом при общем снижении статистика изменения числа осужденных несовершеннолетних (14–17 лет) к исправительным работам за последние 10 лет также показывает волнообразную динамику. В 2010 г. – 686 осужденных, 2011 – 407, 2012 – 502, 2013 – 472, 2014 – 295, 2015 – 286, 2016 – 328, 2017 – 315, 2018 – 248, 2019 г. – 182 [1, 2]. Указанная динамика видна и на рисунке 3. Наибольшее число осужденных было в 2010, 2012, 2013 и 2016 гг., а наименьшее – в 2015, 2018 и 2019 гг.

За последние 10 лет иная ситуация возникает при анализе удельного веса осужденных несовершеннолетних к исправительным работам в общем числе осужденных. В 2010 г. – 686 осужденных (1,5 % от общего числа осужденных), 2011 – 407 (1,1 %), 2012 – 502 (1,6 %), 2013 – 472 (1,7 %), 2014 – 295 (1,4 %), 2015 – 286 (1,4 %), 2016 – 328 (1,5 %), 2017 – 315 (1,6 %), 2018 – 248 (1,4 %), 2019 г. – 182 (1,2 %) [1, 2]. Как видим, рост удельного веса осужденных к исправительным работам прослеживается с 2011 по 2013 год, а также с 2014 по 2017 год. Снижение удельного веса осужденных к исправительным работам наблюдается с 2010 по 2011 год, с 2013 по 2014 год и с 2017 по 2019 год. Динамика удельного веса несовершеннолетних (14–17 лет) осужденных к исправительным работам в общем числе осужденных отражена на рисунке 4.

Изложенное обуславливает необходимость дополнительного исследования уголовного наказания в виде исправительных работ. Обратимся к отдельным взглядам ученых о содержании уголовного наказания в виде исправительных работ. Так, в 1968 г. И. А. Бушуев определял следующие элементы кары исправительных работ: 1) кара в исправительных работах, как, впрочем, и в любом другом наказании, выражается прежде всего в самом факте осуждения лица, то есть в отрицательной морально-политической оценке поведения виновного лица судом от имени государства; 2) второй элемент кары исправительных работ связан с продолжительностью их отбывания; 3) третий элемент кары в исправительных работах состоит в удержании части заработка в размере, установленном судом; 4) четвертый элемент кары при осуждении к исправительным работам означает некоторые изменения в правовом положении осужденного, предусмотренные уголовными кодексами ряда союзных республик; 5) пятый элемент кары в исправительных работах выражается в том, что в процессе отбывания наказания рабочим и служащим не предоставляется очередной отпуск, а время отбывания исправительных работ не засчитывается в стаж, необходимый для его получения; 6) шестой элемент кары в исправительных работах связан с отбыванием этого наказания не по месту работы, а по указанию инспекций исправительных работ; 7) седьмой элемент кары в исправительных работах выражается в наличии судимости [3, с. 48–57].

В 1990 г. Х. А. Тимершин утверждал, что «по смыслу действующего советского уголовного и исправительно-трудового законодательства исправительные работы как наказание включают различные карательные элементы:

- 1) обязательное привлечение осужденного к общественно полезному труду, без учета его желания;
- 2) комплекс трудовых, материальных и иных правовых ограничений;
- 3) место отбывания исправительных работ;
- 4) срок отбывания исправительных работ;
- 5) процент удержаний из заработка по приговору суда;
- 6) обязательность доведения приговора суда до членов трудового коллектива;
- 7) контроль за поведением осужденного на работе;

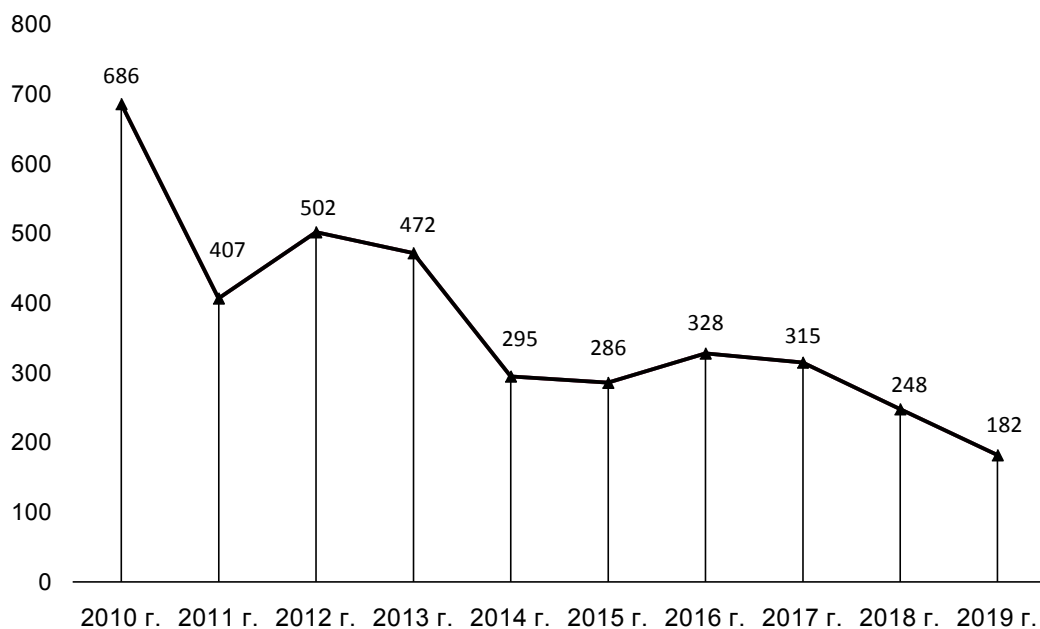

Рис. 3. Число несовершеннолетних осужденных к исправительным работам (2010–2019 гг.)

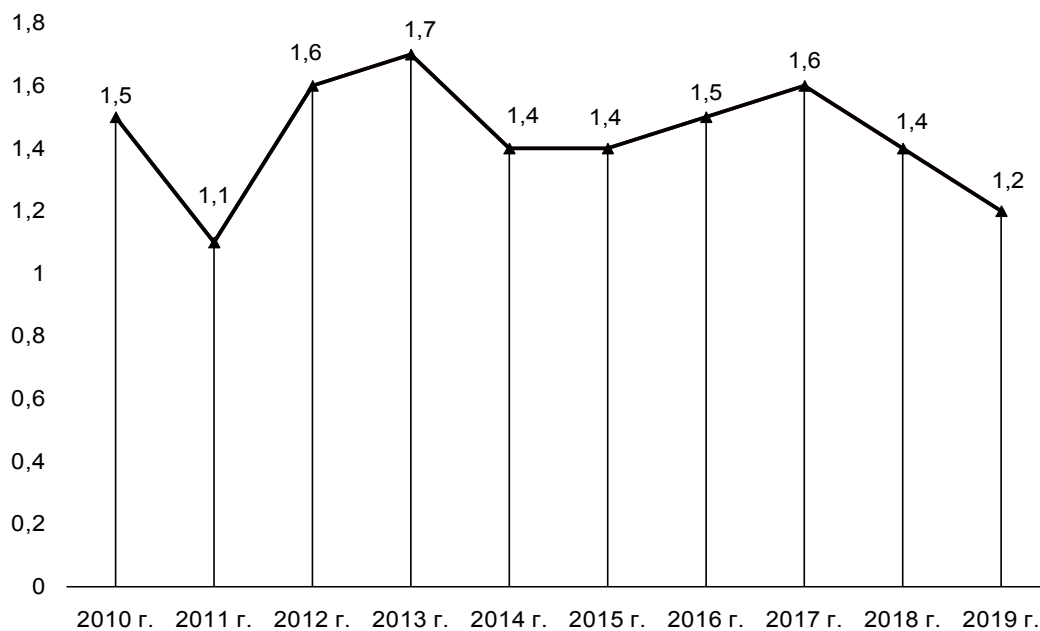

Рис. 4. Удельный вес несовершеннолетних осужденных к исправительным работам в общем числе осужденных (2010–2019 гг.)

8) обязательность применения к осужденному мер воспитательного воздействия со стороны государственных органов, администрации предприятий, учреждений, трудовых коллективов и общественных организаций;

9) возникновение и сохранение судимости в период их отбывания и в течение года со дня их отбывания, а если было применено дополнительное наказание, то со дня отбывания последнего» [4, с. 14].

Позиция советских ученых о необходимости включения в содержание уголовного наказания в виде исправительных работ судимости не была поддержана в дальнейшем. В настоящее время традиционно судимость в содержание уголовного наказания в виде исправительных работ не включается [5, с. 117–137].

Вряд ли следует также согласиться с мнением Х. А. Тимершина, что место отбывания исправительных работ является элементом кары. Это утверждение весьма спорно. В данном случае не само по себе место является элементом кары, а выполнение осужденным исправительных работ на строго определенных объектах, определенного рода, профессии, вида и характера.

В зависимости от источника регламентирования элементы (лишения, ограничения, замена и дополнение прав, законных интересов и обязанностей осужденного), составляющие содержание наказания в виде исправительных работ, возможно классифицировать на два вида:

1. Карательные элементы исправительных работ, регламентированные в УК РФ. Характеризуются тем, что:

1) прежде всего, кара в исправительных работах, как и в любом другом уголовном наказании, выражается в самом факте осуждения лица от имени государства;

2) кара в исправительных работах заключается в том, что они, как и всякое другое уголовное наказание, применяются независимо от желания осужденного и в большинстве случаев вопреки ему;

3) кара в исправительных работах выражается в том, что осужденный должен отбывать данный вид наказания на строго определенных объектах (или в строго определенном месте), тот есть осужденный лишается права выбора места работы;

4) карой в исправительных работах является продолжительность или длительность данного вида наказания;

5) из заработной платы осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов (ч. 3 ст. 50 УК РФ);

6) кара в исправительных работах проявляется также в том, что осужденный к исправительным работам должен выполнять строго определенный вид и характер работ;

7) кара проявляется и в том, что осужденный выполняет работы по месту своего жительства, то есть в том районе, где его могут встретить знакомые или близкие.

2. Карательные элементы исправительных работ, регламентированные в иных источниках. Состоят в следующем:

1) осужденные к исправительным работам ограничены в праве выбора рода деятельности и профессии, поскольку осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы (ч. 4 ст. 40 УИК РФ);

2) кара в исправительных работах проявляется в том, что осужденные лишены права свободно распоряжаться своими способностями к труду;

3) осужденные к исправительным работам ограничены в праве на обеспечение по страхованию в виде пособия по временной нетрудоспособности, назначаемого в связи

со страховым случаем и оплачиваемого за счет средств на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»;

4) осужденные к исправительным работам ограничены в регламентируемом ч. 5 ст. 37 Конституции РФ праве на отдых;

5) в условиях отбывания наказания в виде исправительных работ осужденный лишается законного интереса в виде замены ежегодного оплачиваемого отпуска денежной компенсацией;

6) при отбывании уголовного наказания в виде исправительных работ осужденный лишается и ограничивается не только в своих правах и законных интересах, но и в своих обязанностях;

7) права осужденного к исправительным работам дополняются правом обращаться в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного в случае ухудшения его материального положения (ч. 7 ст. 44 УИК РФ).

Как видим, лишения, ограничения, замена и дополнение прав, законных интересов и обязанностей осужденного, составляющие содержание данного наказания, предусмотрены нормами не только уголовного, но и уголовно-исполнительного законодательства, а также иных нормативно-правовых актов. Указанное обстоятельство противоречит ч. 1 ст. 43 УК РФ, согласно которой наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В настоящее время в уголовном законодательстве не предусматривается возможность нормотворческого закрепления правоограничений, образующих содержание уголовного наказания, в иных, помимо УК РФ, источниках. Элементы, образующие содержание уголовного наказания в виде исправительных работ, должны быть отражены только в материальном праве, точнее в УК РФ [6, с. 264–272].

В юридической литературе ведутся продолжительные дискуссии о понимании прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ. Практика исполнения и отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ подтверждает острую востребованность в стимулировании правооптимального поведения осужденных. Идея о прогрессивной системе отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ до настоящего времени не реализована, хотя ученые-юристы и практики не раз обращали внимание на этот пробел и предлагали свои варианты его восполнения.

Так, Д. В. Горбань предлагает внести изменения в УИК РФ, предусматривающие разделение на отдельные условия отбывания исправительных работ и установление отдельного (специфического) правового режима на каждом их виде. Для этого: а) статью 40 дополнить частью 7 следующего содержания: «Осужденные к исправительным работам отбывают наказание в обычных или облегченных условиях»; б) дополнить УИК РФ статьей 40.1 «Изменение условий отбывания исправительных работ» следующего содержания: «1. На обычных условиях исправительных работ отбывают наказание осужденные, которым данный вид назначен по приговору суда, а также осужденные, переведенные из облегченных условий отбывания наказания. Размер удержаний из заработной платы для осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, устанавливается в размере от 5 до 20 процентов. 2. При отбывании исправительных работ в обычных условиях осужденные: а) обязаны соблюдать порядок и условия от-

бывания наказания, предусмотренные Кодексом, а также правила внутреннего распорядка организаций, в которых они отбывают исправительные работы; б) обязаны соблюдать порядок и условия отбывания наказания, добросовестно относиться к труду и являться в уголовно-исполнительную инспекцию по ее вызову; в) обязаны сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места работы и места жительства в течение десяти дней; г) в случаях, определенных законодательством, вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания. 3. Осужденные, характеризующиеся примерным поведением, добросовестным отношением к труду, по отбытии не менее одной третьей срока наказания могут быть переведены в облегченные условия отбывания наказания. Размер удержаний из заработной платы для осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, устанавливается в размере от 5 до 10 процентов. Осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, в порядке взыскания могут быть переведены в обычные условия отбывания наказания. Повторный перевод в облегченные условия отбывания наказания производится не ранее чем через месяц отбывания исправительных работ в обычных условиях [7, с. 180].

Отчасти соглашаясь с мнением Д. В. Горбаня, отметим, что достаточно дискуссионным является его предложение о необходимости предусмотреть в обычных условиях отбывания исправительных работ такое положение, как «в случаях, определенных законодательством, вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания». Данное предложение требует дополнительного уточнения, поскольку основания для освобождения могут быть различными, а отдельные из них (например, состояние здоровья) никак не должны зависеть от условий отбывания исправительных работ.

Мы считаем понятия «прогрессивная система исполнения наказания» и «прогрессивная система отбывания наказания» неравнозначными. На наш взгляд, это две различные системы как по уровню и содержанию, так и по форме. Под прогрессивной системой отбывания наказания следует понимать поступательное изменение элементов состава отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, поставленных целей и наступивших последствий, в том числе и достигнутых результатов. Соответственно прогрессивная система исполнения наказаний – это поступательное изменение элементов состава исполнения наказания в зависимости от поведения субъекта, исполняющего наказание, поставленных целей и наступивших последствий, в том числе и достигнутых результатов.

Отдельные авторы, определяя прогрессивную систему отбывания наказания (или отдельного вида наказания), называют ее прогрессивной системой исполнения наказания, то есть подменяют одно понятие другим, хотя, в сущности, говорят о прогрессивной системе отбывания наказания (например, Ю. М. Ткачевский [8, с. 378–379], Г. А. Аванесов [9]).

Возвращаясь к прогрессивной системе отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ, отметим, что в качестве ее элементов в разное время предлагались: а) возможность предоставления очередного отпуска; б) изменение процента удержаний и др. Еще в 1986 г. А. В. Корнеева утверждала, что «прогрессивная система, применяемая как один из способов использования средств исправления и перевоспитания [10, с. 94], при применении исправительных работ может внести элемент личной заинтересованности осужденных в исправлении и перевоспитании, дифференцировать особенности личности правонарушителей [11, с. 92]. Таким элементом прогрессивной системы применительно к исправительным работам, по нашему мнению, может стать возможность предоставления очередного отпуска. Применение правоограничения о

запрещении предоставления очередного отпуска мы предлагаем поставить в зависимость от результатов отбывания исправительных работ» [12, с. 97].

В целях создания прогрессивной системы отбывания исправительных работ следует условия отбывания исправительных работ классифицировать на три группы: а) обычные; б) облегченные; в) строгие.

Представляется возможным в ст. 40 УИК РФ «Условия отбывания исправительных работ» внести соответствующие изменения и изложить ее в следующей редакции:

«Осужденные к исправительным работам отбывают наказание в обычных, облегченных и строгих условиях.

При отбывании исправительных работ в обычных условиях осужденные:

а) обязаны соблюдать порядок и условия отбывания наказания, предусмотренные настоящим Кодексом;

б) из заработной платы осужденных производятся удержания в размере, установленном приговором суда, от 5 до 20 процентов;

в) в период отбывания исправительных работ ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней предоставляется администрацией организации, в которой работает осужденный, по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Другие виды отпусков, предусмотренные законодательством Российской Федерации о труде, предоставляются осужденным на общих основаниях.

Осужденные, характеризующиеся примерным поведением, добросовестным отношением к труду, по отбытии не менее двух третей срока наказания могут быть переведены в облегченные условия отбывания наказания в виде исправительных работ. При отбывании исправительных работ в облегченных условиях осужденным разрешается:

а) реализовать свое право на отдых в виде оплачиваемого отпуска в полном объеме в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации;

б) уголовно-исполнительной инспекции, осужденному или администрации организации, в которой работает осужденный к исправительным работам, обращаться в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного с учетом его материального положения и иных сведений, но не менее минимального размера, установленного уголовным законодательством.

Осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, в порядке взыскания могут быть переведены в обычные условия отбывания наказания. Повторный перевод в облегченные условия отбывания наказания производится не ранее чем через месяц отбывания исправительных работ в обычных условиях в порядке, предусмотренном частями __ и __ настоящей статьи.

Осужденные, характеризующиеся отрицательно, недобросовестным отношением к труду, могут быть переведены в строгие условия отбывания наказания. При отбывании обязательных работ в строгих условиях:

а) осужденные обязаны являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации не менее двух раз в неделю. В исключительных случаях и с учетом вида, характера выполняемых осужденным работ допускается регистрация онлайн, но не менее трех раз в неделю;

б) в период отбывания исправительных работ ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 10 рабочих дней предоставляется администрацией организации, в которой работает осужденный, по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Другие виды отпусков, предусмотренные законодательством Российской Федерации о труде, предоставляются осужденным на общих основаниях.

Повторный перевод в обычные условия отбывания наказания производится не ранее чем через два месяца отбывания исправительных работ в строгих условиях в порядке, предусмотренном частями __ и __ настоящей статьи».

Представленный содержательный перечень обычных, облегченных и строгих условий отбывания исправительных работ является примерным и в дальнейшем может быть усовершенствован, изменен или дополнен иными положениями.

На основании изложенного следует сделать ряд выводов:

а) карательные элементы по источнику регламентирования возможно классифицировать на два вида: 1) карательные элементы исправительных работ, регламентированные в УК РФ; 2) карательные элементы исправительных работ, регламентированные в иных источниках;

б) в целях создания прогрессивной системы отбывания исправительных работ следует условия отбывания исправительных работ классифицировать на три группы: а) обычные; б) облегченные; в) строгие;

в) представляется возможным внести соответствующие изменения в ст. 40 УИК РФ «Условия отбывания исправительных работ».

Библиографический список

1. Преступность и правонарушения (2010–2014) : стат. сб. М. : Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2015. 180 с.
2. Преступность и правонарушения (2015–2019) : стат. сб. М. : Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2020. 178 с.
3. Бушуев И. А. Исправительные работы. М. : Юрид. лит., 1968. 198 с.
4. Тимершин Х. А. Исправительные работы: история и современность : учеб. пособие. Уфа : Уфим. высш. шк. МВД России, 1990. 110 с.
5. Орлов В. Н. Уголовное наказание и его виды: понятие и содержание : монография. М. : Кримиол. б-ка ; Ставрополь : АГРУС Ставроп. гос. аграр. ун-та, 2020. 180 с.
6. Орлов В. Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ: уголовно-правовые (материальные) и уголовно-исполнительные (процессуальные) нормы // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 3. С. 264–272.
7. Горбань Д. В. Прогрессивная система исполнения и отбывания исправительных работ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4(65). С. 176–180.
8. Ткачевский Ю. М. Избранные труды / сост. А. В. Пашковская. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2010. 595 с.
9. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) / под ред. Н. А. Стручкова. М. : ВНИИОП МООП СССР, 1968. 147 с.
10. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М. : Юрид. лит., 1984. 240 с.
11. Алексеева Г. А. О повышении эффективности исполнения исправительных работ без лишения свободы // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск, 1980.
12. Корнеева А. В. Исправительные работы без лишения свободы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 176 с.

УДК 343.8(575.1+470)
DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.192-198

ХУРШИДА МИРЗИЯТОВНА АБЗАЛОВА,

доктор юридических наук,
исполняющая обязанности доцента кафедры уголовного права,
криминологии и противодействия коррупции,
Ташкентский государственный юридический институт
Министерства юстиции Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Республика Узбекистан,
e-mail: info@tsul.uz;

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА МАЛОЛЕТКИНА,

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: levkovka707@mail.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Для цитирования

Абзалова, Х. М. Уголовно-исполнительная политика Республики Узбекистан и Российской Федерации: некоторые аспекты совершенствования / Х. М. Абзалова, Н. С. Малолеткина // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 192–198. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.192-198.

Аннотация. В статье раскрываются отдельные проблемы современной уголовно-исполнительной политики Республики Узбекистан и Российской Федерации. Особое внимание уделяется уголовно-исполнительному законодательству, структуре, особенностям и основным положениям, определяющим деятельность сотрудников пенитенциарных систем данных государств. Рассмотрены недостатки регулирования и реализации отдельных средств исправления осужденных. Сформулированы предложения по некоторым направлениям развития уголовно-исполнительного и иного законодательства. В результате проведенного исследования авторы делают вывод о том, что необходима корректировка уголовно-исполнительного законодательства и дальнейшее развитие уголовно-исполнительной политики как в Республике Узбекистан, так и в Российской Федерации в целях борьбы с преступностью, повышения эффективности достижения целей уголовно-исполнительного законодательства и укрепления имиджа сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания.

© Абзалова Х. М., Малолеткина Н. С., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, исправление осужденных, предупреждение преступлений, содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства, общественное воздействие.

Совершенствование государственной политики любого государства по предупреждению преступлений, обеспечению законности, исправлению осужденных и в целом по достижению целей наказания невозможно без развития уголовно-исполнительного и иного законодательства. Не являются исключением Республика Узбекистан (далее – РУ) и Российская Федерация (далее – РФ), в которых ключевое значение в системе законодательства об исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера имеют уголовно-исполнительные кодексы.

Впервые на законодательной основе в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Узбекистан (далее – УИК РУ), разделенном на Общую и Особенную части, был урегулирован порядок исполнения видов наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Узбекистан. УИК РФ также включает Общую и Особенную части, однако в российском Кодексе отсутствует регламентация различных мер уголовно-правового характера, кроме условного осуждения. Общая часть в обоих кодексах традиционно посвящена общим положениям уголовно-исполнительного законодательства, правовому положению осужденных, перечню учреждений и органов, исполняющих конкретные виды наказаний и иных мер, контролю за их деятельностью и ряду иных вопросов. Ввиду этого УИК РУ обладает рядом специфических особенностей, связанных с объединением в одном акте норм об исполнении наказаний и иных мер воздействия, а также наличием единого подхода к непосредственной и комплексной регламентации общественных отношений между государством и лицом, осужденным к наказанию или к иным мерам уголовно-правового воздействия.

Общеизвестно, что эффективная реализация уголовно-исполнительной политики требует своевременного обновления и совершенствования соответствующих норм законодательства, которое имеет различные недостатки [1; 2, с. 74–80]. При этом применение только в совокупности всего комплекса предусмотренных средств исправления к осужденным (режим, воспитательная работа, общественное воздействие и пр.) способно достичь данной цели [3, с. 117–127; 4, с. 41–45; 5, с. 95–101]. В настоящее время во всем мире актуален коренной пересмотр сложившейся карательной практики применения уголовного и уголовно-исполнительного закона, что также необходимо для совершенствования порядка исполнения наказаний и иных мер воздействия на правонарушителей (включая проблему возложения на них дополнительных правоограничений, являющихся, по сути, дополнительными наказаниями).

Приведем некоторые статистические данные. Так, в России в 2019 г. было осуждено к лишению свободы 195 810 граждан, которые совершили преступление впервые, 75 117 – во второй раз и 152 898 – три и более раза [6]. Отбывают наказание осужденные в исправительных учреждениях согласно ч. 9 ст. 16 УИК РФ (колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительные колонии общего, строгого или особого режимов либо тюрьма, а также следственный изолятор, если согласно ст. 77 УИК РФ осужденных к лишению свободы оставили в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию). При этом в 2019 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состояло 486 013 подучетных лиц и снято с учета в связи с осуждением за новое преступление 19 413 лиц [7]. Таким образом, очевидно, что

применение наказаний не всегда способствует достижению целей уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 1 УИК РФ).

Общеизвестно, что любое государство стремится к улучшению жизни своих граждан, снижению уровня преступности в обществе и соблюдению законности на всей его территории. Для реализации этого необходимо совершенствовать уголовное и уголовно-исполнительное законодательство с учетом сложившейся обстановки в обществе, а также различных научных исследований в пенитенциарной области знаний, включая результаты эмпирических данных (анкетирования и опросов сотрудников уголовно-исполнительной системы и т. п.). Однако так происходит не всегда, и в период действия УИК РФ за более чем двадцать лет изменения и дополнения в него вносились уже 86 раз. За годы независимости в Узбекистане в сфере исполнения наказания были приняты 3 закона, 5 решений Президента РУ, 8 постановлений и распоряжений Правительства Республики Узбекистан и 14 иных нормативно-правовых актов. В УИК РУ, принятом в 1997 г., лишь 22 раза были внесены соответствующие изменения и дополнения, и до 2018 г. они носили в основном уточняющий характер, были направлены на регулирование порядка исполнения новых наказаний (пожизненное лишение свободы, исправительные работы и др.) и защиты прав осужденных.

Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах (далее – Стратегия действий), утвержденной Указом Президента РУ от 7 февраля 2017 г. № УП-4947, ключевыми целями обеспечения верховенства закона и дальнейшего реформирования судебно-правовой системы определены совершенствование и либерализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, декриминализация отдельных уголовных деяний, гуманизация уголовных наказаний и порядка их исполнения, а также совершенствование системы противодействия преступности и профилактики правонарушений.

Важнейшим условием достижения указанных целей является дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, в том числе для приведения в соответствие с нормами международных актов, защиты прав и законных интересов осужденных, совершенствования порядка исполнения отдельных видов уголовных наказаний, улучшения правоприменительной практики в целях эффективного достижения целей наказания. Критический анализ реализации положений Стратегии действий, а также судебно-следственная и правоприменительная практика свидетельствует о наличии ряда проблем и пробелов, препятствующих полноценной реализации судебно-правовых реформ. В связи с этим 7 ноября 2018 г. была принята Концепция совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан в 2019–2021 годах, утвержденная постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-4006 (далее – Концепция), и с 1 января 2019 г. на базе управления по контролю за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, Главного управления профилактики правонарушений Министерства внутренних дел Республики Узбекистан и его территориальных подразделений была создана Служба пробации при Главном управлении исполнения наказания министерства и его территориальные подразделения.

С принятием Концепции был внесен ряд важных изменений и дополнений в законодательство: предоставлено право на участие в выборах осужденных, содержащихся в местах лишения свободы за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления; имплементированы некоторые положения Правил Нельсона Манделы (Минимальные стандартные правила обращения с

заклученными); увеличено количество встреч и телефонных разговоров; расширены меры по обеспечению личной безопасности осужденных во время отбывания наказания; уточнена процедура краткосрочных встреч, видеоконференцсвязи и телефонных разговоров с целью создания дополнительных удобств для заключенных и их близких родственников и т. п. Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан от 16 апреля 2019 г. № 318 «О мерах по совершенствованию системы общего образования и профессионального обучения осужденных» на территории колоний по исполнению наказаний были созданы 6 общеобразовательных школ и 4 центра профессионального обучения.

В России в исправительных учреждениях на протяжении уже многих лет также развивается одно из основных средств исправления осужденных – получение ими общего образования и их профессионального обучения. При наличии соглашений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами местного самоуправления осужденные к лишению свободы имеют возможность обучаться во время отбывания наказания, что в дальнейшем облегчает им возможность устроиться на работу. В свете грядущих реформ и вектора на внедрение в жизнедеятельность граждан и всех сфер деятельности общества информационных технологий получение образования осужденными занимает особую нишу среди средств их исправления.

Между тем представляется, что в рамках реализации Концепции и возможного принятия нового УИК РУ следует обратить внимание на следующие проблемы:

1. Недостаточная эффективность концептуальных норм уголовно-исполнительного законодательства. УИК РУ как документ в классическом варианте состоит из двух частей – Общей и Особенной. Общая часть УИК РУ содержит основы уголовно-исполнительного законодательства. При этом Общая часть УИК РУ состоит лишь из 18 статей, что свидетельствует о недостаточном акцентировании внимания на концептуальных основах исполнения уголовных наказаний. Так, Общая часть УИК РУ не раскрывает содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства (перечисленных в ст. 6), общие условия и порядок применения поощрительных и дисциплинарных мер в отношении осужденных и др. Между тем именно содержание принципов определяет концептуальные основы применения норм уголовно-исполнительного законодательства. В УИК РФ, в свою очередь, содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства также необоснованно не раскрывается в ст. 8, а сама Общая часть содержит 24 статьи.

2. Требуется расширение норм, регулирующих вопросы общественного контроля и участия общественности в исполнении уголовных наказаний [8–10]. УИК РУ предусматривает лишь отдельные нормы касательно участия общественности при исправлении осужденных и исполнении наказаний. Несмотря на то что ст. 7 УИК РУ определяет общественное воздействие в качестве основного средства исправления осужденных, закон не содержит уточняющих норм о применении данного средства исправления. С учетом положений ст. 99 УИК РУ относительно участия в исправлении осужденных также возникает объективная необходимость регулирования следующих вопросов:

- общие основы участия представителей общественности как при исполнении наказаний, так и в исправлении осужденных;
- круг субъектов, осуществляющих меры общественного воздействия;
- формы и методы общественного воздействия на осужденных;
- возможность участия представителей общественности в мониторинге за условиями отбывания наказания;

– содействие в иной, не запрещенной законодательством форме участия представителей общественности в исправлении осужденных.

В России имеет место аналогичная проблема в виде отсутствия законодательного закрепления в отдельной главе или статье содержания общественного воздействия как основного средства исправления осужденных. Представляется, что и в УИК РФ следует конкретизировать регулирование общественного воздействия в отношении осужденных.

3. Недостаточная эффективность норм уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних. Система отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Узбекистан носит довольно строгий характер и объективно не создает условий для их исправления и выполнения ими полезной роли в обществе. На наш взгляд, следует изменить подход к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте. Система исполнения наказания должна быть в первую очередь инструментом обеспечения прав и свобод несовершеннолетних, а также охраны их достоинства. Гарантия соблюдения прав несовершеннолетних осужденных также должна быть приоритетной.

4. Недостаточная эффективность достижения основных целей наказания, что требует создания благоприятных условий для повышения результативности средств исправления. Как известно, охрана личности является стратегическим направлением деятельности любого правового государства, что вменяет в обязанность правоохранительным органам защиту прав осужденных. Для реализации указанной задачи следует решить в Республике Узбекистан следующие проблемы:

– отсутствие пенитенциарного омбудсмана для разрешения споров в области исполнения наказаний с учетом мнений осужденных;

– неразработанность методики проведения контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений со стороны общественности, то есть общественного контроля за соблюдением прав осужденных;

– отсутствие механизма предупреждения возможных рисков, конфликтных ситуаций, негативного влияния условий содержания на исправление осужденных;

– неэффективная организация работы по формированию у сотрудников пенитенциарных учреждений чувства уважения личности осужденных, недопущению любой формы дискриминации;

– отсутствие методического обеспечения социальной работы сотрудников пенитенциарных учреждений с осужденными, находящимися в группе повышенного риска.

В России данное направление отчасти обеспечивают Уполномоченный по правам человека в РФ, общественные наблюдательные комиссии, уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, общественные советы при территориальных органах ФСИН России и другие организации, у которых основными функциями являются соблюдение прав осужденных.

5. Проблемы подготовки кадров и социально-правовой защиты сотрудников пенитенциарной системы. Эффективной реализации положений УИК РУ способствует решение следующих проблемных вопросов:

– подготовка кадров для пенитенциарных учреждений с обучением международным стандартам обращения с осужденными;

– налаживание четкой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников пенитенциарных учреждений;

– психологическое обеспечение исполнения наказания путем введения или расширения в штате специалистов в области педагогики, медицины и педагогики;

- обеспечение социальной защиты работников пенитенциарных учреждений и законодательное закрепление их социальных гарантий;
- законодательное определение статуса работников пенитенциарных учреждений, введение открытых и прозрачных процедур оценки их работы и аттестации;
- широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности мер безопасности пенитенциарных учреждений.

Проблемы реализации норм уголовно-исполнительного законодательства как в России, так и в Узбекистане оказывают негативное влияние не только на исполнение приговоров суда, но и на доверие населения к пенитенциарным учреждениям, снижение эффективности предупреждения преступности. Следовательно, целесообразно формировать стратегические основы уголовно-исполнительной политики государств на постсоветском пространстве. Отчасти это возможно посредством успешной реализации Концепции развития уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан, дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительной системы России и ее уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим считаем необходимым:

- раскрыть в Общей части УИК РУ и УИК РФ содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства;
- всесторонне закрепить формы участия представителей общественности в исправлении осужденных (вплоть до принятия участия в воспитательной работе с осужденными, государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере и т. п.), различные аспекты взаимодействия субъектов общественного контроля с учреждениями и органами, исполняющими наказания, а также предусмотреть возможность обсуждения проектов нормативно-правовых актов в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия как в России, так и в Узбекистане;
- разработать терминологический аппарат в УИК РУ и УИК РФ в целях правильного понимания и толкования различных терминов и понятий;
- предусмотреть общие основания и конкретизировать условия применения поощрительных норм (вознаграждение, улучшение бытовых условий и т. д.) в отношении осужденных в Узбекистане;
- разработать для России систему и порядок применения мер поощрения в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы;
- гармонизировать уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство в целях эффективной реализации реформ в судебной-правовой сфере, обеспечения прав и свобод лиц как в России, так и в Узбекистане;
- ввести институт пенитенциарного омбудсмана, предоставив ему право на проведение независимого мониторинга и контроля за обеспечением прав осужденных и недопущением нарушений законодательства в обоих государствах;
- совершенствовать систему подготовки, переподготовки, повышения квалификации и аттестации работников пенитенциарной системы;
- создать в Республике Узбекистан центр криминологии, работающий в тесном сотрудничестве с заинтересованными органами и организациями, основной функцией которого будет анализ и прогноз криминологической ситуации в обществе, выработка рекомендаций для более эффективного управления пенитенциарной системой и ее функционирования.

Таким образом, принятие и осуществление мер, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительного законодательства, позволит в полной мере реализовать положения Стратегии действий в Республике Узбекистан. Рассмотренные вопросы и

указанные проблемы свидетельствуют о том, что необходима корректировка уголовно-исполнительного законодательства и дальнейшее развитие уголовно-исполнительной политики как в Республике Узбекистан, так и в Российской Федерации для борьбы с преступностью, повышения эффективности достижения целей уголовно-исполнительного законодательства и укрепления имиджа сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания.

Библиографический список

1. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 477 с.
2. Салаев Н. С. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в чрезвычайных условиях в Узбекистане // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 1. С. 74–80.
3. Антонян Ю. М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 117–127.
4. Кунц Е. В. Режим и воспитательная работа как средства исправления осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 1(40). С. 41–45.
5. Скиба А. П., Родионов А. В., Малолеткина Н. С. Средства исправления осужденных и их индивидуальные особенности: некоторые теоретические и правовые проблемы взаимосвязи // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 95–101.
6. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // ФСИН России. URL : fsin.gov.ru (дата обращения: 15.02.2021).
7. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // ФСИН России. URL : fsin.gov.ru (дата обращения: 15.02.2021).
8. Маликов Б. З. Общественное воздействие – средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 2. С. 146–151.
9. Малолеткина Н. С. Правовые основы общественного воздействия как средства исправления осужденных в России и ряде стран // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4), № 4. С. 362–366.
10. Попова Е. Э. Социальные факторы, оказывающие влияние на формирование общественного воздействия как основного средства исправления осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 3. С. 249–252.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.199-204

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ДАВЫДОВА,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовно-исполнительного права,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: 706197825041977@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА РАСШИРЕНИЕ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ

Для цитирования

Давыдова, И. А. Влияние международных факторов на расширение средств правовой защиты осужденных в России / И. А. Давыдова // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 199–204. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.199-204.

Аннотация. В статье последовательно раскрываются различные международные факторы, определяющие политику и законодательство в сфере исполнения наказаний, анализируются имеющиеся в России средства правовой защиты осужденных, рассматривается их эффективность с позиции реализации требований российского законодательства и оценки Европейского суда по правам человека, доказываются значение отдельных международных факторов и их роль в законодательном закреплении новых средств правовой защиты осужденных. Выявляются закономерности, связанные с влиянием конкретных рекомендаций, содержащихся в решениях Европейского суда по правам человека, на изменения российского законодательства в сфере исполнения наказаний. В качестве наиболее значимых законодательных изменений, расширяющих средства защиты прав заключенных и осужденных на надлежащие условия содержания, указываются законодательные акты, предусматривающие введение коэффициентов при зачете срока предварительного заключения в общий срок лишения свободы при отбывании наказания в различных видах исправительных учреждений, а также возможность получения денежной компенсации за ненадлежащие условия содержания под стражей или в местах лишения свободы. Анализируются основания принятия ряда законодательных актов, которые позволяют обеспечивать защиту прав лиц, находящихся в условиях изоляции. Сделан вывод о прямом влиянии решений Европейского суда по правам человека на принятие законов, вносящих изменения в действующее законодательство в сфере содержания под стражей и исполнения наказаний, и сохранение значения международных факторов вне зависимости от изменений нормативного регулирования конституционно-правовых отношений.

© Давыдова И. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: международные факторы, средства правовой защиты осужденных, надлежащие условия содержания осужденных, коэффициент кратности, денежная компенсация.

Формирование уголовно-исполнительной политики и соответствующего законодательства осуществляется под влиянием ряда факторов. Факторный подход к принятию решений в рассматриваемой сфере предлагается в качестве одного из эффективных способов разрешения негативной тенденции, связанной с количественным увеличением законов, вносящих изменения в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также их недостаточно высоким качеством [1, с. 3].

В системе факторов в зависимости от сферы проявления выделяют экономические, социальные, духовные, политические и др. В свою очередь, политические факторы делят на внутривнутриполитические и внешнеполитические [1, с. 15], то есть международные. Среди международных факторов, влияющих на формирование современной политики в сфере исполнения наказаний и уголовно-исполнительное законодательство, можно указать:

- требования международных правовых актов, признаваемые в качестве международных стандартов исполнения наказаний и обращения с осужденными;
- деятельность международных правительственных организаций, членом которых является Россия (ООН, Совет Европы и т. д.);
- деятельность международных неправительственных организаций (таких как Международная тюремная реформа – PRI);
- сотрудничество с иностранными государствами по пенитенциарным проблемам;
- международный контроль в пенитенциарной сфере.

Одним из элементов указанной системы международных факторов является контроль международных органов и организаций, осуществляемый в том числе в связи с обращениями осужденных. При этом следует подчеркнуть то обстоятельство, что если при принятии УИК РФ осужденные могли обращаться с заявлениями и жалобами в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека после исчерпания всех внутривнутригосударственных средств правовой защиты, то после изменения законодательства с 2003 г. осужденные могут обращаться в них вне зависимости от их использования. В настоящее время законодательно закреплены различные средства правовой защиты осужденных, выступающие в качестве гарантий их правового статуса и законности в сфере исполнения наказаний. Можно констатировать, что положения законодательства, расширившие возможности обращения лиц, отбывающих наказания, в международные организации, оказали определенное влияние на российскую политику в сфере исполнения наказаний и действующее уголовное-исполнительное законодательство.

Основное количество жалоб, направленных в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и принятых к рассмотрению, имеющих отношение к функционированию уголовно-исполнительной системы (УИС), касается условий содержания под стражей, а также отбывания наказания в виде лишения свободы. При этом в решениях ЕСПЧ чаще всего отмечается нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), хотя отсутствуют конкретные признаки оскорбления или унижения осужденных, а речь идет о необеспечении заключенных достаточным личным пространством, то есть о несоблюдении норм жилой площади, невозможности справлять естественные надобности в уединении и т. д. Такое положение связано прежде всего с тем, что, ратифицировав Конвенцию (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ), Российская Федерация признала *ipso facto* (лат. – в силу самого факта) и без

специального соглашения юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней, если предполагаемые нарушения требований этого документа имели место после его вступления в силу в отношении России.

Следовательно, только сам ЕСПЧ может признать в качестве пыточных, унижающих достоинство или бесчеловечного обращения различные страдания или переживания лиц, отбывающих наказания, превышающие неизбежный уровень страданий, присущий лишению свободы, и вызывающие чувства страха, тоски и неполноценности, которые могли их оскорбить и унижить. При этом решения, которые принимает ЕСПЧ, оказывают существенное влияние на уголовно-исполнительную политику и действующее уголовно-исполнительное законодательство. Как известно, если в решении выявляется системная проблема, а также констатируется повторение нарушений, ЕСПЧ не только устанавливает факт конкретного нарушения положений Конвенции, но и формулирует эту проблему в качестве системной, которая не может быть решена без изменений действующего законодательства. При этом ЕСПЧ, определяя необходимость изменения российского законодательства, указывает, что государство может самостоятельно принять решение об изменении существующих национальных средств правовой защиты или о возможности введения новых средств в целях реального повышения их эффективности, а также возмещения вреда, причиненного нарушением. Задачей самого государства является обеспечение соблюдения на практике новых средств правовой защиты.

Остановимся более подробно на критериях оценки и мотивах признания ЕСПЧ российских средств правовой защиты неэффективными с учетом указанного выше пилотного постановления. К основным критериям подобной оценки можно отнести возможность предотвратить то или иное нарушение и возможность предоставления соответствующего нарушению возмещения (компенсации).

Осуществляя оценку российских средств правовой защиты, ЕСПЧ делает следующие выводы:

1. Жалоба в администрацию исправительного учреждения (ИУ). ЕСПЧ не считает, что тюремные власти обладают достаточно независимой позицией, принимая решение по жалобе на условия содержания под стражей, за которые они несут ответственность, они по сути являются судьями в своем собственном деле.

2. Обращение в прокуратуру. Несмотря на то что прокурорский надзор признается в качестве одного из значимых способов обеспечения надлежащих условий содержания под стражей, по мнению ЕСПЧ, подобное обращение не отвечает требованиям эффективного средства правовой защиты в связи с тем, что отсутствует обязанность прокурора лично заслушивать заявителя и осужденный не участвует в последующем разбирательстве по соответствующей проблеме, указанной в жалобе.

3. Обращение к уполномоченному по правам человека. Такое обращение также, по мнению ЕСПЧ, не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты, так как указанный субъект не может выносить решения о возмещении вреда, причиненного нарушением положений Конвенции. Ни Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, ни региональные уполномоченные по правам человека по российскому законодательству не могут вынести решения, имеющие обязательную юридическую силу, которые могли бы улучшить сложившуюся ситуацию, способствовать получению компенсации.

4. Жалобы в суд на нарушения прав и свобод. ЕСПЧ учитывает, что судебное разбирательство, возбужденное в соответствии с гл. 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, обеспечивает надлежащую правовую процедуру и

эффективное участие потерпевшего лица. В подобном разбирательстве суды могут рассматривать жалобу по существу, делать выводы о фактах и назначать возмещение в зависимости от характера и тяжести нарушения. Разбирательство осуществляется тщательно и бесплатно для заявителя. Вынесенное по его итогам решение является обязательным для органа, допустившего нарушение, и может быть принудительно исполнено. ЕСПЧ, считая данное средство правовой защиты доступным и имеющим возможность обеспечить надлежащее возмещение, отмечает, что, чтобы быть эффективным, данное средство правовой защиты должно быть доступным не только в теории, но и на практике. Однако Российское государство – ответчик – пока не представило ни одного судебного решения, свидетельствующего о том, что заявитель мог защитить свои права с использованием этого средства правовой защиты. ЕСПЧ, со своей стороны, не усмотрел примеров успешного использования данного средства правовой защиты в делах об условиях содержания под стражей, которые были им ранее рассмотрены. Средство правовой защиты, не породившее значительный массив прецедентной практики или успешных требований за длительный срок существования, вызывает большие сомнения в его практической эффективности, а также это средство не имеет возможности создания превентивных последствий на практике.

В указанном ранее пилотном постановлении ЕСПЧ сделал вывод о том, что в анализируемый период российская правовая система не предусматривала эффективного средства правовой защиты, которое могло использоваться для предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения и предоставить заявителю адекватное и достаточное возмещение в связи с жалобой на неудовлетворительные условия содержания под стражей. После принятия пилотного постановления был разработан план по его исполнению, в соответствии с которым была предусмотрена разработка проекта федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также переработка ведомственных нормативных правовых актов с учетом рекомендаций ЕСПЧ. В ходе реализации запланированных мероприятий по рекомендациям ЕСПЧ был принят ряд федеральных законов, а также соответствующие ведомственные нормативные правовые акты. Принятие некоторых из них было непосредственно связано с наличием конкретных решений ЕСПЧ, в которых условия содержания под стражей или исполнения наказаний признавались ненадлежащими.

Так, этапы разработки и принятия новой редакции ст. 72 УК РФ свидетельствуют о том, что введение коэффициентов при зачете срока содержания под стражей в общий срок лишения свободы стало способом снижения отрицательного воздействия на лиц, содержащихся под стражей, условий содержания в местах предварительного заключения (так называемая компенсация ненадлежащих условий содержания по оценке ЕСПЧ). В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» в качестве одного из мотивов принятия закона указано, что Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию Rec(99)22 относительно переполненности тюрем и чрезмерного увеличения контингента тюрем, в соответствии с которой в случае назначения судом наказания, не связанного с содержанием осужденного в камере, целесообразно засчитывать время, проведенное в местах содержания под стражей, в срок отбывания наказания с коэффициентом, большим единицы. ЕСПЧ при рассмотрении жалоб осужденных исходит из того, что условия содержания под стражей не должны быть строже условий отбывания назначенного судом уголовного наказания. В связи с этим 3 июля 2018 г. был принят Феде-

ральный закон № 168-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации», призванный компенсировать издержки, возникающие в результате отсутствия в настоящее время возможности для приведения в полном объеме условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в соответствие с международными стандартами. Принятие данного Закона направлено на восстановление прав и законных интересов лиц, осужденных к лишению свободы, нарушенных во время их содержания под стражей.

Изменениями в УК РФ были установлены коэффициенты, в соответствии с которыми срок содержания под стражей в следственных изоляторах засчитывается в общий срок лишения свободы для лиц, отбывающих наказания в различных видах исправительных учреждений. Соответствующие изменения были приняты после вынесения упомянутого выше постановления ЕСПЧ по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» и направлены на то, чтобы отреагировать на довольно распространенную ситуацию, касающуюся ненадлежащих условий содержания под стражей в следственных изоляторах. Коэффициенты исчисления сроков и условия их применения различаются, но в наиболее распространенных случаях они приводят к сокращению срока лишения свободы на общих основаниях на полтора дня за каждый день, проведенный в следственном изоляторе, и на два дня в случае отбывания наказания в колонии-поселении. Данные меры имеют обратную силу. Они оказали значительное влияние: к октябрю 2019 г. срок лишения свободы был сокращен для более 110 000 осужденных либо эти люди уже были освобождены. ЕСПЧ установил, что положения данного Закона не только представляют собой надлежащую форму возмещения ущерба лицам в связи с неудовлетворительными условиями содержания их под стражей, но и способствуют решению проблемы переполненности камер за счет скорейшего освобождения заключенных. Кроме того, ЕСПЧ положительно оценивает то обстоятельство, что сокращение срока лишения свободы применяется в России автоматически ко всем заинтересованным лицам без необходимости доказывания того, что условия содержания под стражей в следственном изоляторе были ниже требуемых стандартов, а также то, что сокращение срока лишения свободы не исключает возможности получения денежной компенсации за те же периоды.

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрен механизм получения лицами, содержащимися под стражей и осужденными, компенсации за нарушение условий содержания под стражей и исполнения наказаний. Этот Закон также был подготовлен в целях реформирования судебных средств правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания под стражей (содержания в исправительных учреждениях) подозреваемых, обвиняемых и осужденных в совершении преступлений.

Статья 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» была дополнена правом подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, на получение денежной компенсации за нарушение условий содержания под стражей. В ст. 17.1 указанного Закона регламентирована процедура обращения. Так, лица, содержащиеся под стражей, имеют право обратиться в суд с административным иском заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение.

В решении ЕСПЧ от 9 апреля 2020 г. по делу «Шмелев и другие против России» (Shmelev and Others v. Russia, 41743/17, 17.03.2020) приведена информация Российской Федерации об изменениях в законодательстве и правоприменительной практике, в ко-

торой были перечислены меры, направленные на сокращение числа случаев ненадлежащих условий содержания под стражей. Принятие Федерального закона, установившего право на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей, названо в качестве нового внутригосударственного средства правовой защиты граждан, и ЕСПЧ признал вводимый им механизм компенсации эффективным внутригосударственным средством защиты от нарушений ст. 3 Конвенции.

При разработке рассматриваемого Закона учитывались стандарты международного права и практики ЕСПЧ, а также опыт нормативно-правового регулирования схожих правоотношений в других странах. Кроме того, учитывалось требование о том, что создаваемое средство правовой защиты должно быть ясным, понятным и доступным, что административное исковое заявление о компенсации должно быть рассмотрено в разумные сроки и компенсация должна быть выплачена сразу после принятия решения о ее присуждении, что процедуры, устанавливающие порядок рассмотрения административных исковых заявлений о компенсации, и принятие по ним решений должны соответствовать требованиям справедливого рассмотрения по смыслу Конвенции. Компенсаторный механизм введен также в отношении нарушения условий содержания в исправительном учреждении. Возможность на обращение в суд получили и осужденные к лишению свободы, отбывающие наказания в исправительных учреждениях.

В последнее время некоторые авторы высказывают мнение относительно преуменьшения значения практики ЕСПЧ, предполагая влияние позиции Конституционного Суда РФ, сформированной в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, где было отмечено, что «правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации» [2, с. 241]. Большой общественный резонанс вызвало обсуждение поправок к Конституции РФ, значительное внимание, в частности, уделялось вопросу приоритета норм международного права. Однако принятые поправки не коснулись ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая провозглашает приоритет норм международного права.

Мы полагаем, что можно говорить о гармонизации российского права с конвенционным, а реализация соответствующих решений ЕСПЧ осуществляется лишь в тех случаях, когда они не противоречат Конституции РФ. Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что международные факторы по-прежнему оказывают существенное влияние на совершенствование национального законодательства в сфере исполнения наказаний, а в отдельных случаях появление новых средств правовой защиты осужденных непосредственно обусловлено требованиями ратифицированных международных правовых актов и решениями международных контрольных органов.

Библиографический список

1. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
2. Комаров С. А., Лаптева И. В., Титенков Д. И. Права человека и правовая инфильтрация норм конвенций и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации : монография / под ред. С. А. Комарова. 2-е изд. М. ; СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), 2015. 296 с.

УДК 343.25(574)

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.205-214

ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ СЛЕПЦОВ,

кандидат юридических наук,

профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказания,
Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева,

г. Костанай, Республика Казахстан,

ORCID 0000-0002-8750-7757,

e-mail: uupik@mail.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Для цитирования

Слепцов, И. В. Смертная казнь по законодательству Республики Казахстан: история и современность / И. В. Слепцов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 205–214. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.205-214.

Аннотация. На основе историко-правовых источников, действующего национального законодательства, результатов проведенных историко-правовых исследований показан генезис института смертной казни в Казахстане. Анализируются положения норм обычного права казахов, касающихся возможности применения смертной казни за различные уголовно-правовые деяния, а также порядок ее замены выкупом (куном). Показан процесс, связанный с отходом от практики достаточно широкого применения данной меры уголовно-правового воздействия до практически полной отмены смертной казни в Республике Казахстан.

Ключевые слова: право на жизнь, смертная казнь, обычное право казахов, кун.

Право на жизнь представляет собой абсолютную ценность мировой цивилизации и образует первооснову всех других прав и свобод, поэтому правомерность либо неправомерность смертной казни как меры наказания человека за преступление является одной из наиболее общественно значимых юридических и этических проблем для государств современного мира [1, с. 5; 2, с. 2; 3, с. 286]. Несмотря на то что среди ученых и общественных деятелей не прекращаются споры в отношении того, имеет ли право на существование такое наказание, как смертная казнь, до сегодняшнего дня нет единого мнения по данной проблеме. Как отмечает В. Е. Квашис, в качестве одной из причин того, что до настоящего времени человечество не пришло к желанной интеграции в этом вопросе, выступает и тот факт, что у каждого народа свое отношение к проблеме смертной

© Слепцов И. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

казни, своя история, своя память, своя боль и, следовательно, различное отношение к ней. Причем, по его мнению, распространенность смертной казни относится к числу явлений, которые дают определенное представление о характере современной цивилизации в целом, но еще в большей мере в отдельных регионах мира и государствах [3, с. 7]. В связи с этим вызывает определенный интерес генезис института смертной казни в Казахстане. Необходимо отметить, что на протяжении исторического развития отношение к ней менялось в зависимости от существующего политического строя, экономической ситуации, общественного мнения и других социальных детерминант.

В истории казахского права ханского периода (XV–XIX вв.) достоверно известен только один законодательный памятник обычного права казахов – «Жеты-Жаргы» (Семь установлений), как предполагают ученые, составленный в конце XVII – начале XVIII в. ханом Тауке (1718 г.). В силу этого в научной литературе «Жеты-Жаргы» также именуется и Уложением Тауке-хана, и законами хана Тауке [4, с. 27; 5, с. 315; 6, с. 127].

К сожалению, до сих пор рукописного варианта «Жеты-Жаргы» не удалось обнаружить. До нас дошли отдельные его отрывки в записях русских ученых, таких как А. Левшин, Г. Спасский, Я. Говердовский и др., опубликованные в XIX – начале XX в. Исследователи, занимавшиеся его изучением, отмечают, что, поскольку оно известно не целиком, а лишь в отрывочных записях-пересказах, зафиксированных на русском языке, а не на языке его авторов, это затрудняет его анализ, так как не отражает точно понятий, бытовавших в то время в казахском обществе [4, с. 28; 5, с. 317; 6, с. 130]. Вместе с тем они указывают на то, что по содержанию «Жеты-Жаргы» объединило в себе значительное число уголовно-правовых норм. Причем, по мнению большинства из них, несмотря на то что правительство Российской империи на основании Положения об управлении Оренбургскими киргизами 1844 г. и изданных позже других законов стремилось ограничить сферу влияния обычного права вплоть до 1917 г., судьи-бии при вынесении своих решений основывались на нормах «Жеты-Жаргы» [4, с. 28; 5, с. 323–324; 6, с. 143, 283; 7, с. 30, 40; 8, с. 88; 9, с. 16].

Необходимо отметить, что рядом исследователей высказывались мнения о том, что нормы обычного права действовали и в первые годы Советской власти. Так, Т. М. Куктелеев писал, что они нашли применение в народных судах до 1922 г., то есть до принятия первого советского Уголовного кодекса [10, с. 106]. В свою очередь, З. Кенжалиев отмечает, что нормы обычного права оставались в той или иной степени официальным источником права в Казахстане до 1925 г. [11, с. 391].

В «Жеты-Жаргы» было предусмотрено 10 мер наказания за деяния, совершенные против личности, имущественных отношений и в области семейно-брачных отношений [6, с. 258; 7, с. 40]. Первое место в обычном праве казахов занимал закон возмездия «кровь мстить кровью, за увечье таким же увечье». У А. Левшина это изложено так: «По сим постановлениям, родственники убитого имеют право лишать жизни убийцу; а отрубивший руку, ногу, ухо и пр. должен быть лишен той же части тела» [5, с. 318].

Как отмечает С. Л. Фукс, смертная казнь за убийство у казахов, как и у других народов, возникла как легализуемая месть родственников убитого убийце и заключалась в «умерщвлении преступника от рук ближних родственников убитого, коим выдают его головою на произвол» [12, с. 109]. Однако смертная казнь предусматривалась не только за убийство, но и за достаточно широкий круг других деяний: похищение и изнасилование женщины, неоднократное воровство скота, грабеж, насилие, прелюбодеяние, кровосмешение и др. [5, с. 318; 6, с. 258; 283; 12, с. 108]. Например, согласно записям Г. Спасского, «воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или

доказан будет четырьмя свидетелями, для страха другим убивали». По А. Левшину, виновный в изнасиловании подвергался смертной казни, кровосмешение также подлежало смертной казни, но в данном случае она могла заменяться наказаниями «по приговору семейства, ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям» [5, с. 318–319, 322].

Смертная казнь применялась по приговору съезда (собрания) биев и старшин, которыми непосредственно руководили хан или султан. Способы приведения приговора о смертной казни были разнообразны: удушение, повешение, растерзание лошаадьми, перерезание горла, побивание камнями, которые исполнялись при массовом стечении народа – «народном собрании». Иногда виновный умерщвлялся ближайшими родственниками убитого «коим выдавали его на произвол». Но во всех случаях существовало правило, требовавшее выдачи сородичам после казни трупа в «исправном состоянии» [6, с. 18, 259, 281–282; 7, с. 41; 12, с. 111].

Так, согласно А. Левшину, «Жеты-Жаргы» предусматривало «богохульника, изобличенного семью свидетелями, должно убивать камнями» [11, с. 319]. С. Л. Фукс на основе изучения архивных материалов и анализа дореволюционной литературы, посвященной описанию жизни казахов, приходит к выводу о том, что в качестве обычного вида смертной казни практиковалось, как правило, «удушение в народном собрании». Так, удушение производилось в собрании старейшин, родоправителей и народа, куда осужденного приводили с петлей на шее. Участники собрания, по 2–3 человека с каждой стороны, затягивали эту петлю, пока не наступала смерть осужденного. В дальнейшем «удушение в народном собрании» сменилось повешением, но чаще всего не на деревьях, а при помощи верблюда. Причем если казнили одного осужденного, то его вешали, «подняв его веревкою на верблюжью шею, которого как погонят, то осужденный принужден скоро удавиться». Если одновременно казнили двух человек (как правило, виновных в прелюбодеянии), то они вдвоем повисали на веревке, перекинутой через горб верблюда.

Еще одним видом смертной казни было «растаскивание дикими лошаадьми», когда к хвосту дикой лошади привязывали труп удушенного в народном собрании или повешенного. Но это была квалифицированная казнь, при которой тело преступника, вместо того чтобы быть выданным сородичам для погребения, подвергалось такому растерзанию [12, с. 110–112].

Однако смертная казнь применялась сравнительно редко, поскольку даже в те времена, когда нравы были, вероятно, более жестокими, чем сейчас, казахи очень широко применяли принцип замены как смертной казни, так и калечащих наказаний и «все преступления наказывались предпочтительно кунами и штрафами». Кун (выкуп) представлял собой имущественное взыскание, которым с согласия потерпевшего или его сородичей могла быть заменена смертная казнь за убийство, тяжкое членовредительство и преступления, приравняемые к убийству (например, изнасилование, прелюбодеяние или похищение женщины), то есть эта была своеобразная плата за кровь и увечья. Уплатой куна виновный или его родственники освобождались от частной мести и дальнейшего законного преследования [6, с. 259–262; 7, с. 38; 12, с. 94, 100].

От куна отличаются все прочие виды уголовных штрафов – «аипы», среди которых наиболее распространенными были «тогуз» (девятикратный штраф) и «аттун» (лошадь и халат). При этом «тогуз» по своему происхождению связан с кражей, так же как «кун» – с убийством. «Аип» назначался в том числе за преступления против личности (кроме убийства и тяжелого телесного повреждения). Однако его размеры в разные времена и в различных частях Казахстана были неодинаковы [6, с. 271; 7, с. 41; 12, с. 100–101].

Относительно размера куна в различных дошедших до нас записях «Жеты-Жаргы» имеются некоторые отличия. В одних указывают абсолютные цифры кунов, в других – лишь минимум и максимум его размера. Так, согласно записям Г. Спасского, «за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника» [5, с. 322]. По А. Левшину, «убийца возвращает себе жизнь, платя кун, то есть отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 500 баранов. Изувечивший или отрубивший другому какой-нибудь член платит равным образом определенное число скота. Большой палец стоит 100 баранов, мизинец – 20 и т. д. Кто убьет султана или ходжу, тот платит родственникам убитого кун за семь человек» [5, с. 318].

Я. Гавердовский указывал, что по закону Тауке-хана кун «устанавливался смотря по знатности и богатству убитого или обиженного от 200 до 1 000 лошадей и пристойное количество прочего имущества» [6, с. 264]. При этом, как отмечает Т. М. Культелеев, точный размер кунов 1000 баранов за рядового человека или 7000 баранов за султана и ходжу фактически в судебной практике не соблюдался. В связи с этим вероятнее всего точный его размер для представителей различных классов, сословий устанавливался по усмотрению суда с учетом многих обстоятельств, влияющих на определение меры наказания [6, с. 264].

Кун мог быть уплачен не только лошадьми и баранами, но и другим скотом. Так, 100 верблюдов равнялись 300 лошадям и 1000 баранов. Допускалась также частичная замена скота девушками из рода убийцы, отдаваемых в жены членам рода убитого и призванных возместить убыль в составе рода, а также пленниками-рабами («ясырь») и ценными вещами [5, с. 320; 12, с. 159]. Т. М. Культелеев отмечает, что если кун за убийство определялся судом в размере 200 лошадей, то из них 100 – обычно заменялись шестью «жаксами», то есть хорошими вещами (два хороших верблюда, два пленника или раба и другие ценные вещи) [6, с. 265].

С. Л. Фукс пишет, что кун высшего разряда состоял из 1000 баранов, соответствующих стоимости 2 девиц; 6 лучших вещей, а именно 2 рабов, 2 одnogорбых верблюдов и 2 хороших лошадей, которые могли быть заменены зверями: лисицей, волком и т. д.; ковра; лошади убийцы; желтого платка – траура для вдовы. Низший разряд куна состоял из тех же вещей, только в несколько меньшем количестве и худшего качества. В дальнейшем часть или полностью кун мог быть отдан деньгами [12, с. 158–159].

Помимо этих двух видов куна, простого (за рядового казаха) и «султанского» (за хана и султана), существовала и еще особая оценка жизни – это жизнь раба. Основываясь на нормах закона Тауке-хана, Т. М. Культелеев и С. Л. Фукс высказывают мнение о том, что в случае убийства раба плата его владельцу равнялась как за причинение смерти охотничьей собаке или беркуту, то есть «хозяин может требовать невольника или невольницу». При этом хозяин за его убийство не нес ответственности, а раб за убийство хозяина, безусловно, подвергался смерти [6, с. 264; 12, с. 85, 163].

«Жеты-Жаргы» предусматривало и особые случаи, связанные с применением смертной казни и куна. Так, родители за убийство своих детей не подлежали никакому наказанию, «но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно прижитого, предается смерти». Муж, убивший свою жену, всегда мог избавиться от казни, заплатив кун в пользу сородичей жены. Но если жена «умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти заплата куна, если родственники не простят ее». Однако из этого правила было исключение. Так, беременные жены за убийство мужей не наказывались, «но навсегда предаются презрению и почитаются безчестными», и никто «ее в замужество не возьмет и в собрания не приемлется».

Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, мог ее безнаказанно убить, «если делает сие тотчас по открытии преступления». Он мог также просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ее соблазнителя. В случае изнасилования виновный мог откупиться от смертной казни, заплатив мужу за жену или родственникам за девицу кун в 200 лошадей. Вместе с тем если он женился на изнасилованной девице, то он освобождался не только от смертной казни или куна, но и от уплаты за нее калыма.

Увезший чужую жену без ее согласия наказывался смертной казнью или взысканием куна, а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель мог удержать ее, заплатив мужу калым и доставив ему сверх того девицу без калыма. В том случае если тело убитого было брошено убийцей в степи, вследствие чего было повреждено зверями или птицами, то такое убийство считалось квалифицированным, поэтому убийца должен был платить полуторный кун и отдать одного верблюда, на котором располагается тело убитого, накрытое ковром, и девку одну в трауре на вороной лошади, которая, ведя того верблюда, отдается родственникам убитого.

К квалифицированному виду убийства относилось и такое, когда убийца долгое время таил свое намерение с целью привести его в исполнение при самых благоприятных условиях. В этом случае родственники платили простой кун, а убийца подвергался смертной казни, а аул его разграблялся. Под аулом в данном случае понимался не весь аул, где проживал убийца, а только его личное хозяйство.

Наказание усиливалось и в том случае, когда оно сопровождалось сокрытием трупа. Так, в 1884 г. на Урджарском съезде биев за убийство с сокрытием трупа подо льдом бии наложили двойной кун в 100 верблюдов. При совершении одновременно воровства и убийства полагалось платить за два преступления. Неумышленное убийство в драке, как и случайное убийство, влекло за собой уплату только половины куна, а нечаянное убийство во время игр или на охоте не наказывалось вообще, однако родные убитого имели право получить на устройство поминок и на саван несколько голов скота [5, с. 319–320; 6, с. 264; 12, с. 72–73, 77, 161–167].

Обязанность уплаты куна лежала на роде-общине в целом и распределялась между всеми ее членами, независимо от состоятельности. При этом, например, при уплате большого куна непосредственно сам убийца отдавал до 50 баранов и одного верблюда, его близкие родственники должны были отдать от 10 до 25 баранов каждый, а дальние – по 1–2 барана [6, с. 268–269; 7, с. 35; 12, с. 79, 81, 96, 164; 13, с. 147]. Поскольку все сородичи платили кун, то они имели право на кун при получении его за убитого сородича. При этом кун состоял из двух частей, одна часть поступала в пользу членов его семьи, родственников, а другая часть предназначалась биям, рассматривающим дело (бийлык), и органам власти – хану, султану (ханлык), эсаулам (эсаулхаклык). Причем первая часть куна также делилась на две части, одна распределялась между всеми сородичами (по 2–3 головы скота на каждые 50 юрт), из другой половины выделялась еще особая часть ближайшим родственникам [6, с. 270; 12, с. 99, 164–165].

Относительно второй части куна, согласно фрагментам «Жеты-Жаргы», «судьям и посредникам за разрешение дела положено давать 10-ю часть всего иска» [5, с. 321]. Однако на практике эта доля составляла значительно больше, хотя и 10-я часть иска представляла для знати немалую имущественную выгоду, исчислявшуюся сотнями баранов или десятками лошадей, например, по каждому рассмотренному делу об убийстве. Это было связано с тем, что распределение получаемого куна не обходилось «без злоупотребления влиятельных лиц» [6, с. 270; 12, с. 165]. Как отмечает М. П. Вяткин, на долю семьи убитого приходилось из 1000 баранов 50–150, то есть 10–15 %

куна, а основная часть его шла в пользу биев и сородичей [14, с. 300–301], причем с неплательщиков хан и султаны взыскивали кун силой [15, с. 91].

С установлением в Казахстане Советской власти и особенно после образования в 1920 г. Киргизской (Казахской) АССР (далее – КАССР) в составе РСФСР начался интенсивный процесс отмены отдельных институтов обычного права казахов как патриархально-родовых пережитков. Так, в 1920 г. Циркуляром НКЮ КАССР были упразднены суды биев, а декретом СНК и ЦИКа КАССР был отменен кун [11, с. 106].

Согласно Декрету об отмене куна и Инструкции по его применению вводился уголовно-правовой запрет на него. Лица, получившие кун, присуждались судом к его конфискации. При этом если в принятии куна участвовал род убитого, то кун взыскивался со всего рода. Насильственное получение куна оценивалось как грабеж, разбой и бандитизм. Вместе с тем в этот период предпринимались попытки легализовать кун. Так, в 1921 г. НКЮ КАССР был подготовлен проект декрета «О внесудебном возмещении ущерба и убытков, вытекающих из убийства», согласно положениям которого допускалось внесудебное и добровольное возмещение членам семьи убитого и его ближайшим родственникам «ущерба и убытков, проистекающих из убийства их кормильца, по сделки и соглашения сторон», но это должно было происходить «с ведома и при участии местных волостных исполкомов или же аульных Советов» [11, с. 107].

Однако этот проект не получил законодательного закрепления, и в дальнейшем, как отмечает У. Джекебаев, «кодификационная деятельность Советского государства, издание первых уголовных кодексов привели к закату уголовного обычного права казахов» [16, с. 74]. В последующем на протяжении всего советского периода политика в отношении смертной казни в Казахстане не отличалась от той, которая проводилась в целом по стране. Необходимо отметить, что, хотя и по Конституции СССР 1936 г. Казахстан «получил статус непосредственного субъекта Союза» в качестве Казахской ССР [17, с. 228], на ее территории до 1960 г. действовал УК РСФСР 1926 г.

В принятом первом национальном уголовном законе – Уголовном кодексе Казахской ССР 1959 г. (УК КазССР), как и в других УК союзных республик, смертная казнь была предусмотрена в качестве исключительной меры и была выведена за рамки системы уголовных наказаний. При этом, например, согласно УК КазССР по состоянию на 1 сентября 1986 г. смертная казнь предусматривалась по 34 составам преступлений. После распада СССР сложившаяся геополитическая обстановка потребовала проведения в Казахстане коренных преобразований и принятия новой законодательной базы. Что касается смертной казни, то Казахстан не отказался от ее применения.

В принятой в 1993 г. первой Конституции Республики Казахстан (далее – Конституция РК) было закреплено, что смертная казнь может быть назначена только в исключительных случаях по приговору суда (ст. 8). В принятой в 1995 г. новой Конституции РК, помимо того что смертная казнь является исключительной мерой наказания, уже в определенной степени конкретизировался круг деяний, за совершение которых она могла применяться, а именно только за «особо тяжкие преступления». Причем в этот период в Казахстане наблюдается тенденция к снижению количества составов преступлений, за которые может применяться смертная казнь.

Так, уже в первые годы независимости была законодательно отменена смертная казнь за автотранспортные преступления, хищения, фальшивомонетничество, нарушения правил о валютных операциях, бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений, изнасилование и получение взятки. В Программе право-

вой реформы, утвержденной Президентом Республики Казахстан (далее – Президент РК) в 1994 г, четко были обозначены перспективы поэтапной отмены смертной казни.

Вместе с тем, по данным организации «Международная амнистия», в 1995 г. Казахстан вошел в число мировых «лидеров» по применению смертной казни, поскольку занял 4-е место после Китая, Саудовской Аравии и Нигерии. В этом году приговор о смертной казни был приведен в исполнение в отношении 101 чел. При этом в тот период в год Комиссия по помилованию при Президенте РК рассматривала до 100 материалов о помиловании в отношении лиц, приговоренных к смертной казни [18].

В 1997 г. принимается УК Республики Казахстан (далее – УК РК 1997 г.), который также предусматривал возможность применения смертной казни. При этом необходимо отметить, что, в отличие от УК КазССР, где смертная казнь была выведена за рамки системы наказаний, в нем она была включена в эту систему. Вместе с тем в УК РК 1997 г., в отличие от УК КазССР, сфера применения смертной казни была значительно сужена. Во-первых, она не могла теперь быть назначена не только лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте и беременным женщинам, но и всем женщинам, а также мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летнего возраста. Во-вторых, достаточно серьезно Кодекс ограничил круг деяний, за которые она могла применяться. Так, смертная казнь могла быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека, а также за совершаемые в военное время или боевой обстановке, государственную измену, преступления против мира и безопасности человечества и особо тяжкие воинские преступления. Это привело к тому, что по сравнению с УК КазССР, который к моменту вступления в законную силу УК РК 1997 г. содержал 27 статей, предусматривающих возможность применения смертной казни, в новом уголовном законе предусматривалась возможность ее применения в санкциях 18 составов. Кроме того, в ч. 4 ст. 49 УК РК 1997 г. содержалось положение о том, что приговор о смертной казни не мог быть приведен в исполнение ранее чем по истечении 1 года с момента вступления его в силу.

Необходимо отметить, что количество смертных приговоров после начала действия нового уголовного закона из года в год уменьшалось. Так, в 1999 г. к смертной казни было приговорено 63 подсудимых, в отношении 40 человек приговоры были приведены в исполнение; в 2000 г. было приговорено 40 человек, в отношении 22 – приговоры приведены в исполнение, а четверо осужденных были помилованы; в 2001 г. было приговорено 39 подсудимых, в отношении 15 – приговоры были исполнены, а двое были помилованы [19]. Причем судами смертная казнь назначалась в основном за убийства двух и более лиц, сопряженные с разбоем, совершенные в составе банды или организованной преступной группы [20].

В 2002 г. была принята Концепция правовой политики Республики Казахстан, в которой было закреплено, что ее современная уголовная политика будет ориентирована на постепенное сужение сферы применения смертной казни, а также на рассмотрение возможности объявления на нее моратория. В рамках реализации этих положений 17 декабря 2003 г. Президентом РК подписывается Указ «О введении в Республике Казахстан моратория на смертную казнь». Однако фактически данным Указом смертная казнь не была отменена, а приостанавливалось исполнение вынесенных ранее или во время его действия судами таких приговоров. Это было связано с тем, что проводимые в то время многочисленные социологические опросы свидетельствовали о том, что большинство населения Казахстана считало преждевременной полную отмену смертной казни. Мнения общества, как считали органы управления государством, нельзя

было не учитывать, поэтому в качестве очередного шага к дальнейшему ограничению применения смертной казни был выбран именно мораторий только на ее исполнение. Вместе с тем данный мораторий вводился до решения вопроса о ее полной отмене. В Указе также говорилось о необходимости решения вопроса о введении в действие с 1 января 2004 г. положений УК РК 1997 г. о наказании в виде пожизненного лишения свободы (ПЛС), что и было сделано Законом Республики Казахстан (далее – Закон РК) от 31 декабря 2003 г. Это наказание стало альтернативой смертной казни. В дальнейшем Законом РК от 10 марта 2004 г. был закреплен правовой статус осужденных, на которых распространялся мораторий.

В период с 1991 г. до введения моратория в Казахстане было приведено в исполнение 536 приговоров о смертной казни, последние из которых в 2003 г. в отношении 12 человек. На момент принятия моратория в Казахстане смертной казни ожидало 26 человек. С введением моратория суды не перестали выносить смертные приговоры вплоть до 2007 г. В этот период к ней было приговорено 5 человек (в 2005 г. – 2, в 2006 г. – 3). Все эти лица были осуждены за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах [21, 22].

В дальнейшем, придерживаясь общепризнанного международного курса, Казахстане проводилась политика поэтапной отмены смертной казни. В связи с этим в целях координации данного вопроса в 2006 г. была создана Межведомственная комиссия по изучению вопроса об отмене смертной казни. В ходе проведения конституционной реформы Законом РК от 21 мая 2007 г. было внесено изменение в п. 2 ст. 15 Конституции РК, которая в новой редакции предусматривала, что смертная казнь может устанавливаться только за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время.

В 2007 г. в Казахстане содержался 31 осужденный, приговоренный к смертной казни, которым Указом Президента РК от 6 декабря 2007 г. она была заменена на ПЛС. В связи с изменением положений Конституции Законом РК от 10 июля 2009 г. в УК РК 1997 г. был значительно сокращен круг составов преступлений, за совершение которых возможно применение смертной казни, а в тех составах, где она осталась, в качестве ее альтернативы была предусмотрена возможность применения ПЛС.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, принятой в 2009 г., также было подчеркнуто продолжение курса на постепенное сужение сферы применения смертной казни. В 2010 г. Казахстан присоединился к группе стран – учредителей Международной комиссии против смертной казни. В 2012–2014 гг. при разработке проекта новой редакции УК РК высказывались мнения о том, что Казахстану нужно полностью отказаться от смертной казни. Однако в УК РК, принятом 3 июля 2014 г., смертная казнь была сохранена, она (как и в последней редакции УК РК 1997 г.) может быть применена только за совершение террористических преступлений, сопряженных с гибелью людей, или за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время. Вместе с тем законодатель снизил до 63 лет возраст мужчин, по достижении которого не назначается смертная казнь.

В 2016 г. Казахстан присоединился к Заявлению Европейского Союза об отмене смертной казни, ставшему в свое время основой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2007 г. «О моратории на применение смертной казни». Вместе с тем в этом же году (2016 г.) межрайонным судом по уголовным делам г. Алматы Р. А. Кулекбаев был приговорен к смертной казни за совершение исходя из своих религиозных убеждений акта терроризма, в результате которого погибло 9 человек, из которых 8 – являлись сотрудниками правоохранительных органов [23].

В декабре 2019 г. Президентом РК было дано поручение Министерству иностранных дел начать процедуру присоединения ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1989 г. В сентябре 2020 г. постоянным представителем Казахстана при ООН он был подписан, но с оговоркой, предусмотренной ст. 2, о том, что Казахстан оставляет за собой право применения смертной казни за особо тяжкие преступления военного характера, совершенные в военное время [24]. В начале 2021 г. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах был ратифицирован, но с такой же оговоркой.

Следовательно, в настоящее время в Казахстане *de jure* смертная казнь полностью не отменена, но *de facto* это произошло, поскольку его международная политика, как указано в Конституции Республики Казахстан (ст. 8), строится на принципах добрососедских отношений между государствами и мирного разрешения международных споров и отказа от применения первой вооруженной силы.

Библиографический список

1. Никонова Н. П. Смертная казнь как вид уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 26 с.
2. Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни / пер. с фр. А. И. Любжина, П. И. Проничева. М. : Праксис, 2003. 272 с.
3. Квашиш В. Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы. М. : Юрайт, 2008. 800 с.
4. Зиманов С. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. С. 8–30.
5. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата : Рауран, 1992. 382 с.
6. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Караганды, 2004. 430 с.
7. Ахметова Н. С. Обычное право казахов и его характерные черты // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. С. 30–43.
8. Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. С. 85–92.
9. Усеров Н. Исследование правового памятника «Жеты-Жаргы» : автореф. дис.... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1977. 25 с.
10. Культелеев Т. М. К истории развития советского уголовного законодательства в Казахстане // Труды третьей сессии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1949. С. 390–397.
11. Кенжалиев З. Институты и нормы обычного права в условиях Советской власти // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. С. 92–119.
12. Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата : Наука, 1981, 224 с.
13. Вяткин М. П. Батыр Срым. М. ; Л., 1947. 392 с.
14. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР: с древнейших времен по 1870 г. М., 1941. 368 с.
15. Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946. 254 с.
16. Джакибаев У. Криминологические аспекты обычая и обычного права // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. С. 72–84.

17. Абиль Е. История государства и права Казахстана. Караганда, 2005. 256 с.
18. Мусин С. Смертная кара. URL : <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 18.04.2011).
19. Рот В. Исключительной мере есть альтернатива. URL : <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 14.05. 2002).
20. Жумабаев Е. Смертная казнь: признаки, исторические аспекты, современное состояние, ее отмена как механизм усиления защиты прав человека. URL : <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 02.04.2012).
21. 15 интересных фактов о смертной казни в РК. URL : <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 02.11. 2016).
22. Смертный приговор «алматинскому стрелку» стал первым в Казахстане за 10 лет. URL: <http://www.interfax.ru> (дата обращения: 01.02.2021).
23. К смертной казни приговорили Руслана Кулекбаева. URL : <http://www.tengrinews.kz> (дата обращения: 01.02.2021).
24. Языкова Т. Мажилис одобрил ратификацию Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни. URL : <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 23.12.2020).

УДК 343.8(476)

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.215-220

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА ТЕРЕЩЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия МВД Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: tati2034@yandex.ru

ОБ ОЦЕНКАХ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Для цитирования

Терещенко, Т. Г. Об оценках коррупционных рисков в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь / Т. Г. Терещенко // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 215–220. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.215-220.

Аннотация. В статье раскрывается понятие коррупционных рисков в контексте их содержания, системы мер (процедуры) по выявлению таковых рисков (идентификации) и вероятности (возможности) совершения коррупционных преступлений и правонарушений коррупционного свойства. С учетом возможности совершения общественно опасных посягательств, причинения вреда общественно опасными действиями, в том числе в контексте коррупционных правоотношений, для каждого государства в рамках реализации антикоррупционной политики важно оценить возможность и вероятность возникновения коррупционных рисков, включая уголовно-исполнительную систему. Целесообразно адекватно оценивать сложившуюся криминологическую ситуацию с позиции ее безопасности, принимать меры по недопущению криминализации (вторичной криминализации) отдельных сфер жизнедеятельности общества, вовлечения в процесс криминализации лиц, являющихся государственными служащими, лиц, приравненных к государственным служащим, иностранных должностных лиц. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что с целью формирования единого подхода к обеспечению работы по проведению оценки коррупционных рисков необходимо ввести в органы и учреждения уголовно-исполнительной системы алгоритм по выявлению и оценке коррупционных рисков, их нивелирования с учетом складывающейся ситуации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, коррупция, риски коррупционного характера.

© Терещенко Т. Г., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Коррупция как негативное социальное и правовое явление проникает во все сферы жизнедеятельности. Справедливо отмечено экспертами Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК), что «...коррупция подрывает демократические институты, замедляет экономическое развитие и способствует нестабильности правительства. Коррупция наносит ущерб основам демократических институтов, искажая избирательные процессы, извращая верховенство закона и создавая бюрократию» [1]. В каждом правовом государстве выстраивается адекватная система мер противодействия данному явлению, которая включает в себя не только наличие превентивных мер, но и деятельность уполномоченных субъектов, функционирование соответствующего отраслевого законодательства. Таким образом реализуется антикоррупционная политика государства. С учетом того что коррупция проникает во все сферы жизни человека, изменяя и причиняя вред общественным отношениям, то с отрицательным уклоном она может сказаться на эффективности и результативности уголовно-исполнительной системы государства, причем коррупция влияет как на деятельность отдельных подразделений и служб, так и на работников (сотрудников) учреждений.

Отметим, что с учетом Порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях, утвержденного совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274, в Республике Беларусь учтено 1806 коррупционных преступлений (в 2019 г. – 2363, или 23,6 %). Их удельный вес в общем количестве преступлений составил 1,9 %. Наряду с существенным снижением числа коррупционных преступлений в республике уменьшилось и количество привлеченных к уголовной ответственности коррумпированных лиц – 791 (1087 в 2019 г.). В целом уменьшилось число случаев взяточничества, хищений имущества, злоупотребления властью или служебными полномочиями, превышения власти или служебных полномочий, бездействия должностных лиц. При этом, по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в своем большинстве коррупционные преступления распространены в сфере промышленности, торговли и государственного управления (810 случаев).

Однако уменьшение доли коррупционных преступлений не исключает вероятности их включения в сферу латентной преступности, сращивания с иными видами уголовно-правовых деяний. В связи с этим предупреждение негативного воздействия может осуществляться мерами правового, экономического, социального и этического характера. Представляется актуальным определить потенциальные и реальные коррупционные риски для целенаправленного воздействия на них и превентивного устранения в деятельности УИС.

Прежде чем освещать вопросы понятия и сущности рисков коррупционного свойства, стоит отметить, что данное направление деятельности связано с процессом реформирования государственной службы как одного из важных этапов в системе мер противодействия коррупции. Обращаясь к европейскому опыту реформирования государственной службы, обратим внимание на предложения, выработанные Организацией экономического сотрудничества и содействия (ОЭСР), которые именуются как *структура обеспечения профессиональной честности*. Ее ключевыми компонентами являются такие блоки, как:

- определение и установление профессиональной честности;
- руководство;

- мониторинг;
- обеспечение соблюдения [2].

Каждый блок включает в себя несколько направлений. В первом блоке «Определение и установление профессиональной честности» рекомендовано обратить внимание на анализ коррупционных рисков, наличие и использование кодексов поведения, а также разработанность механизма разрешения конфликта интересов. Все эти элементы связаны между собой.

Остановимся на понятии, содержании и механизме преодоления рисков коррупционного характера, в том числе в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь. Следует отметить, что понятие коррупционных рисков не содержится в национальном законодательстве, хотя используется в содержании нормативных правовых актов (например, в Типовом положении о комиссии по противодействию коррупции, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732, с последующими изменениями и дополнениями).

В законодательстве Российской Федерации также можно увидеть применение данного термина. Схожие понятия встречаются и в локальных ведомственных актах (Следственного комитета Российской Федерации, Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок и т. п.) [3].

В законодательстве зарубежных стран также есть легальное определение исследуемого понятия. Например, Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. «О противодействии коррупции» определяет коррупционный риск как возможность возникновения причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений.

Неофициальное толкование исследуемого понятия дается в докладе «Оценка коррупционных рисков в проектах законов, изменяющих действующее законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов», подготовленном Центром антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency international – R». В частности, эксперты понимают под коррупционными рисками проявления коррупционных явлений и (или) возникновения коррупционных ситуаций [4].

Научное сообщество также стремится урегулировать общественные отношения в данной сфере, предлагая доктринальное толкование понятия. Например, В. В. Астанин определяет коррупционные риски как обстоятельства, способствующие совершению коррупционных преступлений. Автор обнаруживает риски и в плоскости несоблюдения установленных законодательством запретов, связанных с государственной службой, и при осуществлении своей профессиональной деятельности [5, с. 55]. В то же время другой известный российский исследователь коррупции Г. А. Сатаров определяет коррупционный риск как шанс оказаться в коррупционной ситуации, войдя в контакт с должностными лицами. Риск коррупции – это оценка вероятности того, что респондент, попадая в определенную ситуацию (например, требуется срочное разрешение на проведение строительства), окажется в условиях коррупционной сделки [6, с. 98–99].

Белорусский исследователь коррупции А. М. Клим предлагает законодательно урегулировать рассматриваемое понятие и понимает под коррупционными рисками содержащиеся в системе управления (вне зависимости от формы собственности) потенциальные возможности для действий или бездействия должностных лиц с целью незаконного извлечения материальной или иной выгоды при выполнении ими своих должностных полномочий и наступления неблагоприятных последствий, вызванных коррупционными правонарушениями [7]. Вместе с тем и обстоятельства, и факторы, и явления, возникающие в процессе функционирования организации (департамента, управления, отдела, от-

деления) и осуществления служебной деятельности сотрудников, создающих ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения, и вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими, также могут расцениваться как коррупционные риски. В связи с этим можно согласиться с тем, что неоднозначное толкование нормы не способствует однозначному его пониманию субъектами права [7], что предопределяет внесение изменений в действующее законодательство, например в Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», путем легального толкования понятия «коррупционный риск».

Оценка коррупционных рисков позволяет установить те направления в деятельности учреждения (органа, отдела, отделения), при реализации которых высока вероятность совершения правонарушений коррупционного характера или коррупционных преступлений. Традиционно рискованными продолжают оставаться сферы государственных закупок, реализации административных процедур, принятия управленческих решений (например, назначение на должности, премирование, применения мер дисциплинарной практики). Где имеет место единоначальное усмотрение, риск коррупционного характера возрастает многократно. Прослеживается логическая цепочка, которая определяется как наличие риска коррупционного характера, из чего следует совершение коррупционного правонарушения.

На наш взгляд, процедура оценки рисков коррупционного характера может состоять из нескольких этапов:

- определение видов коррупциогенно опасных функций (видов деятельности);
- определение должностей с повышенным уровнем рисков коррупционного характера;
- идентификация ситуаций, связанных с коррупционными рисками;
- составление карты рисков коррупционного характера в учреждении (департаменте, отделе и т. п.);
- организация и проведение мероприятий по управлению коррупционными рисками;
- рассмотрение вопросов, связанных с проведением оценки коррупционных рисков (не реже 1 раза в год).

Составление перечня коррупционно опасных функций определяется посредством выделения тех направлений деятельности, при реализации которых могут возникнуть предпосылки для возникновения коррупции. Традиционно к рискам коррупционного характера относят реализацию функций по контролю и надзору, управлению государственным имуществом, осуществлению административных процедур, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, а также разрешительные функции. В деятельности органов и учреждений, подчиненных Департаменту исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, весь спектр указанных функций присутствует (например, осуществление закупок оборудования, контроль и надзор при исполнении наказаний, продажа имущества, распределение материальных ресурсов).

Информация о том, что при реализации той или иной функции возникают коррупционные риски, может быть получена в рамках заседаний ведомственных комиссий (коллегий); при рассмотрении обращений различных категорий лиц; путем вынесения представлений компетентными органами (в том числе по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений). Информация о выявлении таковых функций может храниться в кадровом подразделении учреждений, и сведения о предотвращении рисков в этой сфере должны быть размещены в соответствующем отчете подразделения (например, по итогам месяца, полугодия, года).

После определения функций с наличием рисков коррупционного свойства устанавливаются должности в учреждении, которые связаны с высоким коррупционным риском. Указанные должности определяются с учетом степени свободы принятия решений, вызванной спецификой служебной деятельности, интенсивностью контактов с гражданами и организациями, возможностью путем единоначального усмотрения принимать юридически значимые решения (например, начальник отдела, группы). Перечень таких должностей должен быть закреплен в соответствующем приказе и храниться в отделе кадров подразделения, отчетность осуществляется также периодически.

Идентификация (сравнение) типовых ситуаций, возникающих при реализации коррупционно опасных функций, проводится с учетом информации, поступившей из различного рода источников, включая обращения и заявления граждан, правозащитных организаций, результаты служебных проверок, проводимых инспекцией по личному составу, и т. п. Выявленные ситуации, события, факторы вносятся в карту рисков с указанием возможных мер по предотвращению их возникновения. Карта коррупционных рисков должна разрабатываться должностным лицом, ответственным за профилактику коррупционных правонарушений в учреждении в соответствии с установленной формой, и утверждаться руководителем учреждения. В нее должны вноситься сведения о типовых возможных ситуациях коррупционного свойства (функций), перечень должностей с риском коррупционного характера, идентификацией рисков и методами их разрешения.

Проведение мероприятий по управлению коррупционными рисками направлено на минимизацию и недопущение проникновения коррупции в структуры органов (учреждений, отделов и т. п.). По своему содержанию мероприятия подразделяются:

- на правовые – разработка и принятие локальных ведомственных актов в УИС;
- организационные – изменение порядка исполнения функций, содержащихся в перечне коррупционно опасных; антикоррупционное обучение, просвещение и переподготовка работников, замещающих должности в учреждении; создание форм отчетности по результатам принятых решений (например, ежегодный отчет о деятельности, о реализации программы); внедрение систем электронного взаимодействия с гражданами и организациями; осуществление внутреннего контроля за исполнением работниками учреждения своих обязанностей (проверочные мероприятия на основании поступившей информации о проявлениях коррупции); вневедомственный контроль; регламентация сроков и порядка реализации процессов с повышенным уровнем коррупционной уязвимости; использование видео- и звукозаписывающих устройств в местах приема граждан и представителей организаций, а также иные меры.

Рассмотрение вопросов, связанных с проведением оценки коррупционных рисков, осуществляется периодически как в плановом, так и в неплановом порядке (например, с учетом ухудшения криминогенной ситуации в подразделении). Предлагаются конкретные меры, направленные на устранение реальных и потенциальных рисков, внедряются меры превентивного характера.

Таким образом, процедура оценки рисков в уголовно-исполнительной системе состоит из нескольких этапов: от определения коррупционно опасных функций, видов должностей до разработки мер по управлению рисками. Эффективность процессов по минимизации возникновения рисков коррупционного свойства влияет на продуктивность работы всей уголовно-исполнительной системы по реализации целей уголовной ответственности.

Библиографический список

1. *UN Office on Drugs and Crime*, viewed 15 January 2021, <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/education.html>.
2. *Specialised Anti-Corruption Institutions, Review of models, Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia*, viewed 15 January 2021, <https://www.oecd.org/corruption/acn/39971975.pdf>.
3. Методика оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций Следственного комитета Российской Федерации. URL : <http://kchr.sledcom.ru/folder/858704/item/858709> (дата обращения: 10.01.2021).
4. Оценка коррупционных рисков в проектах законов, изменяющих действующее законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов : доклад. М. : Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р», 2011. 5 с.
5. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2014. 255 с.
6. Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М. : Фонд ИНДЕМ, 2008. 280 с.
7. Клим А. М. Коррупционные риски: понятие, сущность, классификация // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1(39). С. 7–11.

УДК 343.9(4/9)

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.221-226

ЛИНАР РИНАТОВИЧ ХАБИБУЛЛИН,

адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: linar-7771@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАССОВЫМ БЕСПОРЯДКАМ

Для цитирования

Хабибуллин, Л. Р. Зарубежные концепции уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам / Л. Р. Хабибуллин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 221–226. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.221-226.

Аннотация. В современном мире наблюдается устойчивый рост числа организованных протестных акций. В представленной статье проведено исследование зарубежных концепций уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам. Рассмотрена эволюция организованной протестной деятельности за последние десять лет. Изучение уголовного законодательства стран континентальной Европы (Федеративная Республика Германия, Французская Республика), а также государств, расположенных на территории постсоветского пространства (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Украина), позволило продемонстрировать развитие национальных концепций в исследуемой области. Проанализированы их сходства и отличия, отмечен положительный опыт, на основе которых предложены направления повышения эффективности уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Ключевые слова: безопасность, противодействие преступности, массовые беспорядки, общество, государство, концепция.

Современная цивилизация в последнее десятилетие столкнулась с распространением ненормального, но характеризующегося очередным этапом развития противоправного социально-политического феномена – массовых беспорядков. Их формат и методики, используемые для посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, требуют не только пересмотра характера и степени общественной опасности исследуемого криминально-делинквентного поведения, но и поиска новых, более эффективных инструментов уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам и иным деяниям, сопряженным с ними.

© Хабибуллин Л. Р., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Изложенное подтверждается событиями, происходящими как в России, так и за ее пределами. Продемонстрируем несколько примеров. В 2010 г. в Киргизии была организована «Дынная революция». Ее причиной стала сложная экономическая ситуация в стране, усугубившаяся ростом цен на коммунальные услуги, что усилило раскол в правящей элите и вылилось в акции народного недовольства. Коррупция и низкое социальное обеспечение населения были основными условиями массовых беспорядков в Индии в 2011 и 2016 гг. В 2012 г. массовые митинги прошли в Румынии. Причины схожи – снижение зарплат, повышение налогов, расширение платной медицины. Социально-экономические детерминанты вылились в групповые митинги в Бразилии в 2013 г. Их результат – это отставка правительства и объявление импичмента президенту. 2014 г. известен протестной акцией в Украине. Главная причина недовольства – отказ правительства от подписания соглашения с Евросоюзом. В результате президент В. Янукович покинул стану и власть перешла к Верховной Раде. В 2015 г. в Армении экономические условия повлекли за собой массовые акции протеста. Массовые беспорядки в Южной Корее привели к импичменту президента. Главной их детерминантой стал коррупционный скандал в семье лидера станы. Похожие акции прошли в 2018 г. в Армении и Иране, в 2019 г. – в Венесуэле и Алжире [1]. Все эти события в своем большинстве заканчивались сменой власти.

Традиционно такие акции связаны с нарастающими социальными, экономическими и политическими кризисами. В настоящее время с учетом перехода исследуемой протестной деятельности на международный уровень, что подтверждается интернациональным характером ее участников, активно пропагандирующих свою взгляды в телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, в доктрине выдвигаются версии о том, что массовые беспорядки используются как инструмент изменения существующего сегодня миропорядка [2]. Ввиду того что это недопустимо, остро стоит вопрос о противодействии таким формам преступно-девиантного поведения. Одним из главных инструментов в этой области, безусловно, должно выступать уголовное законодательство, взявшее под охрану наиболее значимые ценности, неотъемлемым элементом которых, наравне с интересами личности, выступает общественная и государственная безопасность. Это фактически наблюдается в рамках модернизации уголовной политики Российской Федерации [3], в том числе в смежной области – противодействии экстремизму [4]. Однако, с нашей точки зрения, добиться более значимого прогресса в борьбе с противоправными массовыми акциями можно только сообща. В связи с этим изучение положительного опыта зарубежных стран может стать основой выработки эффективных унифицированных приемов уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Остановимся на изучении уголовного законодательства стран дальнего и ближнего зарубежья в целях демонстрации общемировой стратегии рассматриваемой области. Исследуя законодательство континентальной Европы, обратим внимание на подходы, имеющиеся в Федеративной Республике Германия. Система изучаемых деяний сконцентрирована в разд. 7 «Преступления против общественного порядка» УК ФРГ. В § 124 УК ФРГ закреплена ответственность за «серьезное вторжение» (Schwerer Hausfriedensbruch). Конструктивными признаками этого преступления выступают: массовость, публичность, цель (намерение) – применение насилия и причинение вреда отношениям собственности. Сравнивая выделенную общественно опасную форму поведения с групповыми погромами и массовыми беспорядками, отметим следующее. Состав сконструирован по типу формального и предполагает в качестве еще одного обязательного условия не-

законное проникновение в жилище или иное помещение. С учетом того что, совершая такой акт, виновные посягают сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны, излишне гуманной видится санкционная политика. В частности, наказание в анализируемой статье предусматривает лишение свободы до двух лет или штраф.

Параграф 125 УК ФРГ также демонстрирует стратегию германского законодательства в рассматриваемой области, отдельно криминализовав «нарушение общественного порядка» (Landfriedensbruch). В анализируемом составе преступления отличительными признаками выступают: применение насилия или угроза его применения; массовость; цель – посягательство на общественную безопасность; подстрекательство к такой противоправной деятельности. Конструируя данный состав по типу усеченного, в отличие от § 124 УК ФРГ, законодатель установил более жесткую ответственность за его совершение и предусмотрел наказание до трех лет лишения свободы или штраф. Параграф 125а УК ФРГ закрепляет отягчающие признаки преступления, указанного в § 125: наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия; применение насилия, опасного для жизни или здоровья; причинение значительного имущественного ущерба [5].

Особенностью германского законодательства выступает отсутствие дифференциации ответственности для организаторов и исполнителей отмеченных преступлений. Размер санкций зависит от установления отягчающих признаков и объекта посягательства [6]. Сравнивая законодательство Германии и России в изучаемом секторе правового регулирования, подчеркнем, что оно имеет сходство и отличия. Тождественность подходов видится в схожести непосредственных объектов массовых беспорядков и иных деяний, сопряженных с ними, а также в количественных и качественных характеристиках таких групповых деяний. Существенные отличия прослеживаются как в дифференциации ответственности участников таких массовых акций, так и в их наказуемости. Полагаем также, что глубокое разграничение субъектного состава, продемонстрированное в ст. 212 УК РФ, и отнесение деяний, в ней закрепленных, к более общественно опасным формам поведения, повышают уровень превенции и способствуют усилению эффекта уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Интересным видится позиция французского законодателя в исследуемой области. Во-первых, привлекает внимание место расположения норм, устанавливающих ответственность за массовые беспорядки, в структуре УК Франции. В отличие от России, они отражены в разд. III «О посягательствах на государственную власть», что меняет подход к определению объектов этого деяния. В качестве родового объекта выступают интересы государственной власти, а видового – общественная безопасность (отдел II «О противоправном участии в сборище»). При этом противодействию рассматриваемой группе преступлений посвящен целый отдел УК Франции. Уголовно-правовое понятие и признаки «сборища», именно так именуются массовые беспорядки во Франции, закреплены в ст. 431-3 УК Франции. К юридически значимым характеристикам отнесены количественно неопределенный состав; место совершения общественно опасного деяния. Преступным является не сам факт скопления людей по причине создания угрозы для общественного порядка, а непрекращение такой протестной деятельности после двукратного предупреждения со стороны уполномоченных на то представителей государственных органов о недопустимости такой формы поведения. Дифференциация ответственности зависит от наличия или отсутствия оружия у субъекта сборища.

В ст. 431-6 УК Франции криминализовано провоцирование вооруженного сборища, выраженное в публичной агитации к участию в нем или ее распространении любым иным способом. Данный юридико-технический прием, с нашей точки зрения, заслуживает

особого внимания, так как формирует ответственность за подстрекательские действия. Пресечение рассматриваемых форм преступного поведения на более ранних стадиях несет громадный позитивный предупредительный эффект. Невозможность склонения к участию общественных масс в сборищах путем введения соответствующего уголовно-правового запрета выступает в качестве эффективной превентивной меры. Интересным видится также механизм ужесточения ответственности в зависимости от достижения преступного результата рассматриваемой пропагандистской деятельности. Так, если за сам факт пропаганды наказание не может превышать одного года лишения свободы и штрафа в размере 100 000 франков, то в случае, если такая деятельность привела к сборищу, наказание увеличивается до семи лет тюремного заключения и 700 000 франков штрафа.

Своя стратегия противодействия массовым беспорядкам имеется и на площадке постсоветского пространства. Свои зачатки она находит в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., где в разделе «Преступления против порядка управления» впервые было закреплено преступление под названием «массовые беспорядки» [7]. Общие идеи борьбы с рассматриваемым деянием, на отмеченной территории, отражены в Модельном уголовном кодексе [8]. В частности, его признаки закреплены в ст. 186 Модельного кодекса. Место расположения этой нормы традиционно для российского уголовного законодательства. Она включена в гл. 23 «Преступления против общественной безопасности». Как и в ранее проанализированном зарубежном законодательстве, указанная статья, в отличие от действующей ст. 212 УК РФ, не дифференцировала уровень ответственности субъектов в зависимости от выполняемой роли. Это стало причиной поляризации подходов к формированию соответствующих уголовно-правовых инструментов. Ряд государств пошли по пути ее более глубокой дифференциации [9]. Российская Федерация стала преемником именно этого способа. Другие использовали подход, предложенный в Модельном кодексе, что, с нашей точки зрения, оспоримо по причине существенного изменения содержания угроз, исходящих от современного формата массовой протестной деятельности, фактически обладающей транснациональными признаками.

Остались и общие подходы. В первую очередь они коснулись характеристик объекта преступления, страдающего или ставящегося под угрозу причинения вреда от массовых беспорядков. В качестве такового определяется общественная безопасность (УК Азербайджанской Республики, УК Республики Армения, УК Республики Беларусь и т. д.).

Вместе с тем следует назвать некоторые отличительные черты, которые могут быть использованы в рамках дальнейшего совершенствования исследуемого уголовно-правового института. В частности, интересным видится опыт, сформированный в Республике Армения. В ч. 3 ст. 225 УК Армении установлен особо отягчающий признак, охватывающий умышленное причинение смерти человеку, совершенное в рамках массовых беспорядков. Считаю данную идею верной, так как потерпевший в этом случае выступает лишь как инструмент достижения криминальных целей и его индивидуально-личностные характеристики не имеют никакого значения для субъекта преступления. Схожий прием реализован и в УК РФ, но не в ст. 212, а в ст. 205. Эта позиция находит все более активную поддержку и среди представителей научного сообщества.

В уголовном законодательстве Украины также есть свои отличительные черты. В частности, в ст. 294 УК Украины к альтернативным криминообразующим признакам массовых беспорядков отнесены: захват зданий или сооружений, насильственное выселение граждан. Представленный юридико-технический прием также заслуживает

внимания. Как показывает практика, совместная протестная деятельность достаточно часто сопряжена с отмеченными формами противоправного поведения, что должно быть учтено в процессе модернизации общемировой стратегии противодействия массовым беспорядкам.

Таким образом, в мировой практике сформировано множество подходов, демонстрирующих современную стратегию противодействия массовым беспорядкам и деяниям, с ними сопряженным. Сходством является отсутствие законодательно закрепленного понятия «массовые беспорядки», а также четкого определения как минимальных, так и максимальных количественных характеристик участников групповых преступных акций. Вместе с тем дисбаланс наблюдается в характеристике родовых и видовых объектов исследуемого деяния, а также в реализуемой в отдельных государствах санкционной политике. Наиболее значимой отличительной чертой российского уголовного законодательства в рассматриваемой области является более глубокое разграничение ответственности участников массовых беспорядков в зависимости от выполняемой роли.

Понимая, что уголовное законодательство и далее будет развиваться в области совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия массовым беспорядкам, полагаем, что особый акцент необходимо сделать на пресечении подготовительных стадий такой криминальной деятельности. В частности, возможно использование апробированного положительного опыта Франции и России в части установления ответственности за провоцирование массовых беспорядков в публичных выступлениях, а также распространения агитационных материалов любыми способами. Однако их широчайшее присутствие в телекоммуникационных сетях требует, по нашему мнению, еще большей ее дифференциации, возможно, путем включения в ч. 3 ст. 212 УК РФ пункта «а»: «...с использованием телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Зарубежные партнеры должны обратить внимание на прием, реализованный в ч. 4 ст. 212 УК РФ, установивший ответственность за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков или участия в них. Конечно, требуют пересмотра имеющиеся подходы к квалификации убийств, совершенных в процессе осуществления массовых беспорядков. Жизнь в данном случае – это лишь средство достижения криминальных целей. В связи с этим необходимо рассматривать общественные отношения, ее обеспечивающие, не как основной, а как факультативный объект посягательства. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за криминальную протестную деятельность, должны включать в себя особо отягчающий признак, охватывающий причинение смерти. Полагаем, что только такими слаженными, однотипными усилиями возможно снизить активную фазу криминальной протестной деятельности, вышедшей на транснациональный уровень.

Библиографический список

1. Чиквин А. Десятилетие протеста: как судьбы стран решались на площадях и почему акции народного недовольства только разрастаются // TJ – блогплатформа. 2019. 26 дек. URL : <https://tjournal.ru/analysis/131383-desyatiletie-protesta-kak-sudby-stran-reshalis-na-ploshchadyah-i-pochemu-akcii-narodnogo-nedovolstva-tolko-razrastayutsya> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Протесты в России и мире: коррупция, неравенство, свобода и климат // BBC News Русская служба. 2019. 25 окт. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-50170867> (дата обращения: 20.01.2021).

3. Петрянин А. В., Черных Е. Е., Кузьменко В. С. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2(26). С. 159–164.

4. Петрянин А. В. Уголовная политика Российской Федерации в области противодействия экстремизму // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2015. № 1. С. 245–250.

5. Векленко С. В., Якунин А. И. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1(3). С. 23–29.

6. Багмет А. М. Уголовно-правовое противодействие массовым беспорядкам за рубежом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 7(26). С. 82–85.

7. Полонский М. А. О дифференциации уголовной ответственности субъектов массовых беспорядков в законодательстве Кыргызской Республики, стран СНГ и Балтии // Современная наука. 2010. № 1(1). С. 52–57.

8. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.

9. Алимпиев А. А. Сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств и ближнего зарубежья // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 51–56.

УДК 343.265

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.227-233

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ,

доктор юридических наук, доцент,

главный научный сотрудник (по социологическим исследованиям)

научно-исследовательского отдела,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: akskrf@yandex.ru

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ РУСЛАНА РАФИКОВИЧА ХАЛИЛОВА
«МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПОощРЕНИЯ
ПОЗИТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (КАЗАНЬ, 2020. 222 С.)**

Для цитирования

Санташов, А. Л. Отзыв официального оппонента на диссертацию Руслана Рафиковича Халилова «Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Казань, 2020. 222 с.) / А. Л. Санташов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 227–233. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.227-233.

Аннотация. В статье представлен отзыв официального оппонента на диссертацию Руслана Рафиковича Халилова «Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы». Диссертация выполнена на кафедре уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета. Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета доктор юридических наук, профессор Ф. Р. Сундуков. Диссертация защищена 25 февраля 2021 г. на заседании диссертационного совета КФУ.12.02 № 01-03/676, созданного на базе Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор статьи делает вывод о том, что диссертация Р. Р. Халилова соответствует тре-

© Санташов А. Л., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

бованиям, предъявляемым к работам такого рода, и представляет собой логически завершенное исследование в области юридических наук. Вместе с тем указаны отдельные предложения по дальнейшему углублению исследования, которые ничуть не умаляют достоинств самого диссертационного исследования и не влияют на его общую положительную оценку.

Ключевые слова: диссертационное исследование, уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право, меры поощрения в уголовном праве, осужденные к лишению свободы.

Одним из основных направлений современной уголовной политики Российской Федерации является снижение числа осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе путем расширения оснований применения их условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания. В связи с этим актуальность диссертационного исследования Р. Р. Халилова предопределяется научной и практической значимостью избранной темы, а также целевой направленностью исследования на выработку рекомендаций по совершенствованию действующих Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации (УК РФ, УИК РФ) в области регламентации мер уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы. Своевременность обращения к указанной тематике обусловлена отсутствием в национальной доктрине уголовного права системно-сквозных монографических и диссертационных работ, в которых был бы представлен комплексный подход к вопросам, освещающим особенности применения в отношении осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, возможных мер уголовно-правового поощрения.

Диссертация Р. Р. Халилова, посвященная важной в научном и социально-практическом плане проблеме, является комплексным научно-прикладным исследованием, выполненном на междисциплинарном уровне (с использованием общих и частных научных методов исследования, достижений криминологии, социологии, психологии, педагогики). В представленной работе автором используется синтезированный подход. По этой причине в качестве предмета исследования им избраны нормы конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, относящиеся к объекту исследования, в том числе те, которые утратили юридическую силу; нормы зарубежного законодательства и международного права об обращении с осужденными, разъяснения пленума Верховного Суда Российской Федерации, материалы судебной и пенитенциарной практики, официальные статистические данные, результаты социологического исследования [1, с. 7–8]. Данная тематика исследована в науке недостаточно, что влечет за собой несовершенство правового регулирования, формализм при исполнении норм законодательства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; нарушения прав и свобод осужденных при его применении. В силу этого тема диссертации соответствует приоритетным и востребованным практикой исследованиям в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

Необходимо с положительной стороны отметить избранный автором методологический подход – использованы общие и специальные методы научного исследования [1, с. 9]; четкое и оптимальное структурирование работы; план построен логично и ох-

ватывает все основные вопросы темы; последовательность изложения материала. Все это позволило обеспечить комплексный характер работы, полноту исследования проблемы, достижение цели и решение поставленных задач. Работа отличается научным стилем и при этом доступностью изложения материала.

Научная новизна исследования определяется поставленными целями и задачами в отношении процессов, наблюдаемых сегодня в уголовно-исполнительной системе и не получивших комплексного научного изучения. В качестве основной цели диссертационной работы поставлено решение важной теоретической и прикладной проблемы – формулирование концептуального представления о мерах уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы, и обоснование предложений по оптимизации законодательного регулирования и реализации их в уголовно-исполнительной и судебной практике [1, с. 8]. Для ее достижения автор представил достаточно обстоятельное и комплексное научное исследование вопросов правовой регламентации различных видов мер уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы, в отраслях криминального цикла (уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве).

В ходе проведенного исследования автором успешно решены, в частности, следующие задачи: раскрыт стимулирующий характер мер поощрения в уголовном праве; определены нравственные основы и показано социальное значение мер поощрения в уголовном праве; выявлены особенности поощрительных уголовно-правовых норм; рассмотрены поощрительные санкции и проведена классификация мер поощрения в уголовном праве; показаны особенности законодательной регламентации мер уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных как комплексного межотраслевого субинститута освобождения от наказания в УК РФ и УИК РФ; выявлен характер регулирования указанных мер по уголовному законодательству зарубежных государств; установлена юридическая природа, предпосылки и основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания с учетом новейших изменений в законодательстве; выявлены закономерности практики применения этих мер поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы; выработаны и обоснованы предложения по совершенствованию некоторых норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих условно-досрочное освобождение и замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания осужденным, отбывающим лишение свободы [1, с. 8–9].

По своей структуре диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, степень разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, его методологическая основа, теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту [1, с. 4–16].

В первой главе раскрываются теоретические проблемы поощрения позитивного поведения в уголовном праве [1, с. 17–67]. Это свидетельствует о серьезной методологической основе диссертации. Так, Р. Р. Халилов рассматривает: меры поощрения как форму стимулирования позитивного поведения в уголовном праве [1, с. 17–31]; нравственные основы и социальное значение мер поощрения в уголовном праве [1, с. 31–40]; уголовно-правовые поощрительные нормы и их структуру [1, с. 40–52]; классификацию мер поощрения в уголовном праве [1, с. 52–67].

Во второй главе диссертации последовательно раскрываются: история становления и развития отечественного уголовного и пенитенциарного законодательства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы и замене его неотбытой части наказания более мягким видом наказания [1, с. 68–83]; зарубежный опыт правовой регламентации данных мер уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы [1, с. 83–97].

В дальнейшем автор обращается к специальным вопросам исследуемых институтов (гл. 3) и последовательно рассматривает понятие и юридическую природу условно-досрочного освобождения от отбывания наказания [1, с. 98–115], основание и предпосылки условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы и практику его применения [1, с. 115–148], а также понятие, основание, юридическую природу замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания и практику ее применения [1, с. 148–168].

В заключении диссертационного исследования содержатся основные выводы и предложения, которые могут внести серьезный вклад в теорию и практику применения мер уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы [1, с. 169–175].

Логика изложения материала позволила автору раскрыть основные аспекты исследуемой темы. В работе приведен комплексный аналитический обзор литературы по теме исследования и современных теоретико-правовых взглядов о построении системы мер поощрения позитивного поведения осужденных к лишению свободы. Р. Р. Халилов вполне резонно отмечает, что поощрение в уголовном праве представляет собой разновидность позитивной оценки поведения субъекта (осужденного), заключающуюся в юридически обеспеченной возможности устранения или смягчения обременений, реализуемых уполномоченным на то органом с целью побуждения его к позитивным действиям. Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, по его мнению, – это комплексный межотраслевой субинститут освобождения от наказания, структурирующий нормы конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права [1, с. 11].

Актуален и положителен, на наш взгляд, опыт зарубежных стран в части правовой регламентации их условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания [1, с. 83–97]. В частности, следует согласиться с диссертантом в том, что более обстоятельно следовало бы установить в УК РФ основание условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, как это сделано в УК Австрии, Киргизии, ФРГ, Польши и некоторых других государств. Следовало бы также предусмотреть в УК РФ конкретные меры по ресоциализации освобожденных условно-досрочно, как это установлено в УК Швейцарии. Заслуживает внимания и практика ограничения в применении условно-досрочного освобождения в отношении наиболее опасных преступников (виновных в совершении террористического акта, особо опасном рецидиве).

Научная значимость работы определяется реализацией соискателем системного подхода к исследованию вопросов, составляющих сущность темы диссертации, а также теоретическим аргументированием основных направлений совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных результатов (авторских выводов, рекомендаций, предложений) при совершенствовании российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства о

применении мер поощрения позитивного поведения осужденных к лишению свободы, упорядочении судебной и пенитенциарной практики применения норм действующих УК РФ, УИК РФ.

Анализ диссертации Р. Р. Халилова и ее автореферата свидетельствует об оптимальности избранного подхода к структурированию исследовательского материала. Порядок изложения отличается логичностью и последовательностью. План работы соответствует теме. Содержание автореферата отражает основные положения диссертации.

Выносимые на защиту положения и представленные в заключении выводы, отражающие основные научные результаты работы, вытекают из содержания диссертационного исследования, соответствуют цели и поставленным задачам, имеют внутреннее единство и свидетельствуют о личном вкладе автора в юридическую науку и правоприменительную практику. Сформулированные в работе собственные выводы и предложения достоверны, аргументированы и конкретны, соответствуют законодательству и современным теоретическим положениям.

Диссертантом получены принципиально новые научно обоснованные результаты, которые являются значимым достижением в юридической науке и призваны способствовать эффективной охране интересов личности, общества и государства. Сформулированы и обоснованы научные положения, позволяющие расширить объем доктринальных знаний о поощрении позитивного поведения осужденных в уголовном праве. Сформулированные в работе выводы и предложения, а также рекомендации правоохранительным органам теоретически обоснованы, в совокупности решают конкретные научные и практические задачи и могут быть использованы при совершенствовании норм российского законодательства криминального цикла, обеспечении единообразия их применения в судебной и пенитенциарной практике.

О высокой теоретической и практической значимости исследования свидетельствует апробация результатов диссертации в опубликованных работах автора, докладах на научно-практических конференциях. Как следует из диссертации и автореферата, автором опубликовано достаточное количество работ по теме исследования, из них три статьи в изданиях перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в них отражены основные положения, излагаемые в качестве выводов диссертации. Кроме того, результаты исследования используются в учебном процессе при чтении лекций и проведении практических занятий с бакалаврами и магистрантами в Казанском (Приволжском) федеральном университете.

Содержание диссертации и автореферата свидетельствует о многоаспектности проведенной научной работы, ее тесной связи с иными вопросами теории уголовного права и проблемами правоприменения. В диссертации проведен научный анализ значительного массива данных, предложены законодательные решения актуальных проблем и сформулированы рекомендации для практики. Текст диссертации и автореферата Р. Р. Халилова свидетельствует о научной глубине и эмпирической обоснованности проведенного исследования, итоговые выводы которого имеют не только научную, но и практическую значимость. Исследование проведено на высоком методологическом уровне. Об этом свидетельствуют примененные методы, содержание диссертации в целом, обоснованность выдвигаемых автором теоретических положений. Эти обстоятельства, а также то, что результаты исследования прошли многостороннюю апробацию, позволяют констатировать достоверность теоретических заключений, практическую, экономическую и социальную значимость прикладных разработок соискателя.

Высокий уровень представленной работы позволяет сделать отдельные замечания, которые будут способствовать, как нам представляется, дальнейшему углублению исследования.

1. В предлагаемой диссертантом редакции ч. 1. ст. 79 УК РФ следует предусмотреть положение о том, что осужденный «твердо встал на путь исправления и впредь не совершит новое преступление», а в примечании к этой статье указать критерии твердого становления на путь исправления. При этом автор использует такие формулировки, как «добросовестное отношение к труду», «положительное восприятие воспитательных мероприятий», «стремление к повышению общеобразовательного и профессионального уровня». Хотелось бы, чтобы соискатель в процессе защиты пояснил его подход к более четкому и прозрачному пониманию данных критериев.

2. Законодательство ряда зарубежных государств предусматривает в качестве одной из предпосылок условно-досрочного освобождения наличие согласия на этот акт самого осужденного (США, ФРГ, Швейцария). Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого требования (лицо отказывается от поощрения) с точки зрения обывателя и присутствующего значительной части населения менталитета, оно имеет известный смысл хотя бы потому, что досрочно освобожденного не всегда ожидают необходимые жизненные условия и ожидаемый осужденным привлекательный для него микроклимат. Изучение пенитенциарной практики России убеждает в том, что такие случаи не единичны в нашей стране. В силу этого интересно было бы узнать мнение диссертанта на данный счет.

3. Автор, к сожалению, не уделил достаточного внимания научной полемике по проблемам применения поощрительных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права к несовершеннолетним осужденным. Представляется, что диссертанту следовало бы более углубленно рассмотреть данный аспект проблемы. Это, безусловно, украсило бы и обогатило исследование. Так, на наш взгляд, следовало бы закрепить в ст. 79 и 93 УК РФ дифференциацию сроков применения условно-досрочного освобождения взрослых и несовершеннолетних за преступления различной степени тяжести при истечении: не менее половины срока, назначенного за преступления небольшой и средней тяжести взрослым осужденным, и одной трети – несовершеннолетним; не менее двух третей срока наказания, назначенного за тяжкое преступление взрослым осужденным, и половины – несовершеннолетним; не менее трех четвертей срока наказания, назначенного взрослому за особо тяжкое преступление или ранее условно-досрочно освободившемуся, если освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ.

4. Очевидно, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, обладающий определенным уровнем коррупциогенности, требует совершенствования, в том числе путем корректировки УК РФ. Например, в законодательстве Китая все должностные преступления объединены в гл. 9 УК КНР, среди которых имеют место специальные виды преступных посягательств на интересы государственной службы, в том числе незаконное смягчение наказания, применение условно-досрочного освобождения из заключения или отсрочки исполнения приговора сотрудниками органов юстиции (ст. 401 УК КНР). Согласно указанной норме уголовного законодательства Китая сотрудники органов юстиции (к ним относятся (ст. 94 УК КНР) лица, выполняющие служебные обязанности в качестве следователей, прокуроров, судей и пр.), незаконно условно-досрочно освободившие из корыстных побуждений, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом, а приотягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. Полагаем, что данный опыт, несомнен-

но, может быть творчески переосмыслен и приспособлен для отечественного уголовного законодательства.

Тем не менее высказанные положения ничуть не умаляют достоинств представленного диссертационного исследования и не влияют на его общую положительную оценку.

Таким образом, диссертация и автореферат Р. Р. Халилова соответствуют требованиям, предъявляемым к работам такого рода. Это позволяет сделать вывод о том, что подготовленная диссертация является результатом самостоятельной работы автора и представляет собой логически завершенное исследование в области юридических наук. Опубликованные работы Р. Р. Халилова, отражающие основные результаты его диссертации, несомненно, представляют теоретическую и практическую ценность, подтверждают вклад автора в развитие науки уголовного и уголовно-исполнительного права, совершенствование правоприменительной деятельности.

Диссертация Р. Р. Халилова «Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для совершенствования законодательства России о поощрении позитивного поведения осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях; соответствует специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, а автор диссертации – Халилов Руслан Рафикович заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук.

Библиографический список

1. Халилов Р. Р. Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 222 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.234-241

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru;

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НИКИТИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Университет ФСИН России,
г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация,
e-mail: dima60-62@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (17–18 МАЯ 2021 ГОДА)

Для цитирования

Скиба, А. П. Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (17–18 мая 2021 года) / А. П. Скиба, Д. А. Никитин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 234–241. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.234-241.

Аннотация. Кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России совместно с кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, правовым управлением ФСИН России и аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 17–18 мая 2021 года проведена Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» в рамках комплекса международных научно-практических конференций «Петербургские пенитенциарные конференции». Конференция представляет собой первое подобного рода научное мероприятие, в котором рассматривалось во взаимосвязи правовое положение осужденных, сотрудников уголовно-исполнительной системы и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений. Представляется, что дискуссия, проведенная участниками конференции, подняла на новый уровень обсуждение различных вопросов теории, законодательства и практики обеспечения прав человека в уголовно-исполнительной системе.

© Скиба А. П., Никитин Д. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: конференция, обеспечение прав осужденных, правовое положение сотрудников уголовно-исполнительной системы, исправление осужденных, предупреждение совершения преступлений.

17–18 мая 2021 г. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России совместно с кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, правовым управлением ФСИН России и аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации проведена Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (вместе с подключившимися с использованием систем видеоконференцсвязи – около 50 специалистов) в рамках комплекса международных научно-практических конференций «Петербургские пенитенциарные конференции». Конференция представляла собой первое подобного рода научное мероприятие, разделенное на две секции, в которых рассматривалось во взаимосвязи правовое положение осужденных, сотрудников уголовно-исполнительной системы и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений. Обсуждались такие межотраслевые вопросы, как: проблемы теории, регулирования и практики реализации прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России; обеспечение прав отдельных категорий осужденных к различным уголовным наказаниям; проблемы корреляции правового положения осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы России; обеспечение прав сотрудников уголовно-исполнительной системы России в процессе прохождения

Слева направо: первый ряд – Д. А. Никитин, А. Н. Мяханова, О. И. Нестерова, А. В. Сумачев, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. П. Скиба, Е. В. Емельянова, Н. С. Малолеткина, О. А. Адоевская, Т. П. Бутенко, Н. Н. Кириловская, А. П. Детков, С. С. Шуренкова, Н. А. Крайнова; второй ряд – Л. Я. Копылова, О. А. Белов, В. Н. Орлов, П. В. Тепляшин, Е. Ю. Белова, Р. З. Усеев, Е. Е. Новиков

службы; проблемы теории, регулирования и практики осуществления прав сотрудников уголовно-исполнительной системы России в процессе исполнения наказаний; совершенствование уголовно-исполнительного и иного законодательства по обеспечению прав осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы России; международные стандарты в области обеспечения прав осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания; зарубежный опыт обеспечения прав осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, и др.

В конференции приняли участие представители:

– аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, центрального аппарата Минюста России, территориальных органов ФСИН России, научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России (Университет ФСИН России, Академия ФСИН России, НИИ ФСИН России, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Самарский юридический институт ФСИН России и др.);

образовательных учреждений зарубежных стран (Республика Казахстан и пр.);

научно-исследовательских и образовательных организаций (Алтайский государственный университет, Амурский государственный университет, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Всероссийский государственный университет юстиции России (РПА Минюста России), Восточно-Сибирский институт МВД России, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Гер-

Слева направо: Е. Ю. Белова, А. В. Сумачев, В. Н. Орлов, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. П. Скиба, Е. В. Емельянова, А. П. Детков, Н. С. Малолеткина, О. А. Адоевская, Т. П. Бутенко

цена, Российский государственный университет правосудия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратовская государственная юридическая академия, Сибирский юридический институт МВД России, Югорский государственный университет и др.).

Кроме того, на конференции присутствовали ведущие ученые-пенитенциаристы России и иностранных государств, судьи, адвокаты, представители общественных организаций, адъюнкты, аспиранты, соискатели, курсанты.

Организаторы конференции: Университет ФСИН России, Академия ФСИН России, правовое управление ФСИН России, аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Руководителями программного комитета конференции выступили Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации заслуженный юрист Российской Федерации доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор Т. Н. Москалькова и начальник Университета ФСИН России доктор юридических наук, профессор генерал-майор внутренней службы А. А. Крымов.

Соруководителями программного комитета стали: врио заместителя начальника Университета ФСИН России доктор исторических наук О. И. Нестерова; начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России доктор юридических наук, доцент А. П. Скиба (модератор секции 1 «Права осужденных: проблемы теории,

Слева направо: Е. Ю. Белова, А. В. Сумачев, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. П. Скиба, Е. В. Емельянова, А. П. Детков

законодательства и практики реализации»); начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России кандидат юридических наук, доцент Д. А. Никитин (модератор секции 2 «Обеспечение прав сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: административно-правовые, пенитенциарные и иные аспекты»).

С приветственным словом дистанционно выступил профессор кафедры юриспруденции и международного права Университета «Туран» заслуженный работник МВД Республики Казахстан доктор юридических наук, профессор Т. К. Акимжанов.

На конференции с докладами выступили:

– заслуженный юрист Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В. А. Уткин (Национальный исследовательский Томский государственный университет) на тему «Проблемы защиты прав осужденных: решение ЕСПЧ и российское законодательство» (на пленарном заседании международных научно-практических конференций «Петербургские пенитенциарные конференции»);

– доктор юридических наук, доцент А. П. Скиба (Академия ФСИН России) на тему «Корреляция правового положения осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: постановка проблемы» (на пленарном заседании международных научно-практических конференций «Петербургские пенитенциарные конференции»);

– доктор юридических наук, профессор А. Б. Скаков (Академия ФСИН России) на тему «Профилактика преступлений осужденных путем эффективной реализации оперативно-розыскных и агентурно-оперативных мероприятий»;

– кандидат исторических наук Е. В. Ермасов (Департамент нормативно-правового регулирования, анализа и контроля в сфере исполнения уголовных наказаний и судебных

Слева направо: А. П. Детков, Н. С. Малолеткина, О. А. Адоевская, Е. Е. Новиков, Т. П. Бутенко, Н. Н. Кириловская

актов Министерства юстиции Российской Федерации) на тему «Правила внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы: состояние нормативно-правового регулирования и пути его совершенствования»;

– доктор юридических наук, профессор Л. Б. Смирнов (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена) на тему «Исправление осужденных: история, теория, законодательство и пенитенциарная практика»;

– доктор юридических наук, доцент П. В. Тепляшин (Сибирский юридический институт МВД России) на тему «Антикоррупционные меры безопасности сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы (в контексте их правового статуса)»;

– доктор юридических наук, доцент Е. В. Емельянова (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации) на тему «Профессиональная этика как система моральных принципов, норм и правил поведения (на примере сравнительного анализа кодексов профессиональной этики сотрудников правоохранительных органов)»;

– кандидат юридических наук, доцент Н. А. Крайнова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) на тему «Реализация прав на трудовое и бытовое устройство освобождаемых осужденных как условие их ресоциализации»;

– кандидат юридических наук Н. С. Малолеткина (Самарский юридический институт ФСИН России) на тему «Общественное воздействие как средство исправления осужденных в контексте их прав: некоторые теоретико-правовые проблемы»;

– кандидат юридических наук, доцент Т. П. Бутенко (Амурский государственный университет) на тему «Проблемы реализации права осужденных к лишению свободы на профессиональное образование и профессиональное обучение в условиях пандемии»;

– кандидат социологических наук, доцент С. С. Шуренкова (Центр медиации «ЮрМедиа», главный редактор международного журнала «Вестник медиации в Евразии») на тему «Возможности применения медиации между осужденным и потерпевшим в рамках условно-досрочного освобождения»;

– доктор юридических наук, профессор А. П. Детков (Алтайский государственный университет) на тему «Проблемы общественного контроля за соблюдением конституционных прав осужденных в местах лишения свободы»;

– доктор юридических наук, доцент А. Л. Санташов (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации) на тему «Обеспечение прав несовершеннолетних осужденных в ВК»;

– кандидат юридических наук, доцент О. А. Адоевская (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева) на тему «Реализация общепризнанных принципов международного права и гарантирование прав осужденных»;

– кандидат юридических наук, доцент Р. З. Усеев (Самарский юридический институт ФСИН России) на тему «Дисциплинарная практика в отношении осужденных, нарушивших режим содержания при их перемещении: проблемы правоприменения и правосубъектности»;

– кандидат юридических наук, доцент Д. А. Никитин (Университет ФСИН России) на тему «Обеспечение прав осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь» и др.

Активное участие в работе конференции также приняли: доктор юридических наук, профессор Т. К. Акимжанов (Университет «Туран»), доктор юридических наук, профессор А. С. Дугенец (НИИ ФСИН России), доктор юридических наук, доцент И. А. Ефремова (Саратовская государственная юридическая академия), доктор юридических наук, доцент В. Н. Орлов (Университет ФСИН России), доктор юридических наук, профес-

сор Т. Г. Понятовская [Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)], заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А. И. Парог [Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)], заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В. И. Селиверстов (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), доктор юридических наук, профессор А. В. Сумачев (Югорский государственный университет), доктор юридических наук, профессор З. С. Токубаев (Центрально-Казахстанская академия), кандидат юридических наук А. Р. Акиев (Сибирский юридический институт МВД России), кандидат юридических наук, доцент Е. Ю. Белова (Академия ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент С. А. Борсученко [Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)], кандидат юридических наук Г. В. Зазулин (Санкт-Петербургский государственный университет), кандидат юридических наук, доцент И. Н. Коробова (Академия ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент А. В. Звонов (Академия ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент Н. Н. Кириловская (Вологодский институт права и экономики ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент Е. Е. Новиков (Университет ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент А. А. Павленко (Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России), кандидат юридических наук С. Я. Саламова [Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)], кандидат юридических наук, доцент Е. Н. Скорик (Ростовский институт защиты предпринимателя), кандидат юридических наук И. В. Слепцов (Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева), кандидат юридических наук Т. С. Хван (Псковский филиал Академии ФСИН России), А. Н. Мяханова (Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова) и др.

В рамках оживленной дискуссии были затронуты концептуальные вопросы уголовно-исполнительного и иного права, развития уголовно-исполнительного, административного и иного законодательства, практики исполнения уголовных наказаний, взаимодействия различных правоохранительных и государственных органов, а также общественных организаций и институтов гражданского общества и др. Особое внимание было уделено совершенствованию правового положения осужденных с учетом международной практики и зарубежного опыта (заслуженный юрист Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В. А. Уткин, доктор юридических наук, профессор Т. К. Акимжанов, кандидат юридических наук, доцент О. А. Адоевская), в том числе с учетом (не-)надлежащей корреляции прав и обязанностей осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания (доктор юридических наук, доцент А. П. Скиба, кандидат исторических наук Е. В. Ермасов), повышению эффективности исправительного воздействия в контексте правового положения осужденных (кандидат юридических наук, доцент Н. А. Крайнова, кандидат юридических наук Н. С. Малолеткина, кандидат юридических наук, доцент Т. П. Бутенко); проблемам предупреждения преступлений и иных правонарушений осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания (доктор юридических наук, профессор А. Б. Скаков, доктор юридических наук, доцент П. В. Тепляшин), обеспечения реализации прав осужденных (доктор юридических наук, профессор А. П. Детков, доктор юридических наук, доцент А. Л. Санташов) и т. д.

С заключительным словом выступили доктор юридических наук, доцент А. П. Скиба и кандидат юридических наук, доцент Д. А. Никитин, подводя итоги конференции. Научные дискуссии продолжились и после официальной части конференции.

Представляется, что Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», проведенная 17–18 мая 2021 г. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России совместно с кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, правовым управлением ФСИН России и аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, будет способствовать развитию теории и практики исполнения уголовных наказаний, повышению эффективности достижения целей уголовно-исполнительного законодательства, а также активизации совместной работы пенитенциаристов России и зарубежных стран.

УДК 340-051

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: fedor062@yandex.ru

ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ УТКИНЫМ

Для цитирования

Грушин, Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Владимиром Александровичем Уткиным / Ф. В. Грушин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 242–250.

Краткая биографическая справка

Владимир Александрович Уткин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Юридического института Томского государственного университета, председатель Общественной палаты Томской области, родился 1 февраля 1956 г. в г. Кимовске Тульской области.

В 1978 г. окончил с отличием юридический факультет Томского государственного университета (ТГУ). С 1978 по 1981 год обучался в аспирантуре ТГУ под научным руководством доктора юридических наук, профессора А. Л. Ременсона. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Соединение наказания с мерами исправительно-трудового воздействия – принцип советского исправительно-трудового права».

Свой трудовой путь по специальности начал в 1981 г. на юридическом факультете ТГУ в должностях ассистента, старшего

© Грушин Ф. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой исправительно-трудового права и криминологии.

В 1990 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений среди осужденных без лишения (ограничения) свободы и судимых» в Харьковском юридическом институте. В 1992 г. ему присвоено ученое звание профессора.

В 1991 г. возглавил творческий научный коллектив ученых сибирских вузов, подготовивший альтернативный проект Исправительно-трудового (Уголовно-исполнительного) кодекса Российской Федерации. Впоследствии входил в состав комиссии по разработке Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

В период с 1993 по 1997 год служил в должности начальника кафедры, заместителя начальника Томского филиала Республиканского института повышения квалификации МВД России (ныне – Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России).

С 2000 г. и по настоящее время состоит в должности директора Юридического института Томского государственного университета, одновременно выполняя обязанности заведующего кафедрой уголовно-исполнительного права, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, подполковник внутренней службы в отставке.

Научные интересы В. А. Уткина находятся в сфере уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, международно-правовых основ борьбы с преступностью. Им (лично и в соавторстве) опубликовано свыше 300 работ, в том числе монографии, комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, учебники и учебные пособия.

В качестве эксперта международной неправительственной организации Penal Reform International В. А. Уткин в 2000–2002 гг. успешно осуществлял научное руководство проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации», предполагавшим реформирование системы наказаний, реорганизацию службы исполнения наказаний без изоляции от общества, экспериментальную отработку механизма исполнения наказания в виде обязательных работ в ряде регионов России, а также формирование общественной поддержки и привлечение добровольцев и общественности к реализации уголовно-правовых мер без лишения свободы и профилактике рецидива преступлений. Кроме того, он оказывал существенную помощь законодательным органам Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан при разработке новых уголовных и уголовно-исполнительных кодексов.

Под научным руководством профессора В. А. Уткина защищены 26 кандидатских и одна докторская диссертация.

За плодотворную научно-педагогическую деятельность и значительный вклад в развитие уголовно-исполнительной системы В. А. Уткину присвоены почетные звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» (1998), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2008). Он награжден орденом Дружбы (2006) и медалью Президента Республики Казахстан (2005), золотой и серебряной медалями «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России» (2009) и «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2006), иными ведомственными и региональными наградами.

В 2018 г. В. А. Уткину вручено благодарственное письмо Президента Российской Федерации.

Интервью

Грушин Ф. В.: Здравствуйте, уважаемый Владимир Александрович! Спасибо большое, что согласились дать интервью для нашего журнала «Уголовно-исполнительное право». Вы первый, у кого мы берем такое интервью для нашей новой рубрики «Интервью с ведущими учеными-пенитенциаристами».

Уткин В. А.: Спасибо за высокую честь.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, первый вопрос: как вы вообще пришли в юриспруденцию?

Уткин В. А.: В Томский университет я поступил в 1973 г., приехав из маленького шахтерского городка в Кемеровской области. Еще школьником мечтал быть следователем и поэтому уже начиная с 8-го класса готовился к поступлению в университет. Моя мечта осуществилась, несмотря на то что конкурс тогда был огромный – 17 человек на место. С тех пор, подчеркну, я ни разу не пожалел, что стал юристом, хотя мои устремления в рамках общей траектории юридического образования изменились и уже в середине обучения я заинтересовался вопросами науки. По счастливой судьбе, наверное, на моем пути встретился такой замечательный человек, как профессор Александр Львович Ременсон, благодаря которому я, собственно говоря, всю свою жизнь посвятил науке ранее исправительно-трудового, а сейчас уголовно-исполнительного права.

Грушин Ф. В.: Можно сказать, что Александр Львович был тем человеком, который Вас направил в юриспруденцию как науку и оказал влияние на Вашу дальнейшую судьбу?

Уткин В. А.: Александр Львович был замечательный человек. Фронтовик, тяжело ранен во время войны, будучи курсантом военно-морского училища, бойцом морской пехоты. После войны он защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора М. Д. Шаргородского, был направлен в Томский университет и стал одним из основоположников современной послевоенной версии юридического факультета. Он один из основателей современной отечественной науки тогда исправительно-трудового права, наряду с такими известнейшими учеными, как Николай Алексеевич Стручков, Игорь Викторович Шмаров, Геннадий Анисимович Туманов. Они заложили основу современного прочтения всех проблем уголовно-исполнительной деятельности. Он, конечно, оказал на меня глубокое влияние и как человек, и как ученый. Я до сих пор стараюсь соответствовать высокому уровню требований, которые он предъявлял к своим ученикам. Учениками Александра Львовича в Томском университете были и такие известные ученые-пенитенциаристы, как профессора А. И. Зубков, В. И. Зубкова, В. И. Селиверстов, О. В. Филимонов, В. Д. Елеонский, Л. М. Прозументов.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, возможно, Вы вспомните какой-то пример из общения с Александром Львовичем, характеризующий его лично. Мы все его знаем как великого ученого.

Уткин В. А.: Александр Львович обладал громадным житейским опытом. Можно, конечно, говорить о многих ситуациях, связанных с научными дискуссиями, но это другое. Я, будучи тогда молодым человеком, конечно, нуждался еще в определенном, условно говоря, отеческом влиянии в плане решения житейских вопросов, и Александр Львович был весьма прозорлив в определении моего будущего поведения. Например, когда я защитил кандидатскую диссертацию, мне как молодому кандидату наук предлагали разные варианты будущего трудоустройства в других местах, причем с предоставлением квартиры. У аспирантов, понятно, с жильем проблемы всегда были, квартир не было, жил в общежитии. Александр Львович сказал, что ты себя в науке еще реализуешь, а вот какое-то время ты должен заработать, условно говоря, на квартиру. Нисколько не противореча

своим убеждениям, я стал секретарем комитета комсомола Томского государственного университета, приобрел огромный опыт в работе с людьми, решил жилищный вопрос. Я благодарен Александру Львовичу за то, что он порекомендовал мне не бежать за тем, что лежит близко, а смотреть дальше. И хотя докторскую диссертацию я защищал уже без его научного руководства, все те жизненные и научные идеи, которые были заложены нашим с ним сотрудничеством, нашли в ней отражение. И вот, к сожалению, я остался единственным в России представителем советской науки уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права (с докторским дипломом ВАК СССР).

Грушин Ф. В.: Спасибо, Владимир Александрович, я понимаю, что это повлияло на то, что Вы связали свой научный путь с исправительно-трудовым правом (впоследствии – уголовно-исполнительным), а вот почему Вы именно на нем остановились, не ушли в более популярное уголовное право, криминологию? Почему все-таки уголовно-исполнительное право?

Уткин В. А.: Мне кажется, личность научного руководителя здесь имеет определяющее значение. Это не только контент тех проблем, которые составляют предмет уголовно-исполнительного права, но и методология, подходы, решения. Поскольку я сейчас уже и де-факто и де-юре привлекаюсь для решения многих задач юридического профиля, выходящих за пределы уголовно-правовой науки, мне несколько не мешает то, что я являюсь тюрьмоведом по основной специальности, потому что проблематика права в сфере исполнения наказания, по сути дела, предполагает использование всего арсенала методологии юридической науки, таких категорий теории права, как правоотношение, юридические факты, источники права, правоприменение. В силу этого я себя ни в коей мере не считаю ущемленным в том, что моя специальность, как и Ваша, является относительно узкой, когда специалистов профессорского уровня можно пересчитать на пальцах обеих рук. Просто сама по себе методология изучения правовых вопросов несколько не снижает нашей с Вами юридической компетентности, в том числе в решении других правовых вопросов.

Грушин Ф. В.: Хорошо. Владимир Александрович, тогда следующий вопрос. Как Вы считаете, какие направления в современном уголовно-исполнительном праве сейчас наиболее актуальны? Что требует более детального изучения?

Уткин В. А.: Я старался в своих работах эти направления обозначать. Конечно, в силу объективных причин не все получается доводить до конца, поэтому приходится отдавать это на разработку своим ученикам.

Прежде всего это оптимизация уголовно-исполнительной системы как таковой, вопросы облика современных исправительных учреждений. Я неоднократно выступал за то, что сейчас начинает приобретать организационные рамки. Это проблема мультирежимных и гибридных исправительных учреждений, которые сочетали бы в себе черты и исправительных колоний, и учреждений иного уровня, таких как исправительные центры, тюрьмы. Об этом я начинал писать еще 25 лет назад, и очень хорошо, что сейчас хотя бы в виде пилотного проекта это предполагается реализовывать. Эти вопросы в идеале нужно решить с помощью нового закона об уголовно-исполнительной системе.

Проблема службы пробации – это проблема взаимосвязи двух ветвей уголовно-исполнительной деятельности. Она актуальна для всех стран, и я ей тоже занимался, но сейчас важно ее не «заболтать», не превратить в сугубо терминологическую революцию, когда под новой терминологией мы закроем старые проблемы, и вместо того,

чтобы их решать, мы их «замажем», может быть, терминологически по-иному обозначим и успокоимся, а по сути все останется.

Проблема самого уголовно-исполнительного права как отрасли права очень большая, потому что сейчас стоит вопрос (я тоже об этом писал) о создании некоторого интегративного уголовно-исполнительного права, которое включало бы в себя три стадии реализации уголовной ответственности или три стадии деятельности уголовной юстиции. Это допенитенциарное (допенальное) уголовно-исполнительное право, которое предусматривало бы и те нормы, которые есть в УПК РФ и Федеральном законе о содержании под стражей. И тогда это допенальное уголовно-исполнительное право было бы книгой первой УИК РФ. Сам термин «уголовно-исполнительное» ведь еще не говорит о ее содержании. Раз есть уголовно-процессуальные или уголовно-правовые меры, значит, термин «уголовно-исполнительное» под них подходит, условно говоря. Вторая часть – это то, что сейчас составляет их ядро, – отношения, связанные с реализацией уголовных наказаний разного вида и иных мер уголовно-правового характера. И третье – это постпенальное уголовно-исполнительное право, но тут нужно оговориться. Я не пытаюсь «затолкать под крышу» уголовно-исполнительного права вопросы социальной помощи, потому что это не исполнение и контроль. Хотелось бы их все-таки развести. Вопросы социальной помощи должны решаться в рамках широкого социального законодательства, которое было бы рамочным на федеральном уровне, поскольку это сфера совместного ведения, а на местах они должны решаться бы с учетом конкретных возможностей и законов субъектов федерации. На уровне контроля то, что сейчас отдано на откуп административного надзора ОВД, то, что сейчас должно решаться применительно к УДО, должно быть сферой более широкого уголовно-исполнительного права.

Еще одна проблема – это проблема методов, то есть способов. У нас принято считать, и это действительно правильно, что метод властного приказа самый главный, всеобъемлющий, он в сфере принуждения, каковым является наказание, и иным он не может быть. Но все же, как мне кажется, мы незаслуженно забыли диспозитивный метод, когда те или иные правовые последствия возникают не из приказа, а из неких согласительных процедур. В плане социально-педагогической направленности, гуманизации и гибкости этот способ заслуживает более широкого внимания (и не только при лишении свободы, где он тоже есть). Например, без согласия осужденный не может быть оставлен в СИЗО, переведен в колонию-поселение, это принципиально важно. Но и для мер, не связанных с лишением свободы, тоже открываются большие перспективы, они, кстати, отражены в Европейских пенитенциарных правилах 2017 г. Это вопросы выбора режима непенитенциарной меры, вопросы явки, вопросы проведения электронного мониторинга с учетом пожеланий осужденного, вопросы трудоустройства. Такие вопросы должны решаться более системно.

Актуальными являются проблемы интегративной безопасности и обеспечения правопорядка в местах лишения свободы, в том числе средствами уголовного и уголовно-исполнительного права. В частности, нужно внимательно посмотреть на недостатки в реализации уголовной ответственности в сфере обеспечения правопорядка. У нас есть ст. 321 УК РФ, которая не очень удачно сформулирована. Она скопирована из двух статей, которые были раньше. Первая – ст. 771 УК РСФСР 1960 г. называлась именно «Дезорганизация», это был «лагерный бандитизм», вторая – «Злостные нарушения». Потом, в 1996 г., почему-то объединили необъединимое. В итоге эта статья у нас не работает. Я думаю, что их необходимо разделить на две статьи. Первая – «Систематическое злостное нарушение режима в учреждениях, обеспечивающих изоляцию», а

вторую и третью части вывести в отдельную статью – «Насилие в отношении персонала». Но первое будет предполагать уголовно-исполнительную преюдицию, а следовательно, нужно смотреть и ст. 116 УИК РФ, нарушения, которые не должны приниматься априори злостными, оттуда убрать, а другие включить. Те, которые сейчас злостные, но не очень важные, объединить в промежуточную группу, чтобы они не составляли уголовно-исполнительную преюдицию (грубое нарушение). Например, употребление спиртных напитков и организация массовых беспорядков или групповых неповиновений имеют качественную разницу.

Наконец, проблема общественного контроля. На мой взгляд, его в свое время незаслуженно отставили в сторону, и, к сожалению, до сих пор это не реализовано даже частично так, как оно было в советское время. А действенный общественный контроль важен, как показывают последние события, и я, как председатель Общественной палаты Томской области, которая по закону курирует общественную наблюдательную комиссию, это хорошо вижу по региону. К сожалению, на бумаге общественный контроль есть, но нередко на практике его нет. Отсюда возникают разные альтернативные правозащитники, которые на этом зарабатывают политический и финансовый капитал.

Грушин Ф. В.: Спасибо, следующий вопрос. Владимир Александрович, наша уголовно-исполнительная система достаточно консервативна, я сейчас подвожу к так называемым западным ценностям. Например, Правила Нельсона Манделы содержат такую норму: «При размещении осужденного в пенитенциарном учреждении необходимо учитывать его половую самоидентификацию». В то же время в нашем УИК РФ сохраняются такие нормы, предусматривающие, что мужеложство и лесбиянство является злостным нарушением. Как вы считаете, вот эти «западные ценности» постепенно будут проникать в нашу уголовно-исполнительную систему?

Уткин В. А.: Здесь есть три части. Первая – общеполитическая, вторая – организационная и третья – непосредственно правовая. Методология международных норм основана прежде всего на общечеловеческих ценностях, которые были изложены еще в лозунге Французской революции: «Свобода, равенство, братство», то есть на первом месте стоит свобода, на втором – равенство, на третьем – братство. В восточной философии тот же самый лозунг будет изложен совершенно наоборот. Сначала – братство, потом – равенство, потом – свобода, то есть восточный менталитет ставит во главу угла коллективизм, тогда как западный – личность. Россия, которая находится на стыке этих двух менталитетов, конечно, вынуждена каким-то образом адаптировать и то и другое, и поэтому не все то, что нам преподносится как бы под видом общечеловеческих ценностей, априори является таковым. Нужно смотреть по-другому, осторожнее. Второе, в отличие от западных тюрем, точнее от западной уголовно-исполнительной системы, наша система традиционно является преимущественно лагерной. Она имеет иные плоскости обеспечения безопасности, в том числе безопасности личности, которых в западной тюрьме не существует. Если у тебя есть, скажем, 15 разного рода трансгендеров, ты их можешь рассадить на 15 камер, и у тебя проблем не будет, а вот если они все в одном отряде, то это проблема. На мой взгляд, она так активно у нас развиваться не будет, тем не менее проблема есть. Что касается конкретного решения. У нас ведь тоже была такая проблема, когда в СМИ прошла информация, что человек, который обладает объективными признаками мужчины, себя считал женщиной. Я исхожу из того, что нормы Минимальных стандартных правил, как вы правильно сказали, – нормы рекомендательные. Для того чтобы обеспечить безопасность личности, у администрации есть достаточно способов. Какой технический способ будет принят для того,

чтобы обеспечить безопасность конкретной личности, решается либо непосредственно администрацией, либо на более высоком уровне. Закрепляя эту норму, мы должны иметь в виду и ее оборотную сторону: призыв осужденного каким-то образом заявлять о своей уникальности.

Что касается «добровольного» мужеложства и лесбиянства, несмотря на то что в УК РФ такой нормы нет, я в УИК РФ ее бы оставил, потому что в местах пенитенциарного социума мужеложство не только удовлетворение каких-то потребностей, но и средство унижения, закрепления статуса, средство угрозы, то есть в тех стесненных, изолированных, искаженных, с точки зрения неформальных норм, условий лагеря объявлять, что теперь возможно мужеложство якобы по согласию, неправильно. Не случайно у нас осужденному запрещено отчуждать в пользу других осужденных принадлежащее ему имущество, хотя, казалось бы, это сделка. Запрещено отчуждать осужденному в пользу другого осужденного свою квартиру. Запрещено отчуждать даже что-то менее значимое, потому что за этим может крыться совершенно иное. Вот так и здесь. Пока у нас лагерные условия определяют специфику, мы должны к этому очень осторожно подходить. Вроде бы не насильственно, но кто-то поставлен в такие условия. Мы не можем условия свободы просто так «опрокидывать» на условия неволи.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, как вы оцениваете современное состояние уголовно-исполнительной науки?

Уткин В. А.: Считаю, что оно довольно противоречиво. С одной стороны, расширяется проблематика научных исследований, в научный оборот вводится опубликованная статистика, появляются талантливые ученые, возникают научные коллективы (прежде всего в ведомственных вузах ФСИН России). С другой стороны, в теоретическом плане уголовно-исполнительная наука в целом, как ни парадоксально, ниже, чем она была лет 30 назад. Почему? Раньше, когда мы ею занимались, очень много было закрытой информации, и фактические данные были закрыты, в том числе те, которыми располагали гражданские вузы. Например, профессор А. Л. Ременсон, который на наш студенческий вопрос: «Сколько в СССР заключенных? – хитро отвечал: «Не так мало, как я хотел сказать, и не так много, как вы подумали». Даже свою кандидатскую диссертацию я защищал под грифом «Для служебного пользования». Это заставляло ученых каким-то образом идти вглубь. Вширь идти было не очень возможно, потому что это требовало какой-то информации, она время от времени выдавалась, но тогда ученые разрабатывали категории более глубокие. Когда в 90-е годы произошел кризис науки, кризис в социальном плане, многие ученые, перспективные кандидаты наук ушли в другие сферы: в коммерцию, государственную службу. И до сих пор сохраняется дефицит поколения 90-х, тех, которые могли бы в те годы стать докторами наук. Они сейчас бы воспитали очень хорошую плеяду ученых. Вот Вы – ученик Вячеслава Ивановича, Вам повезло, что Вы его встретили, и Вячеславу Ивановичу повезло, что он не ушел из науки. У меня самого 26 кандидатов наук и один доктор наук. Если бы я не пришел в науку, не остался, хотя у меня, как и у многих, были перспективные коммерческие предложения, эти 27 не появились бы. Однако появились и ученые другого уровня, которые особо не утруждают себя изучением классиков уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) науки, да и вообще того, что на эту тему написано до них. Порой работы пишутся на таком уровне: «А я так считаю». «Современный» подход: «Этот написал это, а я так считаю». А почему так считаешь – непонятно. Где глубина аргументации? На подобном уровне пишутся и отдельные докторские диссертации, а такие ученые таких же учеников и воспитывают, которые думают, что до них ничего не было. К сожалению, есть такое

негативное направление в науке, не говоря уже о том, что ученых, которые занимаются проблемами методологии уголовно-исполнительного права, становится не то что меньше, но они уже как-то не видны. Наши практики уже не так реагируют на предложения науки, у них свои проблемы. На сегодняшний день издается множество журналов, и у нас в университете – два журнала WoS, но когда начинаешь читать работы некоторых авторов, видно, что они на уровне юридического позитивизма – «что вижу, то пишу». В лучшем случае, я это назову по-иному и это будет «моя наука». Но наука появляется там, где появляются новые знания, а если старая информация излагается в новых терминах, то это не наука. Это наукообразие. К сожалению, тем, кто хочет действительно в науке чего-то достичь, нужно смотреть на то, чтобы наука не заслонялась наукообразием.

Грушин Ф. В.: Согласен, Владимир Александрович.

Уткин В. А.: Я бы так сказал: новое знание получить и изложить довольно не просто, а нагородить на старое «трехэтажных терминов из юридического новояза» несложно. Но потом, когда начинаешь разбираться, что же автор хотел написать, первый снимаешь слой, второй, а это уже давно было, только автор этого не знает или игнорирует.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, следующий вопрос. Я знаю, Вы были во многих странах, знакомились с зарубежными пенитенциарными системами. Как Вы считаете, что можно было бы у них позаимствовать относительно нашей системы? Или, может, наоборот, что не следует внедрять в нашу уголовно-исполнительную систему?

Уткин В. А.: Вопрос очень обширный. То, что мы сейчас пытаемся делать пилотные проекты по созданию мультирежимных учреждений, то, что мы собираемся это вывести на законодательный уровень, уже само по себе и есть адаптация передового зарубежного опыта. Так называемая конвергенция.

Вторая очень серьезная вещь – это то, что мы должны посмотреть вопросы общественного контроля. Вот, например, западная «система посетителей тюрем». Но и еще одна проблема – это проблема социальной адаптации, переходные уголовно-исполнительные учреждения. В Стокгольме мы посещали подобное учреждение, где «пожизненники» должны были два года перед освобождением жить, работать и привыкать к свободе. Этот интересный опыт работы, связанной с социальной адаптацией, очень важен, как и вопросы индивидуальных траекторий исправления, психологической помощи осужденным. Нужно еще иметь в виду, что у нас совершенно разная методология лишения свободы. У нас лишение свободы с точки зрения режима – это кара, на западе – режим безопасности. Отсюда у нас часть режима – мера карательная, она определяется законом и судом, а у них это меры безопасности. Они всецело находятся в административной власти. И конечно, самое принципиальное то, что, хотя все равно наша лагерная система тюремной не станет, важны и отдельные вещи, связанные с обращениями осужденных. Ведь если у осужденных в Америке нет другого способа защитить свои интересы, кроме как в суде, то в каждом американском учреждении есть адвокатская контора. Они посещают эти конторы, а конторы содержатся за счет системы, адвокаты составляют жалобы и идут в суд. В данном случае система отработана. У нас несут жалобы в различные инстанции, но механизм той же самой подачи жалобы, тому же прокурору у нас детально не отработан. С одной стороны, написано, что она не подлежит цензуре, а с другой – администрация доводит до осужденного ответ.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, вот такой вопрос: как Вы боретесь с плохим настроением?

Уткин В. А.: У меня плохое настроение бывает редко, ведь я как преподаватель и директор на виду и, как говорится, «заряжаюсь» от студентов. Есть, безусловно, и слож-

ные периоды. Тогда спасаюсь трудом за городом, читаю художественную литературу, использую прогулки, общение с семьей. В общем, все достаточно традиционно.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, ну и, наверное, последний вопрос: что бы Вы могли посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой научный путь? Как им пройти все стадии с учетом современных трудностей, связанных с защитой диссертации?

Уткин В. А.: Видите ли, вопросы тут совершенно разные. Ведь все еще зависит от того, зачем человек посвящает себя науке. Вот у меня, условно со студенчества, это получалось, мне нравилось читать, извлекать какие-то истины, из которых можно было сделать свое понимание. Испытывать удовлетворение от самого процесса работы с литературой, ознакомления с новыми знаниями, но есть люди, идущие в науку, совершенно по другим мотивам. Предел – диссертация. А диссертация тоже может быть по-разному обозначена, например просто как средство продвижения по службе. Я сейчас об этом не говорю. Если говорить о науке, то нужно, конечно, больше читать. Не сразу торопиться что-то создать. Вот часто ко мне, допустим, приходят молодые кандидаты, только что защитившиеся, и говорят: я сажусь докторскую писать. Я говорю: подожди, ты должен немножко осмотреться. Докторская – это не три кандидатские в одной обложке. Прежде всего посоветовал бы идти по пути углубления знания того, что сделано до тебя, чтобы не изобретать велосипед и не выглядеть глупо, то есть с уважением относиться к другим ученым. Отсюда и ты получаешь моральное право, чтобы также уважительно относились к тебе. Не стараться сочинять заумные конструкции.

В свое время, будучи студентом, я написал тезисы выступления на две страницы на студенческой конференции. Моему руководителю Александру Львовичу они очень понравились. В основном они касались теории права, и он направил их в письмо Сергею Сергеевичу Алексееву, известному ученому-теоретику, поскольку с ним был хорошо знаком. Через некоторое время приносит мне письмо С. С. Алексеева, от руки написанное, где-то оно у меня сохранилось. Я был студентом 4-го курса, представьте себе, получить письмо от С. С. Алексеева. Там было написано, что тезисы ему понравились, что у автора есть «научное будущее», но одно замечание его или пожелание – дословно: «Пусть автор обуздает теоретическую прыть. В свое время я себя на этом крепко обуздывал». Ременсон был с ним согласен: если ты пришел – это не значит, что ты делаешь революцию. Не нужно отрывать от «земли», ведь от практики восходят самые крупные теоретические проблемы, и ни в коей мере не чуждаться общения с практикой, потому что многие вещи не могут быть решены практически, если они не решены методологически. Нужно все время учитывать эту связь с практикой, не строить воздушных замков, иначе это будет не наука, а лишь какая-то высокопарная риторика. Ближе быть к практике, но, конечно, не идти у нее на поводу, а стараться приносить пользу, в том числе и хорошей теорией. Ведь хорошая теория – это главное средство решения практических задач.

Грушин Ф. В.: Владимир Александрович, спасибо большое!

Уткин В. А.: Если мои рассуждения окажутся полезными, то я буду рад. Спасибо!

Интервью взял
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России
доктор юридических наук, доцент
Ф. В. Грушин

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

THEORY OF PENAL LAW

Aleksandr L'vovich Karabanov, PhD (Law), lawyer, Chairman of the Moscow Bar Association “Karabanov and Partners”, Executive Secretary of the journal “Russian Criminological View”, Moscow, Russian Federation,, e-mail: info@karabanoff.ru

EFFICIENCY OF EXECUTION, SERVING OF A CRIMINAL SENTENCE AND CYBERBASIS OF THE PENAL PROCESS

Recommended citation

Karabanov, A. L. 2021, ‘Efficiency of execution, serving of a criminal sentence and cyberbasis of the penal process’, *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 140–146, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.140-146.

Abstract. By the effectiveness of the execution and serving of a criminal sentence, the author understands the achievement of the goals and objectives set for the criminal punishment, the implementation of the functions, the legal status of the relevant subjects, and other effectiveness in the process of optimal interaction and development of the elements of execution and serving of a criminal sentence, provided that the resources are used appropriately, the application of the penal legislation in accordance with modern requirements and the realities of society. The author considers the elements of cyberspace in various spheres to be the cyberbasis of the penal process: a) execution of a criminal sentence; b) serving a criminal sentence; c) correctional impact on a convicted person serving a particular type of sentence. The individual elements of cyberspace are classified into general and specific.

Keywords: efficiency of execution and serving of a criminal sentence, cyberbasis, penal process, software of penal process.

References

Ozhegov, S. I. 1998, *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*, 4th edn, Azbukovnik, Moscow.

Bulyko, A. N. 2004, *Modern dictionary of foreign words, More than 25,000 words and phrases*, Martin, Moscow.

Natashev, A. E. & Struchkov, N. A. 1967, *Fundamentals of the theory of correctional labor law*, Legal literature, Moscow.

ITU presents the “G5 benchmark” – the “gold standard” for regulatory and policy cooperation n.d., viewed 31 May 2021, <https://www.itu.int/ru/mediacentre/pages/pr06-2020-global-ict-regulatory-outlook-g5-benchmark.aspx>.

Potapov, A. M. & Khrabrova, E. V. 2015, ‘The practice of obtaining secondary vocational and higher education by persons sentenced to deprivation of liberty using distance technologies’, *Vedomosti of the penal system*, iss. 6, pp. 27–30.

Shakhov, O. A., Babkin, A. A. & Kryukova, D. Yu. 2015, ‘Problems and prospects of the use of modern computer tools in the institutions of the penal system during the reform period’, *Vedomosti of the penal system*, iss. 6, pp. 31–35

PENAL LAW IN THE CONTEXT OF A NATURAL DISASTER, STATE OF EMERGENCY OR MARTIAL LAW

Irina Alekseevna Efremova, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of criminal and penal law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: efremova005@yandex.ru;

Andrey Petrovich Skiba, Sc.D (Law), Associate Professor, head of the department of penal law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru

PAROLE OF A CONVICTED PERSON: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN A STATE OF EMERGENCY

Recommended citation

Efremova, I. A. & Skiba, A. P. 2021, 'Parole of a convicted person: problems of implementation in a state of emergency', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 147–153, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.147-153.

Abstract. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Constitutional Law "On the state of emergency", the Penal Code of the Russian Federation and other normative legal acts, the authors identify a number of shortcomings in regulating the institution of early parole of convicts from serving their sentences in a state of emergency. The conclusion is made about the need for a comprehensive intersectoral approach to improving the institution of parole.

Keywords: parole, state of emergency, regime of special conditions in a correctional institution, petition of a convicted person, restriction of convicts' rights..

References

Alekseev, S. S. 1989, *General permissions and general prohibitions in Soviet law*, Legal literature, Moscow.

Samoshchenko, I. S. 1960, *Protection of the rule of law by the Soviet State*, Gosjurizdat, Moscow.

Kropacheva, A. V. 2016, 'Some issues of the procedure for the introduction of the state of emergency in the Russian Federation', *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLU)*, iss. 5, pp. 196–201.

Ozhegov, S. I. 1991, *Dictionary of the Russian language*, N. Yu. Shvedova (ed.), 23th edn, Russian language, Moscow.

Dergachev, A. V. & Skiba, A. P. 2017, 'The state of emergency as the basis for the introduction of a regime of special conditions in correctional institutions: regulatory problems', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 3, pp. 244–248.

Efremova, I. A. 2018, 'Material basis of early release from punishment', *Russian Journal of Criminology*, vol. 12, iss. 1, pp. 82–91.

Myakhanova, A. N. & Sin'kov, D. V. 2018, 'The issue of corruption in the parole process', *Bulletin of the Omsk Law Academy*, vol. 15, iss. 3, pp. 292–297.

Skorik, E. N. 2017, 'Some problems of determining the criteria for achievements evaluation of the goals of punishment', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2(31), pp. 99–103.

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. 2020, *Penal legislation in the context of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law*, 3rd edn, Criminological library, Moscow.

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

Denis Andreevich Dobryakov, PhD (Law), senior lecturer of the department of judicial power, law enforcement and human rights activities, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

SOME ISSUES OF IMPLEMENTING PUBLIC INFLUENCE IN THE EXECUTION OF PENALTIES IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Recommended citation

Dobryakov, D. A. 2021, 'Some issues of implementing public influence in the execution of penalties in the form of imprisonment', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 154–159, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.154-159.

Abstract. The article analyzes certain issues of public influence as one of the main means of correction during a sentence execution in the form of imprisonment. It is noted that at present, public influence on convicts in the Russian Federation can be exerted, first of all, in the form of public control over the observance of convicts' rights, carried out by regional public monitoring commissions and their members, as well as within the framework of the activities of the boards of trustees at correctional institutions. At the same time, the status and powers of these subjects enshrined in the current legislation do not allow to fully realize the potential of public influence on convicts and, as a result, need to be improved, which can be carried out, among other things, by expanding the range of relevant subjects, as well as increasing the significance of the acts adopted by them (conclusions, recommendations, etc.).

Keywords: criminal punishment, imprisonment, public influence, public control, civil society.

References

Commentary to the Penal Code of the Russian Federation (article by article) 2010, 3rd edn, Urite, Moscow.

Skiba, A. P. & Kharitonovich, E. D. 2020, 'Religious organizations as a subject of public influence in relation to convicts: on the concept of interaction with institutions and bodies that execute sentences', *News of the Tula State University, Economic and Legal Sciences*, iss. 3, pp. 65–74.

Dement'ev, A. N. n.d., Commentary to Federal Law No. 212-FZ adopted on 21.07.2014 "On the basics of public control in the Russian Federation", *RLS "GARANT"*, viewed 27 April 2021, <https://internet.garant.ru/#/document/57247248/paragraph/596>.

Savchenko, M. S. & Gribanova, A. S. 2015, 'Legal support of public control: problems and prospects of development', *Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*, iss. 110, pp. 1396–1408.

Skiba, A. P. 2018, 'Directions for the development of cooperation between the penal system and traditional confessions in the execution of sentences related to isolation from society', *Bulletin of the Ugra State University*, iss. 2(49), pp. 87–91.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling*, Jurisprudence, Moscow.

Minster, M. V. 2016, 'Public control over ensuring the rights of persons held in places of deprivation of liberty: legislation and practice of implementation', *Baikal Research Journal*, vol. 7, iss. 6, doi: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).18.

LEGAL STATUS OF CONVICTS

Valeriy Nikolaevich Belik, PhD (Law), Associate Professor, Honorary Lawyer of Russia, Honored Lawyer of the Moscow Region, leading researcher of the department of political science, Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: 7226905@mail.ru;

Mikhail Aleksandrovich Iskra, lawyer, Moscow Region Chamber of Lawyers, Moscow, Russian Federation, e-mail: advokat.iskra@yandex.ru

THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO COMPENSATION FOR VIOLATIONS OF THE DETENTION CONDITIONS OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS AND THE CONDITIONS OF CONVICTED PERSONS DETENTION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Belik, V. N. & Iskra, M. A. 2021, 'The implementation of the right to compensation for violations of the detention conditions of suspects and accused persons and the conditions of convicted persons detention in correctional institutions', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 160–165, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.160-165.

Abstract. Federal Law No. 494-FZ adopted on 27.12.2019 "On Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" grants the right to compensation for persons in custody and serving sentences in correctional institutions in case of violation of the conditions of their detention provided for by national legislation and international treaties of the Russian Federation. In this case, compensation can be obtained in accordance with the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. This circumstance is a positive moment in the field of human rights activities and the realization of the rights of persons in custody or serving sentences in correctional institutions. At the same time, the judicial practice on the application of innovations to the law has not yet developed and requires improvement, the subjects of penal relations and the signs that create conditions for obtaining the right to compensation are limited. For example, Russian legislation does not provide for an indisputable obligation of compensation, despite the establishment of violations of detention conditions of persons in places of forced detention. In order to receive compensation, the interested person must prove not only the fact of violations, but also the existence of a direct causal relationship between the established violations and the caused harm.

Keywords: the right to compensation, conditions of detention, suspect, accused, convicted person, detention, detention in a correctional institution, international treaties.

References

Filatova, M. A. & Butko, A. V. 2020, 'Conditions of detention: the new Russian protection mechanism and the practice of European countries. The decision of the European Court of Human Rights in the case "Shmelev and others against Russia"', *International justice*, iss. 2, pp. 27–46.

Elena Olegovna Siryakova, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of administrative law and administrative activity, Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 643351@mail.ru

HUMAN RIGHTS IN THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Siryakova, E. O. 2021, 'Human rights in the penal system', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 166–175, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.166-175.

Abstract. The article presents the results of studying official statistical reports, documents of the UN Human Rights Council, the European Committee against Torture, decisions of the European Court of Human Rights, websites of human rights organizations, and monographic studies. The Russian Federation occupies a leading position in terms of the number of persons deprived of their liberty in Europe and is the object of close attention from foreign and domestic human rights institutions. Traditional claims made to Russia by the international community in the issue of ensuring the rights of persons in the penal system: conditions of detention, the use of physical force, torture, proper medical care, outdated convoy infrastructure. In Russia itself, representatives of the public, state control and supervisory authorities note the illegal actions of the employees of the penitentiary system, the need to provide medical care, and improper conditions of detention. The author concludes that the human rights agenda is relevant in the penal system. Three groups of problems that require primary solutions are identified: material and technical, human resources, and legal. The most difficult of them is the funds for the renewal of fixed assets, as well as the rational territorial distribution of correctional institutions. The problem of human resources is the special characteristics of the special contingent (an increase in the number of patients, as well as registered convicts), and the lack of staff. One of the legal problems is the lack of sufficient legal regulation of court sessions organization in the videoconferencing mode.

Keywords: the penal system, convicted persons, suspects, accused persons, human rights.

References

- The World Prison Brief*, viewed 4 February 2021, <https://www.prisonstudies.org/map/europe>.
- Brief description of the penal system*, viewed 4 February 2021, <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
- Universal periodic review, Report of the Working Group on the Universal Periodic Review, Russian Federation 2009*, viewed 4 February 2021, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G09/162/61/PDF/G0916261.pdf?OpenElement>.
- Universal periodic review, Report of the Working Group on the Universal Periodic Review, Russian Federation 2013*, viewed 4 February 2021, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/155/11/PDF/G1315511.pdf?OpenElement>.
- Report to the Russian Government on the visit to the Russian Federation carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 21 May to 4 June 2012*, viewed 4 February 2021, <https://rm.coe.int/1680697bd6>.
- Report of the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation for 2019*, viewed 4 February 2021, https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf.

Analytical report on the results of the study “Torture in Russia: the prevalence of the phenomenon and the attitude of society to the problem” 2019, Moscow, viewed 4 February 2021, <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskij-otchet-19-SP-01.pdf>.

Artem'ev, N. S., Morozova, Yu. A. & Ponkratov, V. A. 2017, *Ensuring the principle of legality in pre-trial detention facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia*, Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Kirov.

EARLY PAROLE FROM PUNISHMENT

Yuriy Anatol'evich Kashuba, Sc.D (Law), Professor, professor of the department of penal law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru;

Aleksandr Anatol'evich Sokolov, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sasha_sokol95@mail.ru

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF SOME GROUNDS FOR RELEASE FROM SERVING A SENTENCE

Recommended citation

Kashuba, Yu. A. & Sokolov A. A. 2021, 'Retrospective analysis of some grounds for release from serving a sentence', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 176–181, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.176-181.

Abstract. The article is devoted to the genesis of the institution of early release from serving a sentence (parole). The subject of the study was the normative legal acts of the Russian state from the time of Kievan Rus to the end of the XX century. These sources of law were studied using the methods of historical analysis and subsequent comparison. In the course of the study, various grounds for exemption from serving a sentence that previously existed in legal reality were identified. As a result of the conducted retrospective analysis, some possible changes in the scope of expanding the existing grounds for parole are submitted for scientific discussion.

Keywords: release from serving a sentence, other grounds for parole, the history of the penal system, early release, offset of working days, parole with mandatory involvement in labor.

References

Babayan, S. L. 2012, 'Legal regulation of incentive institutions of penal law (historical aspect)', *History of state and law*, iss. 17, pp. 37–41.

Bogdanov, M. A. 2011, *Evolution of the institution of parole in Russian legislation (theoretical and historical-legal aspects): PhD thesis (Law)*, Vladimir.

Efremova, I. A. 2012, 'The history of the development and formation of institutions of exemption from criminal liability and punishment (1917-1960)', *Bulletin of the Academy of Law and Management*, iss. 29, pp. 128–133.

Efremova, I. A. 2018, *Institute of parole in the theory of criminal law, legislative and judicial practice: PhD thesis (Law)*, Saratov.

Yakovleva, L. V. 2002, *The Institute of parole in Russian law*, All-Russian Research Institute of the MIA of Russia, Moscow.

Zel'dov, S. I. 1982, *Release from punishment and its serving*, Legal literature, Moscow.

Spasovich, V. D. 1863, *Criminal law textbook*, vol. 1, iss. 1, viewed 12 April 2021, <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009401703>.

Badamshin, I. D. 2005, *Parole in the legislation of Russia: PhD thesis (Law)*, Ufa.

Ovchinnikov, S. N. 2014, 'Convicts' work stimulation in the penitentiary systems of European countries', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 3(27), pp. 72–76.

Kashuba, Yu. A. 2018, *Suspended sentence (release) with mandatory involvement in labor*, UNITI-DANA, Law and right, Moscow.

Mikhlin, A. S. 1982, *Problems of early parole from serving a sentence*, All-Union Research Institute of the MIA of the USSR, Moscow.

Tkachevskiy, Yu. M. 1970, *Release from serving a sentence*, Legal literature, Moscow.

EXECUTION OF NON-CUSTODIAL SENTENCES

Vladislav Nikolaevich Orlov, Sc.D (Law), Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal “Russian Criminological View”, professor of the department of organization of punishments execution, University of the FPS of Russia, St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation, e-mail: vlad-orlov@mail.ru

PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOR: SEPARATE CRIMINAL-LEGAL AND PENAL ASPECTS

Recommended citation

Orlov, V. N. 2021, ‘Punishment in the form of correctional labor: separate criminal-legal and penal aspects’, *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 182–191, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4). 2.182-191.

Abstract. The article is devoted to certain criminal-legal and penal aspects of the appointment, execution and serving of criminal punishments in the form of correctional labor. The author makes a number of conclusions: 1) punitive elements according to the source of regulation can be classified into two types: punitive elements of correctional labor, regulated in the Criminal Code of the Russian Federation; punitive elements of correctional labor, regulated in other sources; 2) in order to create a progressive system of serving correctional labor, the conditions of serving correctional labor should be classified into three groups: ordinary, facilitated and strict.

Keywords: correctional labor, maintenance of correctional labor, progressive system, execution, serving of punishment in the form of correctional labor.

References

Crime and delinquency (2011–2015) 2016, The main informational and analytical center of the MIA of Russia, Moscow.

Crime and delinquency (2015–2019) 2020, The main informational and analytical center of the MIA of Russia, Moscow.

Crime and delinquency (2010–2014) 2015, The main informational and analytical center of the MIA of Russia, Moscow.

Bushuev, I. A. 1968, *Correctional labor*, Legal literature, Moscow.

Timershin, Kh. A. 1990, *Correctional labor: history and modernity*, Ufa Higher School of the MIA of Russia, Ufa.

Orlov, V. N. 2020, *Criminal punishment and its types: concept and content*, Criminological Library, AGRUS, Stavropol State Agrarian University, Moscow, Stavropol.

Orlov, V. N. 2018, ‘The content of criminal punishment in the form of correctional labor: criminal-legal (material) and penal (procedural) norms’, *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 3, pp. 264–272.

Gorban', D. V. 2016, ‘Progressive system of execution and serving of correctional labor’, *Current problems of Russian law*, iss. 4(65), pp. 176–180.

Tkachevskiy, Yu. M. 2010, *Selected works*, A. V. Pashkovskaya (comp.), Law Center Press, St. Petersburg.

Avanesov, G. A. 1968, *Changes in the conditions of convicted persons detention while serving a sentence of imprisonment (progressive system)*, N. A. Struchkov (ed.), All-Union

Research Institute of Public Order Protection of the Ministry of Public Order Protection of the USSR, Moscow.

Struchkov, N. A. 1984, *Course of correctional labor law, Problems of the Special Part*, Legal literature, Moscow.

Alekseeva, G. A. 1980, 'On improving the efficiency of performing correctional labor without deprivation of liberty', in *The Constitution of the USSR and further improvement of the effectiveness of criminal law*, p. 92, Sverdlovsk.

Korneeva, A. V. 1986, *Correctional labor without deprivation of liberty as a type of criminal punishment: PhD thesis (Law)*, Moscow.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF SENTENCES EXECUTION

Khurshida Mirziyatovna Abzalova, Sc.D (Law), acting associate professor of the department of criminal law, criminology and anti-corruption, Tashkent State Law Institute of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan, e-mail: info@tsul.uz;

Natal'ya Sergeevna Maloletkina, PhD (Law), deputy head of the department of state and legal disciplines, Samara Law Institute of the FPS of Russia, e-mail: levkovka707@mail.ru

PENAL POLICY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: SOME ASPECTS OF IMPROVEMENT

Recommended citation

Abzalova, Kh. M. & Maloletkina, N. S. 2021, 'Penal policy of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation: some aspects of improvement', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 192–198, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.192-198.

Abstract. The article reveals some problems of the modern penal policy of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation. Special attention is paid to the penal legislation, structure, features and basic provisions that determine the activities of employees working at the penitentiary systems of the States under consideration. The shortcomings of the regulation and implementation of certain means of correction of convicts are considered. Proposals are formulated for some areas of penal and other legislation development. As a result of the study, the authors conclude that it is necessary to adjust the penal legislation and further develop the penal policy both in the Republic of Uzbekistan and in the Russian Federation in order to combat crime, improve the effectiveness of achieving the goals of the penal legislation and strengthen the image of employees working at institutions and bodies that execute sentences.

Keywords: penal policy, correction of convicts, crime prevention, content of the principles of penal legislation, public impact.

References

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. (eds) 2018, *Conflicts between the legislation of Russia and a number of countries (a brief scientific commentary)*, 3rd edn, UNITI-DANA, Moscow.

Salaev, N. S. 2021, 'Features of a sentence execution in the form of deprivation of liberty in emergency conditions in Uzbekistan', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 1, pp. 74–80.

Antonyan, Yu. M. 2019, 'The identity of the criminal and convicts' correction', *RGGU bulletin. Series: Economics. Management. Law*, iss. 2, pp. 117–127.

Kunts, E. V. 2021, 'Regime and educational work as a means of convicts' correction', *Bulletin of the Perm Institute of the FPS of Russia*, iss. 1 (40), pp. 41–45.

Skiba, A. P., Rodionov, A. V. & Maloletkina, N. S. 2020, 'Means of convicts correction and their individual characteristics: some theoretical and legal problems of interrelation', *Union of criminalists and criminologists*, iss. 2, pp. 95–101.

'Characteristics of persons in correctional colonies for adults' n.d., *FPS of Russia*, viewed 15 February 2021, fsin.gov.ru.

'Characteristics of persons registered in the penal inspections' n.d., *FPS of Russia*, viewed 15 February 2021.

Malikov, B. Z. 2018, 'Social influence is a means of convicts correction, and the role of the religious aspect in it', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 2, pp. 146–151.

Maloletkina, N. S. 2019, 'Legal bases of public influence as a means of convicts correction in Russia and a number of countries', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 4, pp. 362–366.

Popova, E. E. 2017, 'Social factors influencing the formation of public influence as the main means of convicts correction', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 3, pp. 249–252.

Irina Aleksandrovna Davydova, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 706197825041977@mail.ru

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL FACTORS ON THE EXPANSION OF LEGAL REMEDIES FOR CONVICTS IN RUSSIA

Recommended citation

Davydova, I. A. 2021, 'The influence of international factors on the expansion of legal remedies for convicts in Russia', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 199–204, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.199-204.

Abstract. The article consistently reveals various international factors that determine the policy and legislation in the field of sentences execution, analyzes the legal remedies available in Russia for convicts, examines their effectiveness from the point of view of implementing the requirements of Russian legislation and the assessment of the European Court of Human Rights, proves the importance of certain international factors and their role in the legislative consolidation of new legal remedies for convicts. The author identifies patterns related to the impact of specific recommendations contained in the decisions of the European Court of Human Rights on changes in Russian legislation in the field of sentences execution. The most significant legislative changes that expand the means of protecting the rights of prisoners and convicts to appropriate conditions of detention are the legislative acts that provide for the introduction of coefficients when calculating the period of pre-trial detention in the total term of imprisonment when serving sentences in various types of correctional institutions, as well as the possibility of receiving monetary compensation for improper conditions of detention or in places of deprivation of liberty. The article analyzes the grounds for the adoption of a number of legislative acts that allow for the protection of the persons' rights in isolation. It is concluded that the decisions of the European Court of Human Rights have a direct impact on the adoption of laws that amend the current legislation in the field of detention and sentences execution, and the preservation of the importance of international factors, regardless of changes in the normative regulation of constitutional and legal relations.

Keywords: international factors, means of legal protection of convicts, appropriate conditions of convicts detention, multiplicity factor, monetary compensation.

References

- Grushin, F. V. 2017, *Influence of the factors system on the development of the penal policy and the penal legislation of the Russian Federation*, V. I. Seliverstov (ed.), INFRA-M, Moscow.
- Komarov, S. A., Lapteva, I. V. & Titenkov, D. I. 2015, *Human rights and legal infiltration of the norms of the conventions and decisions of the European Court of Human Rights into the legal system of the Russian Federation*, S. A. Komarov (ed), 2nd edn, Law Institute (Saint Petersburg), Moscow, St. Petersburg

Igor' Viktorovich Sleptsov, PhD (Law), professor of the department of criminal law and organization of punishment execution, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabyrbayev, Kostanay, Republic of Kazakhstan, ORCID 0000-0002-8750-7757, e-mail: uuipik@mail.ru

THE DEATH PENALTY UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: HISTORY AND MODERNITY

Recommended citation

Sleptsov, I. V. 2021, 'The death penalty under the legislation of the Republic of Kazakhstan: history and modernity', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 205–214, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.205-214.

Abstract. The article shows the genesis of the institute of the death penalty in Kazakhstan on the basis of historical and legal sources, the current national legislation, as well as the results of historical and legal research. The provisions of the norms of the Kazakh customary law concerning the possibility of applying the death penalty for various criminal acts, as well as the procedure for replacing it with a ransom (kun), are analyzed. It also shows the process that took place in the Republic of Kazakhstan, associated with the departure from the practice of a fairly wide application of this measure of criminal legal influence, to the almost complete abolition of the death penalty.

Keywords: the right to life, the death penalty, the customary law of the Kazakhs, kun.

References

- Nikonova, N. P. 2004, *The death penalty as a type of criminal punishment: PhD thesis (Law)*, Tyumen.
- Koestler, A. & Camus, A. 2003, *Reflections on the death penalty*, translated from French by A. I. Lyubzhin, P. I. Pronichev, Praksis, Moscow.
- Kvashis, V. E. 2008, *The death penalty: global trends, problems and prospects*, Urite, Moscow.
- Zimanov, S. 1989, 'The state and tasks of developing problems of Kazakh customary law', in *Problems of Kazakh customary law*, pp. 8–30, Nauka KazSSR, Alma-Ata.
- Klyashtornyy, S. G. & Sultanov, T. I. 1992, *Kazakhstan: the chronicle of three millennia*, Rauran, Alma-Ata.
- Kul'teleev, T. M. 2004, *Criminal customary law of the Kazakhs*, Karaganda.
- Akhmetova, N. S. 1989, 'The customary law of the Kazakhs and its characteristic features', in *Problems of Kazakh customary law*, pp. 30–43, Nauka KazSSR, Alma-Ata.
- Dauletova, S. 1989, 'Barymta and its liquidation in the first years of Soviet power in Kazakhstan', *Problems of Kazakh customary law*, pp. 85–92, Nauka KazSSR, Alma-Ata.
- Userov, N. 1977, *Research of the legal monument "Zhety-Jargy": PhD thesis (Law)*, Alma-Ata.
- Kul'teleev, T. M. 1949, 'On the history of the development of Soviet criminal legislation in Kazakhstan', in *Proceedings of the third session of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*, pp. 390–397, Alma-Ata.
- Kenzhaliev, Z. 1989, 'Institutions and norms of customary law in the conditions of Soviet power', in *Problems of Kazakh customary law*, pp. 92–119, Nauka KazSSR, Alma-Ata.
- Fuks, S. L. 1981 *The customary law of the Kazakhs in the XVIII – first half of the XIX century*, Nauka, Alma-Ata.

Vyatkin, M. P. 1947, *Batyr Srym*, Moscow, Leningrad.

Vyatkin, M. P. 1941, *Essays on the history of the Kazakh SSR: from ancient times to 1870*, Moscow.

Shakhmatov, V. F. 1946, *The inner horde and the uprising of Isatai Taimanov*, Alma-Ata.

Dzhakibaev, U. 1989, 'Criminological aspects of custom and customary law', in *Problems of Kazakh customary law*, pp. 72–84, *Nauka KazSSR*, Alma-Ata.

Abil', E. 2005, *History of the state and law of Kazakhstan*, Karaganda.

Musin, S. n.d., *Death penalty*, viewed 18 April 2011, <http://www.zakon.kz>.

Root, V. n.d., *There is an alternative to an exceptional measure*, viewed 14 May 2002, <http://www.zakon.kz>.

Zhumabaev, E. n.d., *The death penalty: signs, historical aspects, the current state, its abolition as a mechanism for strengthening the protection of human rights*, viewed 2 April 2012, <http://www.zakon.kz>.

15 interesting facts about the death penalty in the Republic of Kazakhstan n.d., viewed 2 November 2016, <http://www.zakon.kz>.

The death sentence of the "Almaty shooter" was the first in Kazakhstan in 10 years n.d., viewed 2 February 2021, <http://www.interfax.ru>.

Ruslan Kulekbaev was sentenced to death n.d., viewed 1 February 2021, <http://www.tengrinews.kz>.

Yazykova, T. n.d., *The Majilis approved the ratification of the Second Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, aimed at the abolition of the death penalty*, viewed 23 December 2020, <http://www.zakon.kz>.

Tat'yana Georgievna Tereshchenko, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of penal law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: tati2034@yandex.ru

THE ASSESSMENT OF CORRUPTION RISKS IN THE INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Recommended citation

Tereshchenko, T. G. 2021, 'The assessment of corruption risks in the institutions of the penal system of the Republic of Belarus', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 215–220, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.215-220.

Abstract. In the article, the author reveals the concept of corruption risks in the context of their content, the system of measures (procedures) to identify such risks (identification) and the probability (possibility) of committing corruption crimes and offenses of a corruption nature. Taking into account the possibility of committing socially dangerous encroachments, causing harm by socially dangerous actions, including in the context of corruption legal relations, it is important for each state to assess the possibility and probability of corruption risks, including the penal system, within the framework of the implementation of anti-corruption policy. It is advisable to adequately assess the current criminological situation from the point of view of its security, to take measures to prevent the criminalization (secondary criminalization) of certain spheres of society's life, the involvement in the process of criminalization of persons who are civil servants, persons equated with civil servants, foreign officials. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that in order to form a unified approach to ensuring the work on the assessment of corruption risks, it is advisable to introduce an algorithm for identifying and assessing corruption risks in the bodies and institutions of the penal system, taking into account the current situation.

Keywords: penal system, corruption, risks of corruption.

References

UN Office on Drugs and Crime, viewed 15 January 2021, <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/education.html>.

Specialised Anti-Corruption Institutions, Review of models, Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia, viewed 15 January 2021, <https://www.oecd.org/corruption/acn/39971975.pdf>.

Methodology for assessing corruption risks arising in the implementation of the functions of the Investigative Committee of the Russian Federation n.d., viewed 10 January 2021, <http://kchr.sledcom.ru/folder/858704/item/858709>.

Assessment of corruption risks in draft laws that change the current legislation in the field of state and municipal orders: report 2011, Center for Anti-Corruption Research and Initiatives "Transparency International-R", Moscow.

Astanin, V. V. 2014, *Anti-corruption Policy of Russia: criminological aspects*, UNITI-DANA; Law and right, Moscow.

Satarov, G. A. 2008, *Diagnostics of Russian corruption: a sociological analysis*, INDEM Foundation, Moscow.

Klim, A. M. 2016, 'Corruption risks: concept, essence, classification', *Questions of criminology, criminalistics and forensic examination*, iss. 1(39), pp. 7–11.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Linar Rinatovich Khabibullin, adjunct of the department of criminal and penal enforcement law, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: linar-7771@mail.ru

FOREIGN CONCEPTS OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO MASS RIOTS

Recommended citation

Khabibullin, L. R. 2021, 'Foreign concepts of criminal law counteraction to mass riots', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 221–226, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.221-226.

Abstract. In the modern world, there is a steady increase in organized protest actions. The article presents a study of foreign concepts of criminal law counteraction to mass riots. The evolution of organized protest activity over the past ten years is considered. The study of the criminal legislation of the countries of continental Europe (the Federal Republic of Germany, the French Republic), as well as the states located on the territory of the post-Soviet space (the Republic of Azerbaijan, the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Ukraine), allowed us to demonstrate the development of national concepts in the field under study. Their similarities and differences are analyzed, positive experience is noted, and on the basis of which directions for improving the effectiveness of criminal law counteraction to mass riots are proposed.

Keywords: security, crime prevention, mass riots, society, state, concept

References

Chikvin, A. 2019, 'A decade of protest: how the fate of countries was decided on the squares and why the actions of popular discontent only grow', *TJ – blog-platform*, 26 December, viewed 20 January 2021, <https://tjournal.ru/analysis/131383-desyatiletie-protesta-kak-sudby-stranreshalis-na-ploshchadyah-i-pochemu-akcii-narodnogo-nedovolstva-tolko-razrastayutsya>.

'Protests in Russia and the world: corruption, inequality, freedom and climate' 2019, *BBC News Russian service*, 25 October, viewed 20 January 2021, <https://www.bbc.com/russian/features-50170867>.

Petryanin, A. V., Chernykh, E. E. & Kuz'menko, V. S. 2014, 'Criminal Policy of the Russian Federation: state, directions and prospects', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, iss. 2(26), pp. 159–164.

Petryanin, A. V. 2015, 'Criminal policy of the Russian Federation in the field of countering extremism', *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, iss. 1, pp. 245–250.

Veklenko, S. V. & Yakunin, A. I. 2011, 'Legislative regulation of criminal liability for mass riots in foreign countries', *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, iss. 1(3), pp. 23–29.

Bagmet, A. M. 2012, 'Criminal law counteraction to mass riots abroad', *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*, iss. 7(26), pp. 82–85.

Polonskiy, M. A. 2010, 'The differentiation of criminal liability of mass riots subjects in the legislation of the Kyrgyz Republic, the CIS and the Baltic States', *Modern science*, iss. 1(1), pp. 52–57.

'Model Criminal Code for the CIS member states' 1996, *Pravovedenie*, iss. 1, pp. 92–150.

Alimpiev, A. A. 2017, 'Comparative legal analysis of the norms on criminal liability for committing mass riots in the Russian Federation, the countries of the Commonwealth of Independent States and the Near abroad', *Society and law*, iss. 3(61), pp. 51–56.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Andrey Leonidovich Santashov, Sc.D (Law), Associate Professor, chief researcher (for sociological research) of the scientific-research department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: akskrf@yandex.ru

THE REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON RUSLAN RAFIKOVICH KHALILOV'S THESIS "MEASURES OF CRIMINAL AND LEGAL ENCOURAGEMENT OF POSITIVE BEHAVIOR OF CONVICTS SERVING IMPRISONMENT", SUBMITTED FOR THE DEGREE OF PHD (LAW) IN THE SPECIALTY 12.00.08 – CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; PENAL LAW (KAZAN, 2020. 222 P.)

Recommended citation

Santashov, A. L. 2021, 'The review of the official opponent on Ruslan Rafikovich Khalilov's thesis "Measures of criminal and legal encouragement of positive behavior of convicts serving imprisonment", submitted for the degree of PhD (Law) in the specialty 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law (Kazan, 2020. 222 p.)', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 227–233, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.227-233.

Abstract. The article presents the review of the official opponent on Ruslan Rafikovich Khalilov's thesis "Measures of criminal-legal encouragement of positive behavior of convicts serving imprisonment". The thesis was performed at the Department of Criminal Law of the Kazan (Volga Region) Federal University. Scientific supervisor – Sc.D (Law), Professor, professor of the department of criminal law F. R. Sundurov (Kazan (Volga Region) Federal University). The thesis was defended 25.02.2021 at the meeting of the Dissertation Council of KFU.12.02 No. 01-03/676, created on the basis of Kazan (Volga Region) Federal University. In general, the author of the article concludes that the thesis of R. R. Khalilov meets the requirements for works of this kind and is a logically completed study in the field of legal sciences. At the same time, there are some suggestions for further deepening of the research, which in no way detracts from the merits of the thesis itself and does not affect its overall positive assessment.

Keywords: thesis, criminal law, criminology, penal law, incentive measures in criminal law, convicted persons.

References

Khalilov, R. R. 2020, *Measures of criminal-legal encouragement of positive behavior of convicted persons serving imprisonment: PhD thesis (Law)*, Kazan.

Andrey Petrovich Skiba, Sc.D (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru:

Dmitriy Alekseevich Nikitin, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law disciplines, University of the FPS of Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation, e-mail: dima60-62@yandex.ru

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “ENSURING HUMAN RIGHTS IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION” (MAY 17–18, 2021)

Recommended citation

Skiba, A. P. & Nikitin, D. A. 2021, 'International scientific and practical conference “Ensuring human rights in the penal system of the Russian Federation” (May 17–18, 2021)', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 234–241, doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.234-241.

Abstract. The department of criminal law disciplines of the University of the FPS of Russia, together with the department of penal Law of the Academy of the FPS of Russia, the Legal department of the FPS of Russia and the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation held an International Scientific and Practical Conference “Ensuring Human Rights in the penal system of the Russian Federation” on May 17-18, 2021 within the framework of the complex of international scientific and practical conferences “St. Petersburg Penitentiary Conferences”. It is the first scientific event of its kind, in which the legal status of convicts, employees of the penal system and other participants of penal relations was considered. It seems that the discussion held by the participants of the conference raised to a new level the discussion of various issues of theory, legislation and practice of ensuring human rights in the penal system.

Keywords: conference, ensuring the rights of convicts, the legal status of employees of the penal system, correction of convicts, prevention of crimes.

INTERVIEWS WITH LEADING PENITENTIARY SCIENTISTS

Fedor Vladimirovich Grushin, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fedor062@yandex.ru

INTERVIEW WITH SC.D (LAW), PROFESSOR VLADIMIR ALEKSANDROVICH UTKIN

Recommended citation

Grushin, F. V. 2021, 'Interview with Sc.D (Law), Professor Vladimir Aleksandrovich Utkin', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 2, pp. 242–250.

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *О. А. Кейзина*

Корректор *А. Ю. Пертли*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова, С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 05.07.2021. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,00. Усл. печ. л. 8,37. Тираж 1500 экз.

Заказ № ____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 2072-2427

21162

